

Н. МАХМУДОВ

**ЗЕМЛЕДЕЛИЕ
И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIV-XV ВВ.**

ДУШАНБЕ—1966 г.

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. АХМАДА ДОНИША

Н. МАХМУДОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ
И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIV-XV вв.

*Ответственный редактор кандидат
исторических наук
А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»

ДУШАНБЕ — 1966 г.

Н. МАҲМУДОВ

ЗИРОАТКОРӢ
ВА МУНОСИБАТҶОИ АГРАРӢ
ДАР ОСИЁИ МИЁНА
ДАР АСРҶОИ XIV-XV

*Муҳаррири масъул номзади
фанҷои таърих
А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ*

ОТ АВТОРА

Советские ученые, всесторонне изучая социально-экономическую историю каждого народа Средней Азии, опубликовали ряд весьма интересных работ. Так, советскими археологами добыты в последние десятилетия важные данные о зарождении и развитии земледелия в различных районах страны начиная с глубокой древности. Вопрос категорий феодального землевладения в Средней Азии и сопредельных странах в исторической науке привлек к себе особо пристальное внимание исследователей. Большая заслуга в его разрешении принадлежит А. Ю. Якубовскому, И. П. Петрушевскому, П. П. Иванову. Ряд важных вопросов феодального землевладения освещен в работах Е. А. Давидович, О. Д. Чехович и других авторов.

Земельная рента и налоговая система освещены в трудах В. В. Бартольда, А. А. Семенова и в работах А. А. Молчанова и С. А. Азимджановой.

Следует отметить, что, несмотря на значительное число работ советских историков, посвященных феодальным отношениям в Средней Азии, в свете задач советской историографии сделанное до сих пор представляется все же недостаточным. Отдельные вопросы истории земледелия и феодальных отношений исследованы лишь в самых общих чертах. Многие конкретные вопросы экономической истории Средней Азии ждут своего дополнительного разъяснения.

Автор на основании исторических сочинений и документальных источников, а также данных, содержащихся в монографических исследованиях и периодических изданиях, поставил перед собой задачу охарактеризовать состояние земледелия и аграрных отношений Средней Азии в эпоху правления Тимура и Тимуридов. При разработке исследуемых вопросов автор руководствовался марксистско-ленинской методологией.

Впервые привлеченные автором материалы позволили подробнее изучить этот круг вопросов.

В соответствии с поставленными задачами работа делится на четыре главы:

- I. Ирригация, сельскохозяйственные культуры;
- II. Категории феодального землевладения Средней Азии в XIV—XV вв.;
- III. Феодальная рента и налоги при Тимуре и Тимуридах;
- IV. Категории крестьян и посаженные на землю рабы.

Глава I состоит из двух разделов. В них приводятся сведения об оросительных сооружениях эпохи Тимуридов и сельскохозяйственных культурах Средней Азии. В отдельности рассматриваются земледельческие культуры, зерновые растения, плодовые деревья, сорта винограда и их распространение, бахчевые, овощные и технические культуры.

В главе II четыре раздела: «Государственные земли», «Ленное (суюргалы) и тарханное землевладение», «Мульковые земли» и «Вакфные земли».

Глава III состоит из двух разделов. В первом характеризуются земельная рента и харадж, во втором — другие подати и повинности.

В главе IV дается описание категорий крестьян, рассматривается вопрос о закреплении их и применении рабского труда в сельском хозяйстве.

Как в выборе темы, так и своей научной подготовкой автор обязан своему научному руководителю кандидату исторических наук Александру Марковичу Беленицкому, которому выражает признательность.

Автор приносит благодарность Н. А. Кислякову, В. А. Ромодину, Б. И. Искандарову, Ю. Брегелу, З. Ш. Раджабову, А. С. Тверитиновой, А. И. Фалиной, Б. А. Литвинскому, А. М. Мухтарову, Н. Н. Негматову, А. Джалилову, О. Маджлисову, которые своей критикой, советами и консультациями помогли автору в написании данной работы.

ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Методологической основой данной работы служило учение основоположников марксизма-ленинизма о производительных силах и производственных отношениях в различных общественно-экономических формациях. Особое значение имели непосредственно касающиеся темы данной работы высказывания классиков марксизма-ленинизма о феодальных отношениях на Востоке, о характере эксплуатации трудового народа, взимания податей, земледелия, ирригации и т. п. Руководствуясь этими положениями, мы получили возможность в меру наших сил дать характеристику фактов, о которых сообщают различные письменные источники.

Источники, использованные в данной работе, делятся в основном на две группы: нарративные исторические сочинения и документальные источники.

Из числа исторических сочинений для времени правления Тимура исключительно важное значение для нашего исследования имеют сочинения, повествующие о времени правления Тимура. Это прежде всего «Зафарнома» Низамаддина Шами.¹ В ней содержатся сведения о податной системе и налоговой политике Тимура, но особенно ценны сведения относительно раздачи при Тимуре сургальных пожалований.

В такой же мере важные сведения содержатся в «Зафарнома» Шарафиддина Али Йазди.² Сочинение это также посвящено истории времени правления Тимура. Оно написано после смерти Тимура. Труд Йазди содержит много данных по упомянутым вопросам, которые отсутствуют у Шами. «Зафарнома» Йазди содержит, кроме того, сведения и по другим вопросам феодального землевладения и земледелия. В частности, интересна характеристика лучших сортов плодовых деревьев Самарканда.

Несколько более ограниченное значение для нашей работы имеет сочинение Гийассаддина Али «Дневник похода Тимура в Индию».³ Труд Гийассаддина Али содержит, как и

первые два сочинения, некоторые добавочные сведения по вопросам суюргальных пожалований и податной системе. Очень интересен приводимый им рассказ относительно захвата рабов в Индии.

Исключительно ценным источником является сочинение Клавихо «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг.»⁴ Клавихо сообщает важные сведения о различных видах сельскохозяйственных культур и их лучших сортах, которые возделывались в посещенных им местностях. Документальное значение имеют также его рассказы относительно повинностей населения, в частности о посольской повинности, которой он сам пользовался, проезжая по владениям Тимура.

Ценные сведения мы извлекли из сочинения Муинаддина Натанзи «Мунтахаб ат-таварихи Муини»⁵. Важное значение имеют сообщения Натанзи об освобождении Тимуром вакфного имущества страны от хараджа и других податей, а также сведения по ряду других вопросов феодального землевладения и податной системы времени правления Тимура.

Среди исторических источников высоко оценена наукой книга «Матла'ас са'дайн ва маджма'ал-бахрайн» Абдурраззака Самарканди⁶. В этой книге мы находим ценные сведения по многим интересующим нас вопросам. Современник описываемых им событий, Абдурраззак Самарканди приводит данные о мульковом и вакфном землевладении и податной системе в государстве Тимуридов для времени от начала правления Шахруха до Абу Саида включительно. В «Матла'ас са'дайн» мы находим сведения о некоторых не отмеченных в науке податях, таких, как например, подымный налог (дуди), относительно которого в других исторических сочинениях этого времени сведения отсутствуют.

В конце XV и начале XVI вв. были составлены два многотомных сочинения по всемирной истории, содержащие обширные разделы по эпохе Тимуридов. Это «Роузат ас-сафа» Мирхонда и «Хабиб ас-сияр» Хондемира. В «Роузат ас-сафа» (ч. VI—VII)⁷ мы находим много данных по всем интересующим нас вопросам: землевладения и податной системе государства Тимуридов, особенно ценны сведения Мирхонда о времени правления последнего тимурида султана Хусейна Байкара, при дворе которого жил сам автор. В сочинении Хондемира мы также находим много интересных фактических данных по нашей теме. Автор сообщает о положении народных масс в связи с усилением междоусобных войн в стране между царевичами-тимуридами, о падении государства Тимуридов и установлении господства Шейбанидов⁸.

Чрезвычайно ценным источником для нашей работы явился труд Захириддина Бабур, известный под названием «Бабурнаме»⁹. Бабур сообщает исключительно важные сведения о характере землевладения в ряде областей Средней Азии в конце XV в. В «Бабурнаме» мы находим наиболее подробное описание различных видов сельскохозяйственных культур и их лучших сортов, возделывавшихся в тех или иных областях Средней Азии. В «Бабурнаме» показано положение народных масс, сообщается о податях, а также дается характеристика некоторым крупным землевладельцам страны.

Ценным источником для решения ряда вопросов социально-экономической истории Хорасана конца XV в. является сочинение Исфизари «Роузат ал-джаннат»¹⁰. Интерес представляют для нашей работы и сочинения Хафиза Абру¹¹.

Ценные сведения мы извлекли из трактата по агротехнике—«Иршад аз-зироат», составленного Фазилом Хареви в первой четверти XVI в. Нами использована рукопись Ташкентского хранилища АН Уз. ССР, к сожалению, дефектная¹². Трактат содержит сведения о различных видах и сортах зерновых растений, плодовых деревьев, о сортах винограда, об овощах и т. д.

Хотя сведения трактата относятся к Гератскому оазису, однако, поскольку климатические условия большинства южных районов Средней Азии мало чем отличались от климатических условий Гератского оазиса, мы считаем, что многие виды и сорта растений, упомянутые в «Иршад аз-зироат», безусловно, возделывались в большинстве районов Средней Азии. Это подтверждается сведениями других источников, которые во многом совпадают с данными «Иршад аз-зироат».

Вторая категория наших источников, как было указано выше,— документальные. Из их числа для нас особо важным явился сборник копий документов «Тарассул» Абд Аллаха Марвариды.¹³ В этом сборнике имеются копии многих подлинных документов, в большинстве относящихся ко времени правления султана Хусейна Байкара. Особенно ценными для нашего исследования явились копии указов (нишон) о назначении ряда лиц садрами. Из этих указов мы узнаем о системе управления вакфами страны, о правах садра, податях, взимаемых с вакфных имуществ в пользу садра и его чиновников, и др. В «Тарассул» помещены также копии вакфных грамот и нескольких указов, имеющих большое значение для характеристики вакфного землевладения эпохи Тимуридов.

Помимо документов, относящихся к вакфному землевладению и системе управления вакфов, в «Тарассул» имеется и копия указа султана Хусейна о ранее неизвестной в науке

подати нормандор кутуни. Этот указ дополняет сведения общеисторических источников по податной системе государства Тимуридов.

Интерес представляют и несколько подлинных вакфных грамот эпохи Тимуридов, большинство которых издано исследователями. К ним относятся: вакфный документ времени Тимура¹⁴; вакфный документ Ишратхана¹⁵ и вакфный документ мазара Носира Хисрава.¹⁶

Переходя к обзору литературы, необходимо отметить, что до сих пор важнейшими исследованиями по истории Тимура и Тимуридов остаются труды акад. В. В. Бартольда, писавшего как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и при Советской власти. К этим трудам относится «Хафиз Абру и его сочинения»,¹⁷ где дается характеристика земледелия некоторых районов Мавераннахра XV в. Работа В. В. Бартольда «Улугбек и его время»¹⁸ хотя и посвящена разработке главным образом политической и культурной истории Мавераннахра, рассматривает и некоторые стороны социальной жизни страны времени правления Улугбека. Для изучения земледелия Хорезма большое значение имеет работа В. В. Бартольда «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи»,¹⁹ где разрабатываются некоторые положения земледелия и описываются возделываемые культуры этой области. Нами использованы еще работы В. В. Бартольда «Мир-Алишир и политическая жизнь»,²⁰ «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»²¹ и др. В изучении истории государства Тимуридов значительный вклад сделан А. А. Семеновым. В статье «Некоторые данные по экономике империи султана Хусейн мирзы»²² А. А. Семенов характеризует экономическое состояние, главным образом сельское хозяйство, государства султана Хусейна. Статья А. А. Семенова «Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейн мирзы»²³ также посвящена разработке вопросов политической и социальной жизни в этом государстве.

Работа В. А. Жуковского «Развалины старого Мерва»²⁴ посвящена изучению района Мерва. В ней В. А. Жуковский, опираясь на данные письменных источников и археологии, разбирает в основном вопросы географии и исторической топографии Мерва, приводит важные сведения для характеристики оросительной системы Мервского оазиса при Тимуридах и состояния земледелия этого района.

Прямое отношение к нашей теме имеет статья А. А. Молчанова «К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои».²⁵ Хотя определение значения некоторых податных терминов А. А. Молчанов, как нам кажется, дает не-

точно, тем не менее статья важная для решения вопросов о податной системе государства султана Хусейна.

Отметим также интересную статью Р. Н. Набиева «Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в.»,²⁶ где автор рассматривает данные источников о хозяйстве крупнейшего феодала Ходжи Ахрара.

Для изучения вопросов, связанных с орошением и земледелием Хорезма, большое значение имеет работа Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма»,²⁷ в которой автором использованы богатый археологический материал и сведения письменных источников.

Назовем и статью А. М. Беленицкого «К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху XIV—XV вв.»²⁸ А. М. Беленицкий на основе сведений письменных источников выясняет вопрос о возникновении сурггала и развитии сурггальной формы землевладения в эпоху Тимуридов.

Большой интерес для разработки всего комплекса интересующих нас вопросов имеет работа И. П. Петрушевского «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.»²⁹ И. П. Петрушевский, используя большое количество источников и других материалов, выясняет вопросы земледелия, ирригации, категорий феодального землевладения, категорий крестьян, феодальной ренты и налогов и другие вопросы сельской жизни Ирана XIII—XIV вв.

Нами использована работа С. Азимджановой «Из истории Ферганы второй половины XV в.»³⁰, где рассматриваются некоторые вопросы земледелия, аграрных отношений и положения населения Ферганы указанного времени, и статья «Некоторые экономические взгляды Захириддина Мухаммада Бабура»,³¹ характеризующая взгляды Бабура на податную систему.

В большой работе П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов»³² на основе документальных источников характеризуется хозяйство крупных бухарских духовных феодалов—джуйбарских шейхов, возникшее в середине XVI в.

Кроме перечисленной выше литературы, нами использованы также работы А. Ю. Якубовского, И. П. Петрушевского, А. А. Семенова, А. Н. Болдырева, Е. А. Давидович, Г. Ремера, В. Минорского, В. Ф. Гайдукевича, А. Джалилова, Н. Негматова, Ф. А. Заславской, Р. Г. Мукминовой, Г. А. Пугаченковой и ряда других авторов. Мы коснемся освещаемых ими вопросов в соответствующих разделах данной работы.

ИРРИГАЦИЯ. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ

1. Сведения об оросительных сооружениях эпохи Тимуридов

Общеизвестно, насколько велика роль искусственного орошения для развития земледелия в Средней Азии. В условиях Средней Азии основу феодальных производственных отношений составляла соб-

ственность феодалов на главные средства сельскохозяйственного производства — землю и воду. История орошения Средней Азии освещена уже в ряде работ исследователей. Среди них особо следует отметить труд В. В. Бартольда «К истории орошения Туркестана» и работу Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней».

Для времени Тимуридов общий запас сведений, к сожалению, весьма ограничен, и дать полную картину состояния ирригации не представляется возможным. Ими далеко не полно охватываются даже наиболее крупные области Средней Азии. Тем не менее даже и эти разрозненные данные источников представляют определенный интерес. Они, бесспорно, свидетельствуют о том, что при Тимуре и его преемниках воздвигались в крупном масштабе новые оросительные сооружения или восстанавливались прежде существовавшие, но разрушенные при монголах ирригационные системы. Водоснабжение Самарканда, как столицы государства, а также и всей долины Зеравшана должно было пользоваться особым вниманием со стороны тимуридских правителей. Для орошения земель Самаркандской области, а также самого города при Тимуридах, как и теперь, главное значение имела р. Зеравшан. У Варагсера (голова плотины) брали начало три главных арыка: Даргам, Аббас и Караунас, которыми орошалась местность к югу от Самарканда. Самым крупным из этих арыков был Даргам. «Длина всего пространства от Варагсера до крайних пределов Даргама составляла 10 фарсахов».³³ Самарканд получал воду из Даргама.³⁴ Северные и восточные

предместья города орошались ключевыми арыками, главным из которых был Сиаб, который у Бабура назван Оби-Рахмат.³⁵ Арыки Аббас и Караунас протекали несколько южнее арыка Даргам и оба оканчивались у построенного Тимуром селения Миср. Впоследствии первый из них получил название Янги-арык, или по-персидски Джу-и Нау, второй—Казан-арык.³⁶

«Устройство садов, которыми Тимур и его первые преемники украсили Самарканд и его ближайшие окрестности, вероятно, было связано с проведением новых каналов или исправлением старых».³⁷ Вследствие проведения Тимуром оросительных работ в области Самарканда образовался Анхарский тюмен. К значительным по своим размерам зеравшанским арыкам относятся также Фай, или Пай, который проходил севернее Катта-Кургана,³⁸ и Булунгур, орошавший район Алиабада.³⁹ Оба арыка существовали еще до эпохи Тимуридов.

Одним из значительных в средневековье считался также Иски-Ангарский канал. С. К. Кабанов на основе археологических наблюдений трассу Иски-Ангарского канала разделяет на три части: 1) участок Зеравшанской долины, или верхний участок, длина от головного сооружения до Кескен-Джара 45 км; 2) горный, или средний, участок, длина от Кескен-Джара до Кара-Тепе около 75 км; 3) участок долины Кашка-Дарья длиной около 60 км.⁴⁰ Придаргамская степь орошалась еще в древности. Горный участок канала, начиная от Кескен-Джара, не существовал до времени Тимура и был прорыт при Тимуре, низовой участок канала от Кара-Тепе до р. Кашка-Дарья еще не изучен.⁴¹ Водой Зеравшана орошалась и Бухара, хотя, по словам Бабура, «летом по три-четыре месяца воды для Бухары даже не хватает».⁴²

Большие оросительные работы при Тимуре и Тимуридах были проведены и в долине Мургаба. После завоевания Хорасана в 1381 г. Тимур распорядился, чтобы каждый из военачальников и вельмож вывел из Мургаба канал и положил здесь основание земледелию. «Хафизи-Абру приводит названия двадцати каналов; среди них девять носят имена военачальников и сановников, известных в истории Тимура; один канал носил имя женщины: Кутлуг-хатун; возможно, что имеется в виду сестра Тимура Кутлуг-Туркан-ага, умершая в 1383 году».⁴³

Большие работы по восстановлению ирригационной системы Мервского оазиса были проведены при Шахрухе. В 1409 г. началось восстановление плотины (Султан-бенд) и очистка занесенных каналов. По описанию Хафизи Абру, «ши-

рина главного канала плотины достигала 20 аршин, потом уменьшалась до 15; глубина в том месте, где на пути встречались холмы (которые приходилось уничтожать), доходила до 30 аршин, на ровном месте нигде не была меньше пяти. Все пространство от плотины до ворот домонгольского Мерва (городища Султан-Кала) равнялось 12 фарсахам». ⁴⁴ Некоторые меры по орошению и заселению пустыющих земель Мерва были проведены и султаном Хусейном. По словам Исфизари, «султан Хусейн мирза отличался необыкновенной заботливостью в отношении народа, пониманием его нужд, которые он всячески старался облегчить. Поэтому в его время подданные с необыкновенным рвением занимались земледелием, так что на местах солончаковых и каменистых не осталось точки, которая не была бы превращена в поля и сады; сколько бы в пустынях ни было мертвых, бесплодных земель, все были вызваны к жизни проведением каналов и водопроводов. Между прочим, от Мургаба до Мерв-Шахиджана было около тридцати фарсахов бесплодной пустыни и от Сарахса до Мерва около двадцати пяти фарсахов; эти полосы были засеяны и заселены, так что слились в одну». ⁴⁵

По определению Я. Г. Гулямова, во время владычества Тимуридов в Хорезме не было проведено «ни одного мероприятия по расширению оросительной сети хотя бы в пределах домонгольского оазиса». ⁴⁶

В сборнике «Тарассул» Абд Аллаха Марварида имеется копия указа относительно орошения пустыющих земель окрестности г. Мерва. В указе обращаются к везирам, эмирам, садрам, знатным людям, а также ко всему населению страны. В нем говорится, что лица, желающие орошать и заселять пустыющие земли, расположенные на территории за основной городской стеной и на территории мазара Бурейды и Хакама, освобождаются от взимания налогов мал, хараджат и прочих диванских повинностей, а также от взимания ихраджати сана (букв. «годовой ихраджат»). ⁴⁷

По определению Г. А. Пугаченковой, могила Бурейды и Хакама находится на городище Султан-Кала, около 18 км от Мерва. ⁴⁸ Следует сказать, что в рассматриваемом указе, как и во многих заключенных в названный сборник, имени правителя, издавшего его, не содержится. Однако исходя из того, что в основном в этот сборник включены документы времени правления султана Хусейна, как об этом было указано ранее, а также учитывая то, что сведения нашего документа находят себе подтверждение в упомянутом выше сообщении Исфизари, можно предположить, что этот указ был издан султаном Хусейном. Важность сведений этого указа заключается в том,

что мы из него узнаем, что пустующие земли окрестности г. Мерва, о которых сообщает Исфизари, или же только некоторые части из них орошались и заселялись силами и средствами частных лиц. Может быть, некоторые оросительные сооружения в этом районе были построены и самим султаном Хусейном, потому что сообщение Исфизари относится к довольно большим территориям, а в нашем документе упоминается только часть этих земель. Относительно того, были ли эти орошаемые земли навсегда освобождены от податей и повинностей на правах обеленных земель, сказать трудно, но вообще это мало вероятно.

Оросительные работы при Тимуре и Тимуридах велись и в других областях страны, в том числе в отдаленных местностях, например, в бассейне Кабула. Гайассаддин Али сообщает, что во время возвращения в Самарканд из индийского похода (20 марта 1399 г.) «его величество (Тимур) изволил остановиться в Кабуле, (проводя) ночное время у устья Джу-и Нау, который называют Бадам. Этот Бадам представляет собой большой канал, который был сооружен благодаря ханской энергии».⁴⁹

При Абу Саиде и султানে Хусейне значительные оросительные работы были проведены также в районе Герата. Исфизари сообщает о строительстве султаном Абу Саидом в окрестности Герата большого канала, называемого Джу-и Султани, который брал свое начало от р. Боштон (Руд). При султানে Хусейне этот канал был расширен и доведен до Коризгоха Герата. Водами этого канала орошались земли на расстоянии шести фарсахов от р. Боштон до селения Саклмон.⁵⁰

Следует указать, что при Тимуридах расширение ирригационной сети имело место не во всех местностях страны. Так, С. П. Толстов, изучив историю ирригации Хорезма, пришел к заключению, что на протяжении феодальной эпохи ирригационная сеть здесь постепенно сокращалась. Особенно эти сокращения имели место «в VII—VIII вв., XIII—XIV вв. (монгольское завоевание) и в XV в. К аналогичным выводам относительно ирригационной сети бассейна Сурхан-Дарьи пришел, независимо от С. П. Толстова, М. Е. Массон».⁵¹ «В XII—XIV вв., в период максимального развития орошения в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, общая площадь земель, занятых под ирригацией, составляла около $\frac{2}{3}$ орошаемой площади периода наивысшего развития античной ирригации».⁵²

Относительно системы распределения воды для орошения земель в Тимуридскую эпоху сведения в источниках отсутствуют. С. А. Азимджановой опубликован документ 989 г. х. (1581 г.), характеризующий нормы пользования водой для

орошения земель между жителями восьми селений Шавдарского тумана Самаркандской области. Для примера приведем отрывки из этого документа: «Настоящая группа жителей (уломянутая выше) живет в селениях вышеназванного тумана Шавдар, и в том числе под их влиянием и управлением находится источник воды (реки), вытекающий из-за Большого Камня, который называют источником Мардана, а он известен под этим названием, а также другая река, которая вытекает из горы.

Оба источника принадлежат жителям селений Диза, Йезд, Джубаркат, Карави, Оши, Аъзият, потому что упомянутые селения также входят в состав тумана Шавдар и им издавна принадлежало право пользоваться водой следующим образом в течение одного месяца: 9 суток вода принадлежит жителям селений Диза и Йезд, 7 суток — жителям селения Джубаркат, 7 суток — жителям Керави, 4 суток — жителям селения Оши и еще 3 суток — жителям селения Аъзият. Поэтому мы, упомянутые выше лица (т. е. жители селений Йадух, Вахшати и Яркент), не имеем права пользоваться рекой и ручьями, исключая весенний разлив (реки), до месяца джавза».⁵³

Согласно этому документу, воды других рек и источников Шавдарского тумана также распределялись между жителями этого тумана по суточной системе. По-видимому, при Тимуридах система распределения воды для орошения земель была такой же, как характеризует это указанный документ. Победа Шейбанидов над Тимуридами нанесла большой ущерб земледельческой культуре Мавераннахра. В период феодальных усобиц и войн приходят в упадок земледелие и орошение в отдельных районах страны.⁵⁴

2. Общие сведения о сельскохозяйственных культурах Средней Азии в Тимуридскую эпоху Средняя Азия — один из древнейших районов земледелия на земном шаре. Советскими археологами в последние десятилетия добыты весьма важные данные о зарождении и развитии земледелия в различных районах страны, начиная с глубокой древности.

Очагом древнейшей земледельческой культуры Средней Азии были земли в предгорьях Копет-Дага близ Ашхабада. Здесь существовал так называемый лиманный, или болотный, способ орошения, не требовавший сложных технических приспособлений.⁵⁵ С. П. Толстов в результате археологического обследования земель правобережного Хорезма установил, что большие ирригационные системы здесь были сооружены примерно в первой половине I тысячелетия до н. э.⁵⁶

Население Средней Азии еще в эпоху бронзы, как показывают археологические исследования, занималось возделыванием многих культур. Для I тысячелетия до н. э. можно говорить о возделывании, наряду с зерновыми и масличными культурами, бахчевых (дыни, тыквы). Были известны садовые культуры: урюк, персик, слива.

Особое место занимало виноградарство и виноделие.⁵⁷ Сообщения греческих источников свидетельствуют о разведении винограда в долинах р. Герируд и Мургаб.⁵⁸ Относительно виноградарства в Давани (Фергана) имеются сведения в китайских источниках. Согласно данным этих источников, Давань характеризуется как страна, где развито виноградарство и виноделие и богатые люди выдерживают вино в погребах до десяти лет. В Давани возделывали также рис, пшеницу и другие культуры.⁵⁹

Плодородные почвы, благоприятные климатические условия и обилие водных ресурсов способствовали появлению и развитию в Фергане оседло-земледельческой культуры с самых древнейших времен.⁶⁰

В хозяйстве населения периода чустской культуры ведущую роль играло возделывание ячменя и пшеницы.⁶¹ Крупными оседлыми поселениями были Дальверзин, Ашкал-Тепе.⁶² Земледельческая культура в Ферганской долине получает дальнейшее развитие в период раннего железа. Без использования ирригации дальнейшее развитие земледелия было невозможно. В эпоху железа на «решающую роль ирригационного земледелия указывает появление таких больших земледельческих оазисов, как Кара-Дарьинский и Шурабатский».⁶³ Некоторые данные о сельском хозяйстве кушанского времени приведены в статье Ф. А. Заславской, написанной на основе данных археологии. Согласно этому автору, многочисленные изображения богини плодородия и атрибуты в руках статуэток, обнаруженных в Согде, свидетельствуют о развитии земледелия в этой стране. «Эти атрибуты состоят из цветов, плодов и злаков».⁶⁴ В Хорезме на фресках Топрак-Калы С. П. Толстов открыл «изображение женщины, собирающей в фартук виноград и персики, над нею висят кисти винограда и часть плетеной из прутьев садовой беседки».⁶⁵ Там же были найдены косточки винограда и зерна пшеницы.⁶⁶ Некоторые данные о культурных растениях Усрушаны в древности и раннем средневековье приведены в работе Н. Негматова. Автор, ссылаясь на данные источников и материалы археологии, пишет, что Усрушана в первые века н. э. являлась одним из развитых земледельческих районов Средней Азии. Фархадской

археологической экспедицией при раскопках на городище Мунчак-Тепе было обнаружено большое количество крупных глиняных хумов для хранения продовольствия и множество каменных зернотерок.⁶⁷

В период кризиса рабовладельческого общества Средней Азии в IV—VI вв. имеет место сокращение по сравнению с предыдущими периодами орошаемой площади в Хорезме, Согде, Бухаре и ряде других районов Средней Азии. Но с VII в. наблюдается новый подъем сельского хозяйства страны. Показательны данные, имеющиеся относительно Усрушаны. К этому времени в Усрушане развиваются многие отрасли земледелия. Здесь сеялись пшеница, ячмень, кукуруза, просо, бобы и рис. Основным районом по посеву риса была левобережная полоса Сыр-Дарьи.⁶⁸

Как отмечает Н. Негматов, хотя в письменных источниках не содержится сведений относительно возделывания культуры хлопчатника в Усрушане, «существование ее в VII—X вв. не подлежит сомнению».⁶⁹ Хлопчатник мог выращиваться только в северной, присырдарьинской, части Усрушаны, в рустаке Шавкат, где и сейчас возделывают эту культуру.⁷⁰

Подтверждается сказанное данными археологии. «При раскопках замка на горе Муг были найдены небольшой кусок ватного стеганного халата или кафтана, разнообразные шкурки, толстые нитки из хлопка, головные сетки хорошего плетения из хлопковых ниток, по-видимому, для сохранения женских причесок, горсть хлопка-сырца и т. д.»⁷¹.

Садоводство было развито в основном в равнинных рустаках и частично в Буттаме.⁷² Некоторые сведения о сельскохозяйственных культурах Согда для VII—VIII вв. приведены в работе А. Джалилова. Автор на основе данных источников указывает, что Согд в VII—VIII вв. был самым богатым сельскохозяйственным районом Средней Азии. Население его выращивало пшеницу, рис, просо, ячмень, бобовые, люцерну, хлопчатник и другие культуры.

Особенно высокого уровня в рассматриваемое время достигло садоводство. Были широко распространены абрикос, персик, груша, яблоня, разные виды вишен, черешня, слива, миндаль, орехи, тутовые деревья, разные виды винограда.⁷³ Об этом свидетельствует исследование растительных остатков замка VIII в. на горе Муг, где археологами найдены косточки вишни, персика, абрикоса, виноградные усики, части яблока, а также зерна ячменя, проса, семена хлопчатника и других культур.⁷⁴

Наиболее подробные сведения о сельском хозяйстве Средней Азии имеются в арабской географической литературе X в.

Они в значительной мере обобщены в труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Позволим себе остановиться на них подробнее. Самым развитым сельскохозяйственным районом Средней Азии в X в., как и в прежние века, считался Согд. Столица Согда — Самарканд по размерам и количеству населения был первым городом Мавераннахра.

Согласно Ибн-Хаукалю, в Самарканде, за небольшим исключением, не было ни одной улицы, ни одной усадьбы, где не было бы проточной воды и сада, лишь немногие дома не имели его.⁷⁵ Ибн-Хаукаль так описывает красоту Самарканда: «Я поднимался на нее (цитадель) и осматривал прекраснейший из видов, который когда-либо видел взор человека и которым он когда-либо восхищался, а именно: свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы, непрекращающуюся культуру».⁷⁶ Приблизительно в двухдневном переходе от Самарканда до Зеравшана отходил канал Кий. Это был один из основных каналов Согда. По словам Ибн-Хаукаля, «во всем Согде нет канала, вдоль которого было бы больше возделанной земли, гуще населения, многочисленнее земледельцев, величественнее замков, славнее и укрепленнее селений. Он — сердце Согда, и из него вытекают многочисленные протоки, о которых мне не удалось получить точных сведений. Они орошают пространство более чем в два дня пути».⁷⁷

Среди рустакв Самарканда рустак Маймург, расположенный на юге от Самарканда, по числу селений и замков занимал первое место. По количеству орошенных земель превосходил другие рустакв рустак Даргам, который был расположен к западу от Маймурга. Особенно высокими качествами отличался его виноград, который вывозили в другие места.⁷⁸ Наряду с орошаемыми землями, в Согде большое значение имели и богарные посевы, урожай которых тогда были достаточны для обеспечения целой области.

Так, рустак Абгар славился большими урожаями на богарных землях. Ибн-Хаукаля уверяли, что иногда посевы 1 кафиза приносили урожай в 100 кафизов и более (кафиз — 25—50 кг или л). В урожайные годы произведенного на абгарских полях было достаточно, чтобы прокормить все население Согда.

Среди горных рустакв Самарканда рустак Савадар отличался здоровым климатом, богатым урожаем зерновых культур и лучшими фруктами.⁷⁹ Долина Кашка-Дарьи тоже имела плодородную почву, хотя по значению уступала долине Зеравшана. Кеш является цветущим городом, климат здесь был жарким, и плоды созревали раньше, чем в других областях

Мавераннахра. Плоды раннего сбора доставляли в Бухару. В городе почти при всех домах имелись проточная вода и прекрасные сады.⁸⁰

В Несефе проточной воды было меньше, и поэтому большинство селений этого округа использовало атмосферную влагу. В некоторых местах сады и огороды орошались водой из колодцев. Большая часть земель этого округа была плодородной и цветущей.⁸¹

Фергана представляла собой обширную провинцию с богатыми городами и селениями. Столица Ферганы — Ахсикет отличался обилием проточных вод и садов. Вокруг города густые сады простирались на расстояние 2 фарсахов. Вторым по величине городом Ферганы была Куба. По обилию садов и проточных вод Куба превосходила Ахсикет.⁸²

В Ходжете было много виноградников и садов. В окрестностях города высевались зерновые культуры, но производительность этих полей не могла обеспечить население, и поэтому хлеб для города привозился из Ферганы и Усрушаны.⁸³ Развитыми сельскохозяйственными районами являлись Шаш и Илак. В Шаше было много проточной воды и садов. Столица Шаша — Бинкет. Это город с множеством садов. Непрерывные сады и возделанные земли связывали Шаш с Илаком.⁸⁴ Из рустак Усрушаны X в. рустак Бунджикет отличался изобилием деревьев, проточной воды, большим количеством садов, виноградников и пашен.⁸⁵ По урожаю миндаля и орехов он превосходил другие рустак.⁸⁶

Одним из цветущих городов Усрушаны был Дизак, где имелись проточная вода и много садов. Горный город Марманда по своим климатическим условиям и видам возделываемых культур отличался от других мест Усрушаны. Там не сажали садов и совсем отсутствовали виноградники, хотя в проточной воде не было недостатка. Причиной отсутствия садов и виноградников были сильные морозы — река замерзала. Но там цвели прелестные цветники и луга.⁸⁷

Ал-Истахри также сообщает об изобилии фруктов в Усрушане. Из-за изобилия фруктов ими кормили даже скот.⁸⁸

Исфиджаб тоже отличался обилием зелени и хорошими урожаями.⁸⁹ Из областей, расположенных в южной части Средней Азии, «в X в. область Вашгирд славилась главным образом производством шафрана. Из области Кувадиан в большом количестве вывозилась марена».⁹⁰ Область Чаганиан, расположенная в долине Сурхана, в большом количестве производила зерно. Хлеб здесь дешев.⁹¹ Хутталъ (или Хутталян), расположенный между Пянджем и Вахшем, имел плодородную почву. Согласно ал-Истахри, «все города Хутталя

имеют каналы и (богаты) деревьями».⁹² Сельское хозяйство области развито. Согласно автору «Худуд ал-алам», Хуттал представлял собой область, богатую благами, с развитым земледелием. Вахш также описывается им как богатая, цветущая область с развитым земледелием.⁹³

Бадахшан, расположенный по верхнему течению Аму-Дарьи, славился своим прекрасным климатом, великолепными пастбищами, хорошо обработанными долинами.⁹⁴ Хорезм соединялся с Мавераннахром и Хорасаном узкой, но непрерывной культурной полосой, начинающейся от Амуля.⁹⁵ В Хорезме возделывали многие культуры. В X в. Дарган, считавшийся вторым городом по величине (после Гурганджа) на левом берегу Аму-Дарьи, производил большое количество винограда. Виноградники города тянулись вдоль берега на расстоянии двух фарсахов. Отсюда вывозили изюм.⁹⁶ В Хорезме была развита культура сезама, или кунжута, из семян которого делали масло. Но особенно славилась хорезмийские дыни.

В связи с историей сельского хозяйства интерес представляют официальные календари, в которых сроки сельскохозяйственных работ занимают большое место. Так, Абурайхан Бируни сообщает о том, что хорезмийцы его времени, пользуясь счетом месяцев доисламского периода, устанавливали сроки земледельческих работ. Так, первый день месяца х-р-в-дад назывался ариджасуван. С этого дня наступало время посева кунжута и тех злаков, которые сеют с ним вместе. Пятый день месяца чирн назывался аджгар. Этот день совпадал с серединой лета. После него отсчитывали 70 дней и начинали сеять осеннюю пшеницу.⁹⁷ Бируни сообщает также о реформе календаря, проведенной хорезмийским правителем в 959 г. н. э., преследовавшей в основном цель уточнения времени сельскохозяйственных работ.

Так, например, время сбора винограда для сушки изюма наступало в промежутки от 40 до 50 дней после аджгара (этот день в новом календаре соответствовал середине летнего месяца таммуз), время сбора винограда для подвешивания, а также сбора груш наступало в промежуток от 55 до 65 дней после аджгара. Таким же образом были установлены все сроки посева, искусственного опыления, посадки деревьев, прививки и др.⁹⁸

К сожалению, данных о сельском хозяйстве Средней Азии XI—XII вв. в источниках мало. Но можно с уверенностью говорить о том, что уровень развития сельского хозяйства в эти века был не ниже, чем в X в., и население продолжало возделывать те же культуры, которые возделывались раньше.

Глубокий упадок сельского хозяйства наступил в начале XIII в. в связи с монгольским завоеванием. Размеры бедствий, которые выпали на долю Средней Азии, были огромны.

Многие оросительные системы разрушены. Совершенно уничтожены, например, замечательные ирригационные сооружения Мургаба. В ранее цветущих оазисах сельское хозяйство пришло в упадок. Разрушенные хозяйства восстанавливались медленно, с большими трудностями. Все же начиная со второй половины XIII в. в развитии сельского хозяйства были достигнуты некоторые успехи. Этому отчасти способствовал интенсивный товарообмен с Юго-Восточной Европой, а также с некоторыми другими странами. Письменные источники говорят о том, что из Средней Азии в большом количестве в это время вывозились в страны Юго-Восточной Европы рис, сушеные фрукты, хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец и другие товары.⁹⁹

Для XIV—XV вв. подробные сведения о сельскохозяйственных культурах имеются лишь в отношении южных районов Средней Азии и Хорасана. Относительно центральных и северных районов сообщения источников менее полные.

Однако мы знаем, что климатические условия южных районов Средней Азии и большей части Хорасана мало отличались от таковых большинства центральных и северных районов Средней Азии, за исключением горных, где климат имел резкие отличия. Поэтому можно с уверенностью предполагать, что многие культуры, которые свойственны южным районам, выращивались и в центральных и частично северных районах Средней Азии. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что Хорасан и Средняя Азия при Тимуре были объединены в единое государство.

«Тимур был в одно и то же время беспощадным разрушителем и ревностным строителем; им воздвигались величественные постройки с великолепными садами, восстанавливались города и селения, устраивались и исправлялись оросительные системы, по выражению официальной истории, он не допускал, чтобы пропадали даром участки земли, где вообще была возможна культура».¹⁰⁰ Небезынтересен и тот факт, что Тимур создал специальный корпус солдат (курчи), задача которых заключалась в охране засеянных полей от набегов кочевников-скотоводов и от вытаптывания скотом посевов.¹⁰¹ Эти меры, безусловно, могли способствовать развитию сельского хозяйства и распространению многих лучших сортов сельскохозяйственных культур из одних районов в другие.

Земледелие в Средней Азии в середине века главным образом было основано на искусственном орошении. Относитель-

но роли ирригации в странах Востока Ф. Энгельс в письме к К. Марксу 6 июня 1853 г. писал: «Земледелие здесь (на Востоке.—Н. М.) построено на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти».¹⁰²

Необходимо указать, что в источниках предыдущих веков не содержится сведений о сортах отдельных культур, которые выращивались в Средней Азии. Впервые некоторые подробности о сортах этих культур мы узнаем лишь из источников XIV—XV вв. Эти сведения, как мы увидим, безусловно, представляют значительный интерес.

Рассмотрим сообщения об отдельных культурах и районах выращивания.

Зерновые растения. Согласно сообщениям источников, одним из основных по возделыванию зерновых культур в XIV—XV вв. был район Мерва.

Хамдаллах Казвини в своем труде «Услада сердец» рассказывает о Мерве следующее: «Хлеб в этой области родится очень хорошо. Говорят, что если посеять зерна один мен, то в первый год урожай дает сто менов, а на другой год, как его сожнут и обсыплется зерно, оно само по себе дает тридцать менов, а в третий год десять менов».¹⁰³ Рассказ Хамдаллаха Казвини находит себе подтверждение в сообщении Клавихо.¹⁰⁴ Исфизари также характеризует Мерв как очень богатый район по возделыванию зерновых культур, откуда в большом количестве зерно получало гератское население.¹⁰⁵

Следующим основным районом по возделыванию зерновых культур был Термез, где также в большом количестве сеяли пшеницу и ячмень. Хорезм, где посевы зерновых культур не могли обеспечить потребности жителей, получал пшеницу и ячмень из Термеза. Зерно из Термеза в Хорезм в летнее время доставлялось по Аму-Дарье.

В XIV—XV вв., как и ранее, по-видимому, большое количество зерна производилось в области Самарканда. Его было достаточно для обеспечения жителей этого большого города и окрестностей. Это видно из сообщения Клавихо, который писал, что хлеб в Самарканде очень дешев.¹⁰⁶

Согласно сообщению Бабура, Фергана и Андижан тоже производили много зерна.¹⁰⁷

Среди районов Хорезма обилием посевов зерновых культур отличалась низменность к югу от города Везира. Здесь, наряду с другими культурами, высевали также джугару.¹⁰⁸

Источники XIV—XV вв., рассказывая о посевах зерновых культур по районам, в большинстве случаев не упоминают

виды выращиваемых культур. В вакфном документе мавзолея Ишратхана в условиях, поставленных вакфодательницей по распределению урожаев зерна с вакфных земель, указано, чтобы зерно на содержание вакфополучателей выдавалось трех видов. При этом виды зерна в документе не упомянуты.

По утверждению В. Л. Вяткина, «в некоторых других вакфных документах виды зерна поименованы: пшеница, ячмень и просо. Во всех документах, где есть такое указание, оговорено, что эти виды зерна выдаются в равных частях. По-видимому, это положение было общепризнанным.¹⁰⁹ Возможно, таким образом, предположить, что пшеница, ячмень и просо были главными видами зерновых культур.

Сведения источников о посеве риса незначительны, хотя он является одной из древних культур, которую возделывали в Средней Азии. О посевах риса, в частности в Самарканде, сообщает Клавихо.¹¹⁰ Большое количество риса производилось на землях Ходжи Ахрара, находившихся в ряде областей Мавераннахра. Это видно из того, что он вместе с другими сельскохозяйственными продуктами вывозил рис в Малую Азию.¹¹¹

Мургаб и Меручак также были районами производства риса высокого качества. «По белизне, величине и прозрачности зерна не имел себе равного рис местности Кульбар, который весь без исключения был первосортным».¹¹²

О различных сортах пшеницы мы узнаем впервые из источника начала XVI в. — земледельческого трактата «Иршад аз-зироат». Данные, приведенные в этом источнике, безусловно, относятся и к XIV—XV вв. Согласно сообщению автора этого источника, сорта пшеницы были весьма многочисленны: гандуми оби (поливная пшеница), гандуми сафидча (белая пшеница), гандуми сурхаки бахори (красная пшеница), которую высевали под атмосферную влагу, уштур дандон (верблюжий зуб), канаб гандум, калла гандум, зерна которой наполовину были белыми и наполовину красными, гул гандум — сорт морозоустойчивой пшеницы, который больше сеяли в горах, панк гандум, зерна которой были белыми, сийох доса — зерна немного выглядели черными, сурх хуша — разновидность сорта сафидча.¹¹³ Некоторые из упомянутых сортов пшеницы возделывались во многих районах Средней Азии и в последующие века. Так, в начале нынешнего века пшеница уштур дандон считалась одним из самых лучших сортов в Средней Азии. Пшеница уштур дандон в это время была известна и узбекскому населению под названием лейлек бугдай, или тюя тши. Последнее название, как и название уштур дандон, в переводе означает «верблюжий зуб».

Пшеница уштур дандон отличалась крупным длинным зерном.¹¹⁴

В «Иршад аз-зироат» мы находим упоминание и ряда других культур: полевой горох (мушунк), просо — белое, черное и обычное (арзан сафид, сиёх ва расми), чечевица (наски сиистани),¹¹⁵ горох (нухуд), зеленый горох (маш) и фасоль (лубийа).¹¹⁶

Плодовые деревья. В XIV—XV вв., как и ранее, садоводство и пловодство было одной из основных отраслей сельского хозяйства Средней Азии. Садоводство и пловодство главным образом были распространены на землях с искусственным орошением в долинах многочисленных рек Средней Азии, особенно в долинах крупнейших рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и их притоков. Некоторые сведения о садоводстве содержатся в географическом сочинении Хафиза Абру. Согласно его сообщениям, одним из наиболее развитых по садоводству стал район Бухары, где выращивались лучшие сорта плодов и урожай собирали в большом количестве. Особенно славились бухарские сливы, которые вывозили во все страны.¹¹⁷ Подробные сведения о садоводстве ряда районов Мавераннахра содержатся в рассказах Бабура, в которых, между прочим, находят себе подтверждение приведенные слова Хафиза Абру. Согласно сообщению Бабура, среди бухарских плодов самые лучшие это бухарские сливы: «Таких слив, как бухарские, нет нигде. Их очищают от кожицы, сушат и вывозят в качестве подарков из одной области в другую».¹¹⁸ Эти замечательные сливы выращивались не только в Бухаре, но и в других местах. Так, по сообщению автора «Иршад аз-зироат», бухарские сливы (али-бухара) выращивались также в Герате.¹¹⁹

Следует указать, что в начале нынешнего века в садоводстве Средней Азии довольно заметную роль играла слива и среди сортов ее распространена была бухарская (али-бухара).¹²⁰

Хорошие плоды выращивались и в Ходженте. По словам Хафиза Абру, среди плодов Ходжента особенно славились ходжентский миндаль, гранаты и груши (нашбати).¹²¹ Бабур тоже рассказывает, что ходжентские плоды очень хорошие, но самые замечательные из них, по его словам, гранаты: «Как говорят «самаркандские яблоки», так говорят «ходжентские гранаты».¹²²

В Канд-и-Бадам особенно развито было производство миндаля. Миндаль этого района считался превосходным и вывозился в далекие страны, такие, как Хурмуз и Хиндустан.¹²³

В Исфаре в садах преобладали миндальные деревья.¹²⁴ Андижан славился своими грушами. По словам Бабура, «груш лучше андижанских не бывает».¹²⁵ Хорошие гранаты и урюк в обилии выращивались в Маргелане. Там был один сорт граната, который назывался донакалон. В «его сладости чувствуется легкий, приятный, кислый привкус абрикоса. (Этим гранатам) можно отдать предпочтение перед семнанскими гранатами».¹²⁶ Был там еще сорт урюка, называемый субхани, который отличался очень хорошими вкусовыми качествами.¹²⁷ Садоводство очень развито было и в Самарканде. Йазди, восхваляя плодовые деревья одного из известных садов Тимура—Дилькушо, расположенного в Кони-Гил, сообщает, что виды плодовых деревьев, выращиваемые в нем, очень разнообразны. Но автор как самые наилучшие сорта, отличающиеся хорошими вкусовыми качествами, отмечает следующие: яблок—себи сурх, гулоби, абади, ашкувона, камзак; урюка—арусак, мамури; персика—хоссан дона ширин; сливы—олуи сурх; тута—тути бе дона; граната—анори хука; груши—мунакид, шарбати, наботи; фисташки—пистаи дахан боз.¹²⁸

Бабур также отмечает, что виды плодовых деревьев в садах Самарканда многочисленны и все плоды хорошие, но, по его словам, особенно славились самаркандские яблоки.

В садах Термеза XV в. выращивались различные сорта абрикоса, персика, сливы, алычи, миндаля, фисташки, граната и др.¹²⁹

В Мерве садоводство было, очевидно, менее развитой отраслью сельского хозяйства, чем зерновое. Среди плодов, выращиваемых в садах Мерва, самыми замечательными считались мервские груши.¹³⁰ Отметим находки косточек джиды и винограда при археологических раскопках в Мерве XV в.¹³¹

Подробный перечень плодов и их различных сортов приведен в «Иршад аз-зироат». Здесь названы: абрикос (зардалу), миндаль (бадам) двух сортов: обычный (расми) и ходжентский; персик (шафталу); гранат (анор) пяти сортов: кислый (турш), сладкий (ширин), чернокожий (сийах-пуст), без косточек (би дона), бостаны; айва (бехи) двух сортов: сладкая и кислая; вишня (алубалу); черешня (гилос); фи́га (анджир) различных сортов: белая (сафид), черная (сиёх), красная (сурх) и желтая (зард); джи́да (санджид); туг (тут); фисташка (писта).¹³²

Приведенный перечень плодов свидетельствует о том, что среди плодовых деревьев многие лучшие сорта выращивались во многих районах Средней Азии.

Виноградарство занимало особо важное место, и на его характеристике мы остановимся отдельно.

Сорта винограда и их распространение. При Тимуре и Тимуридах, как и в предыдущие века, виноград в Средней Азии был чрезвычайно широко распространенной культурой. В источниках этого периода имеется много сведений о возделывании этой культуры в ряде районов Средней Азии и о ее лучших сортах. Согласно сообщению Клавихо, одним из наиболее развитых по возделыванию винограда был район Андхой на земле «Таджикинии» (Таджикистан). «Вокруг г. Андхой, который стоял на равнине, примерно лиги на две тянулись сады и виноградники». ¹³³

Собранные в результате археологических раскопок семена винограда в районе Термеза XV в., как показывает их анализ, больше всего подходят на семена современных сортов винограда, разводимых в том же районе, в частности на сорта хак-доди, шароби, хаузи. ¹³⁴

Много садов и виноградников было в долине Кашка-Дарьи у г. Кеш, ¹³⁵ но особенно выделяет Клавихо пригородные районы Самарканда. По его словам, весь город окружен садами и виноградниками, которые тянулись в иных местах на полторы, в иных на две лиги: «Столько этих садов и виноградников, что, когда подъезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев и посреди его самый город». ¹³⁶

Обилием виноградников отличалось селение Камангаран, расположенное в четырех верстах западнее Ургута. Это селение служило дачным местом Ходже Ахрару. ¹³⁷ Виноградарство было развито и в Андижане. ¹³⁸

В источниках этого времени мы часто встречаем упоминания о сортах возделываемого винограда. Так, Йазди к числу лучших сортов винограда, возделываемого в саду Тимура Дилькушо, относит сорта шакарангур, сохиби, хусайни, лали як дона. ¹³⁹ По словам Бабура, среди сортов винограда, выращиваемых в садах Самарканда, самым замечательным был сахиби. ¹⁴⁰ Зайниддин Васифи в «Оде Ташкенту» восхваляет в качестве лучших, выращиваемых в садах Ташкента сорта сохиби, хусайни, бобаки, кузоки и шакарангур. ¹⁴¹

По сообщению автора «Иршад аз-зироат», в поместье (чарбаг) некоего «прибежища накибства», т. е. духовного феодала, в селении Карзан Гератского оазиса возделывалось ровно сто сортов винограда. «Среди них йакути, фахри, сохиби: красный, белый и черный, ангушт-и арусак, джиханарай и др. Некоторые из названий указывают на районы, из которых лозы этих сортов были вывезены: кундузи белый,

астарабади, самарканди, бухари, туршизи, шабургани, кандахори и т. д.». ¹⁴²

Данные источников свидетельствуют о том, что урожай винограда частью сушился, а частью шел на изготовление вина. Как выше отмечено, виноделие в Средней Азии было развито с древнейших времен. О виноделии и употреблении вина в источниках XIV—XV вв. также имеется немало сведений. Особенно много сообщений об употреблении в большом количестве вина во время массовых празднеств и торжеств, которые часто организовывались при Тимуре и Тимуридах.

По словам Бабура, среди вин, изготавливаемых в Мавераннахре, самыми крепкими считались бухарские. ¹⁴³

Приведенные данные свидетельствуют о том, что виноградарство было очень развитой отраслью сельского хозяйства Средней Азии. Отметим, что многие из вышеупомянутых сортов винограда выращиваются в Средней Азии и в наши дни. В виде примера приведем район Ходжента, где в настоящее время возделывают следующие из упомянутых сортов: сохиби, фахри, шавургани (шабургани); хусайни нескольких видов — хусайни мненбастан сафед, кадухусайни, хусайни сурх, хусайни синаи гов, хусайни кулула, хусайни сиех; шакарангур. ¹⁴⁴

Бахчевые, овощные и пряные растения. Бахчеводство и овощеводство в сельском хозяйстве Средней Азии также занимали очень важное место. Среди бахчевых культур особенно распространена была дыня. Относительно возделывания разных сортов этой культуры в источниках имеется много сведений. Одним из районов выращивания дыни стал район Мерва в долине Мургаба.

Хамдаллах Казвини рассказывает, что дыни Мерва очень хороши и частично служат предметом вывоза в другие места. ¹⁴⁵ Слова Хамдаллаха Казвини находят себе подтверждение в рассказе Клавихо, который о дынях долины Мургаба писал: ... «Дыни в этой земле очень хороши и обильны, я думаю, на всем свете нет таких хороших и в таком изобилии, как у них». ¹⁴⁶ Исфизари также рассказывает, что мервские дыни необыкновенно сладкие и что «зимою, когда там стоит на квартирах большое войско, ослиный выюк (харвар) дынь стоит две тениги и меньше». ¹⁴⁷ Замечательные дыни выращивались и в Шибиргане, где почва была очень плодородной. Урожай дынь были высоки, так что из-за обилия они вялились и вывозились за пределы Шибиргана. ¹⁴⁸

О производстве дынь в Самарканде Клавихо писал следующее: «Дыни в этой стране очень хороши и обильны. Око-

ло рождества у них бывает столько дынь и винограда, что удивительно, каждый день приезжают верблюды, нагруженные дынями в таком количестве, что нельзя не изумляться, как они продаются и потребляются, а в селениях их столько, что их сушат и сохраняют, как фиги, и держат их до другого года. Сушат их таким способом: режут поперек большими кусками, срезают кожу и кладут на солнце, а когда высохнут, складывают их вместе, кладут в мешки и так берегут до следующего года».¹⁴⁹

Значительные сведения о выращивании дынь в ряде районов Мавераннахра мы находим в рассказах Бабура. Согласно ему, в Бухаре очень хорошие сорта дынь были в большом изобилии.¹⁵⁰ Каршинские дыни тоже считались хорошими.¹⁵¹ Из сортов дынь, выращиваемых в Насухе (в трех йигачах от Канд-и-Бадама), одними из лучших были дыни с желтой кожурой—исмаил-шейхи. Толщина мякоти их равнялась четырем пальцам. Это очень нежные и удивительно сладкие дыни.¹⁵² В Фергане особенно славилась дыня Ахси. Бабур рассказывает, что в Ахси «есть один сорт дынь, называемый мир тимури; неизвестно, существуют ли еще где-нибудь в мире такие дыни... Бухарские дыни (тоже) знамениты. (Но) когда я взял Самарканд и приказал принести дыни из Ахси и из Бухары и велел их разрезать на одном собрании, (то) ахсийские дыни оказались вне всякого сравнения».¹⁵³

Производство дынь было развито и в Хорезме. Лучшие сорта хорезмийских дынь служили предметом вывоза в другие страны. Ибн Баттута рассказывает, что хорезмийские дыни вывозились в самые крайние земли Индии и Китая.¹⁵⁴

Сорта дынь многочисленны. По сообщению автора «Иршад аз-зироат», в садоводческом хозяйстве некоего Махду-ма, близ Герата, разводили 50 сортов дынь.¹⁵⁵

Сообщения источников о производстве арбузов очень скудны. Можно предполагать, что арбуз был менее распространенной культурой, чем дыня. Но все же данные свидетельствуют о том, что и эта культура возделывалась во многих местах Средней Азии. Китайский путешественник периода монгольского владычества Чан-Чун рассказывает о крупных арбузах превосходного качества, выращиваемых в Мавераннахре.¹⁵⁶ Арбузы хорошего качества выращивались в Серахсе.¹⁵⁷ Английский путешественник Дженкинсон рассказывает о прекрасных арбузах большого размера, выращиваемых в плодородных низменностях к югу от города Везира.¹⁵⁸

В источниках XIV—XV вв. сведения о видах овощных и пряных культур весьма скудны. Только в «Иршад аз-зироат» мы находим, видимо, довольно полный перечень этих культур.

Согласно данным автора этого источника, население выращивало баклажаны (бокило),¹⁵⁹ лук (пийоз), морковь (зардак), кориандр (кашниз), репу (шалгам), мяту (пудина), капусту румскую и корневую, перец (фалфел),¹⁶⁰ редьку (турб) черную, зеленую и белую, разные виды тыквы (каду).¹⁶¹

О культуре помидора в источниках сведения отсутствуют, но археологи обнаружили в Мерве (XV в.) зерна этой культуры, которые свидетельствуют о ее выращивании.¹⁶²

Технические растения. Относительно возделывания технических растений в источниках XIV—XV вв. сведений также мало. Среди технических растений одним из более важных был хлопчатник. Археологические раскопки позволяют датировать появление хлопчатника в Средней Азии (Фергане) I—IV в. н. э.¹⁶³ Как отметил В. В. Бартольд, несмотря на то, что в результате нашествия монголов сельское хозяйство многих районов Средней Азии пришло в упадок, «на Зеравшане и на низовьях Аму-Дарьи никогда, по-видимому, не прекращались ни возделывание хлопчатника, ни приготовление хлопчатобумажных тканей».¹⁶⁴ Хамдаллах Казвини рассказывает о возделывании хлопчатника в Хутталяне.¹⁶⁵ Некоторые сведения о его посевах имеются в сообщениях Клавихо. Согласно его рассказам, хлопчатник возделывался в Мургабе,¹⁶⁶ Балхе,¹⁶⁷ Кеше (Шахрисябз)¹⁶⁸ и особенно в большом количестве в Самарканде.¹⁶⁹

По сообщению Исфизари, одним из основных районов возделывания этой культуры был район Мерва. «Количество хлеба и хлопка, которые здесь (в Мерве) рождаются, не родятся ни в одной области; большая часть хлебных и бумажных припасов Герата идет из здешних урожаев хлеба и хлопка».¹⁷⁰ О сортах хлопчатника в источниках сведения отсутствуют. Исфизари рассказывает об одном его сорте в Кухистане, из которого изготовляли ткани естественного желтого цвета (малля-и-худрэнг).¹⁷¹

В Туркестанском крае в начале нынешнего века основные сорта хлопчатника были четырех видов: бухарский, кокандский, хивинский и малла-гуза. Отличительным признаком малла-гузы являлся желтовато-бурый цвет его волокна. Между прочим, малла-гуза по качеству не принадлежал к лучшим сортам и поэтому возделывался сравнительно редко.¹⁷²

О возделывании хлопчатника «гузаи малла» в Ходжентском округе до начала 90-х годов прошлого века приведены сведения в книге Н. Н. Ершова. По его словам, «гузаи малла» — хлопчатник с трехгнездной коробочкой и с желтовато-

бурым волокном». ¹⁷³ Сорт малла-гуза, или гузаи малла, безусловно, тот же, о котором сообщает Исфизари.

Сообщения источников о возделывании кунжута еще менее значительны, чем о хлопчатнике. Г. Уатт, автор труда о кунжутном масле, считает Иран и Среднюю Азию «древнейшими очагами культуры кунжута». ¹⁷⁴ Очень богатыми районами по производству кунжута были Мургаб и Меручак. ¹⁷⁵ Кунжут, безусловно, возделывался во многих районах Мавераннахра. Клавихо, рассказывая о том, как Тимур переселил из завоеванных им стран в Мавераннахр большое число людей, пишет, что «кроме того, он (Тимур) привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин; они посеяли коноплю и лен, которых до тех пор не было в этой земле». ¹⁷⁶ Это сообщение Клавихо о возделывании льна и конопли впервые при Тимуре противоречит данным более ранних источников.

А. Ю. Якубовский, ссылаясь на арабских географов, утверждает, что согдийцы еще в IX—X вв. знали культуру льна, конопли и пеньки. Из семян льна и конопли делали масло. ¹⁷⁷ Эти данные свидетельствуют о том, что население Мавераннахра и раньше знало эти культуры.

Таким образом, сообщение Клавихо о посеве этих культур впервые при Тимуре ошибочно, но свидетельствует о том, что они возделывались большей частью для военных целей, а так как Тимур почти непрерывно вел войну, то, безусловно, спрос на эти культуры был большой и он, видимо, принял меры к увеличению их посевов. Кроме того, слова Клавихо о посеве этих культур переселенцами свидетельствуют о том, что они большей частью возделывались на государственных землях. По Клавихо, число людей, переселенных в Самарканд из разных покоренных стран, составляло свыше 150 тыс. Сказанное, однако, не означает что культуры льна и конопли выращивались исключительно в военных целях. Можно с уверенностью предполагать, что при Тимуре и Тимуридах часть льна и конопли использовалась для изготовления масла. По-видимому, на изготовление масла шла большая часть льна и конопли, выращиваемых на частных землях.

Из красильных растений большое значение имел шафран. В XIV—XV вв., как и ранее, основным районом производства шафрана был Кувадиан (Кабاديан), где эта культура возделывалась в большом количестве. ¹⁷⁸

Следует указать, что некоторые технические культуры Средней Азии служили предметом вывоза в другие страны. Об этом свидетельствуют письма Ходжи Ахрара Алишеру

Навои, в которых говорится, что он, наряду с другими сельскохозяйственными продуктами, вывозил в Малую Азию кунжут и хлопок.¹⁷⁹

Таким образом, рассмотренные факты позволяют говорить, что при Тимуре и Тимуридах в Средней Азии выращивались многие виды сельскохозяйственных культур.

Итак, основными районами производства зерновых были Мерв, Термез, Самарканд. Наиболее распространенными видами зерновых культур являлись пшеница, ячмень и просо.

Садоводство было свойственно многим местам Средней Азии, но основными, наиболее развитыми районами садоводства были долины Зеравшана, Кашка-Дарьи и Ферганы. Особенно распространенными следует считать различные сорта винограда, яблонь, граната, сливы, миндаля, груши, урюка и др.

Немаловажное значение в сельском хозяйстве Средней Азии имело бахчеводство и овощеводство. Среди бахчевых культур наиболее распространена дыня.

Технические растения в сельском хозяйстве Средней Азии имели меньший удельный вес. Все же основные виды технических растений, таких, как хлопок, лен, кунжут, выращивались в ряде районов.

После глубокого упадка сельского хозяйства, связанного с вторжением войск Чингизхана, в ирригационном деле и земледелии Средней Азии XIV—XV вв. наблюдается значительный подъем. Этому подъему во многом способствовали мероприятия, проведенные в эпоху правления Тимура и Тимуридов. О них речь будет идти в последующих главах.

КАТЕГОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIV-XV вв.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», определяя сущность феодальной собственности, писали: «Третья форма собственности это феодальная, или сословная, собственность. Если античность исходила из города, то средневековье исходило из деревни... Подобно племенной и общинной собственности, и она (феодальная собственность) также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственного производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм против городов. Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооружения дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо налицо были различные производственные условия».¹⁸⁰

Анализ категорий феодального землевладения в Средней Азии и сопредельных странах исторической наукой начат давно. Большая заслуга в изучении феодального землевладения на Ближнем и Среднем Востоке принадлежит И. П. Петрушевскому,¹⁸¹ П. П. Иванову,¹⁸² А. Ю. Якубовскому.¹⁸³ Отдельные вопросы феодального землевладения освещены в работах Е. А. Давидович,¹⁸⁴ О. Д. Чехович,¹⁸⁵ Р. Н. Набиева¹⁸⁶ и др. Изучение земельной собственности на отдельных этапах исторического прошлого связано со значительными затруднениями, так как исторические и документальные источники распределены далеко не равномерно. При феодализме сочетание собственности феодалов на землю с мелким самостоятельным хозяйством крестьян составляло характерную черту феодальной экономики.

Как отмечает В. И. Ленин, «условием такой системы является личная зависимость крестьянина от помещика».¹⁸⁷ Советский исследователь истории Средней Азии Б. Н. Заходер, основываясь на разрозненных сведениях письменных источников, пишет, что в X—XI вв. в странах халифата существовали следующие категории земельной собственности: 1) государственные земли; 2) земли, являющиеся собственностью представителей правящей династии, называемые также султанскими именьями; 3) вакфные земли; 4) частновладельческие земли, являющиеся полной собственностью частных лиц; 5) земли свободных крестьян; 6) земли крестьянской общины.¹⁸⁸

А. Ю. Якубовский по признакам принадлежности земель установил для Средней Азии IX—X вв. три основные категории землевладения.

1. Мульки султани, или мамлаке-и-султани, земли, принадлежащие государству. В эту категорию «входили главным образом земли основной массы крестьянства, жившего в условиях сельской общины».

2. Мульк — земли частновладельческие. Это были земли, «принадлежавшие лично отдельным членам правящей династии, древней дехканской знати, просто богатым дехканам, сейидам, высшим представителям духовенства, некоторым выходцам из тюркской гвардии, купцам и др. Возможно, существовало и мелкое землевладение».

3. Вакфные земли, находящиеся в пользовании разных мусульманских религиозных учреждений.¹⁸⁸

И. П. Петрушевский из числа государственных земель выделил в особую категорию земли «условного бенифициального и ленного владения».¹⁸⁹

При Тимуре и Тимуридах существовали следующие категории земельной собственности: государственные, вакфные, мульковые, сургальные земли.

Рассмотрим отдельно каждую из названных категорий земельной собственности, существовавших в XIV—XV вв.

1. Государственные земли. В средневековой Средней Азии государственная собственность на землю соединялась с общинным и мелким частным крестьянским землепользованием. Государство в этом случае выступало в качестве непосредственного эксплуататора как крестьян-общинников, так и крестьян-единоличников. О такой форме феодальной эксплуатации К. Маркс писал: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (крестьянам.— Н. М.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного

собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты...

Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». ¹⁹⁰

В Средней Азии рассматриваемого периода государственные земли составляли одну из основных категорий феодального землевладения. По сообщению автора «Истории Бухары» Мухаммеда Наршахи, еще Исмаил Самани в целях увеличения государственных земель скупал земли частных землевладельцев, расположенные в разных местах страны. ¹⁹¹ При Саманидах для управления государственными землями был создан диван государственных земель. ¹⁹² В источниках XI—XII вв. относительно государственного землевладения сведений мало, однако с уверенностью можно предполагать, что к этому времени фонд государственных земель также был значительным.

Известно, что после завоевания страны монголами основная часть государственных земель свергнутых династий, а также немалая доля земли прежних феодалов перешла во владение завоевателей. Так, в Иране «содержание многочисленного бюрократического аппарата, постоянной армии, многолюдного и сложного ханского двора, вместе с так называемыми «орду» (двор, свита) жен и царевичей, усилило необходимость получения постоянного источника доходов. Таким источником в первую очередь и стала земля. В спешном порядке, уже при Хулагу, государство начинает забирать в свое владение земельные угодья, которые получают название «дивани». Площадь их, бесспорно, занимает в монгольскую эпоху первое место по сравнению с другими видами земельных владений». ¹⁹³

Исходя из того, что государственное устройство Чагатаев, во владение которых входила большая часть территории Средней Азии, мало чем отличалось от государственного устройства Хулагуидов, можно предполагать, что такое же положение имело место и на территории Средней Азии. Государственные земли по своим размерам занимают важнейшее место среди других категорий землевладения.

Это дало возможность Тимру и Тимуридам широко применять и в дальнейшем развить систему земельных пожалований в сюргал — ленную форму землевладения, возникшую еще при монголах.

Как явствует из данных исторических и документальных источников, государственные земли к интересующему нас времени становятся известными под названием мамлака. К сожалению, следует отметить, что сведения о землях мамлака очень скудны. Тем не менее они свидетельствуют о том, что земли мамлака имелись повсеместно. Помимо сведений о передаче государственных земель в суюргал (о чем см. ниже), упоминания о землях мамлака содержатся в вакфных документах при определении границ обращаемых в вакф земельных участков.

Так, например, в вакфном документе времени Тимура, составленном в 1383 г., указано, что одна из границ обращенного в вакф земельного участка примыкала к государственным землям (заминхои мамлака).¹⁹⁴ При определении границ упоминается о землях мамлака и в вакфных грамотах Ходжи Ахрара.¹⁹⁵

Помимо этих земель, в эпоху Тимуридов существовали и земли, принадлежащие сельским общинам. Относительно этой категории земель в источниках также содержится очень мало сведений. Безусловно, в течение ряда веков структура общинных землепользований подвергалась определенным изменениям. Но этот вопрос в науке пока остается нерешенным.

И. П. Петрушевский, описывая земли сельских общин ряда веков, вплоть до XIV в., делает заключение, что «данная категория земель в условиях развития феодализма была обречена на отмирание».¹⁹⁶

Некоторые сведения о существовании общинных землепользований при Тимуре и Тимуридах мы находим в вакфных грамотах этого времени, где при описании границ обращенных в вакф земель упоминаются и земли, находящиеся в общем пользовании определенной группы людей. Так, в вакфном документе времени Тимура при описании границ обращенной в вакф пашни Телл-и-Хинуван указывается, что восточная граница ее примыкает к землям, которые называются бахши и находятся во владении определенной группы (племени) людей (дар тасарруфи кавми муайян аст). В другом месте говорится, что граница участка примыкает отчасти к государственным землям и отчасти к землям, которые находятся во владении определенного племени (дар тасарруфи тойфаи муайям аст).¹⁹⁷ Здесь под терминами «кавм» и «тойфа» следует подразумевать, очевидно, общинные землевладения, однако вопрос о том, в чем заключалась разница между этими терминами, остается нерешенным.

Во многих местах Средней Азии пережитки сельской общины существовали вплоть до революции; «в XVI в. сельская

община или какие-то ее пережитки существовали даже на территории самого развитого поливного земледелия».¹⁹⁸

В XIX — начале XX в. пережитки сельской общины сохранились в узбекском кишлаке Хумсан. Они проявлялись в укладе общественной жизни, землепользовании, скотоводстве, ремесле и т. д. Свою общину хумсанцы называли «юрт» или «джамоа». Основное место в хозяйстве хумсанцев занимало богарное земледелие. Все богарные земли, пригодные для возделывания зерновых культур, находились в общем пользовании. Орошаемых земель было немного.¹⁹⁹ «Водой пользовались все, кто принимал участие в проведении арыка и чьи посеы и сады были расположены в орошаемой им полосе... Об устройстве арыков, их ремонте и очистке заботилась вся община, и орошаемая земля вначале была собственностью всей общины».²⁰⁰ По мнению М. А. Абдураимова, главная причина длительного сохранения пережитков сельской общины в кишлаке Хумсан — это удаленность кишлака от больших торговых центров и слабое развитие товарно-денежных отношений.²⁰¹

К. Маркс отмечает, что в странах Западной Европы в средние века, вплоть до момента зарождения капиталистических отношений, существовала «и феодальная земельная собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной».²⁰²

В. И. Ленин, указывая на крестьян русской докапиталистической деревни, пишет: «Будучи объединены общиной в крохотные административно-фискальные и земельные союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр.».²⁰³

Эти слова К. Маркса и В. И. Ленина в полной мере могут быть отнесены и к Средней Азии средних веков.

К сожалению, относительно структуры внутриобщинного землепользования в Тимуридскую эпоху сведения отсутствуют.

На вопрос о том, являлись ли общинные земли собственностью членов общины, или же эти земли принадлежали государству, мы в источниках ответа не находим. Однако известно, что до Тимуридской эпохи общинные земли считались собственностью государства. Можно предполагать, что и при Тимуридах общинные земли являлись государственной собственностью. В этом отношении представляет интерес положение в отношении общинного землепользования в Бухарском ханстве в конце XIX—начале XX в.

Согласно определению Н. А. Кислякова, «крестьяне, владевшие или пользовавшиеся определенными земельными угодьями сообща, как и владельцы индивидуальных участков, в условиях феодального способа производства все же не являлись собственниками этой земли; собственником было государство, взимавшее с коллективных владельцев определенные сборы (топливом, сеном, скотом, деньгами), и потому общинные земли в большинстве случаев должны были быть отнесены к категории амлоковых (т. е. государственных.— Н. М.) земель».²⁰⁴ Далее Н. А. Кисляков пишет: «Формы общинного землевладения отличались значительным разнообразием и отражали различные этапы развития и разложения сельской общины. Наиболее стойко общинное землевладение и землепользование сохранялось в горных, экономически отсталых районах Восточной Бухары, а также в некоторых полупустынных, засушливых районах Западной Бухары — в Каршинской степи».²⁰⁵ По-видимому, и при Тимуридах формы общинного землевладения также отличались разнообразием, но, к сожалению, мы не располагаем какими-либо данными об этом.

Помимо общинных земель, к государственным землям следует отнести и земли, на которых были заложены многочисленные сады Тимура и Тимуридов. Как известно, среди них особой известностью пользовались сады, заложенные Тимуром в окрестностях г. Самарканда. Источники подробно описывают разные фруктовые насаждения, великолепные дворцы каждого из этих садов Тимура. Мы, не останавливаясь на подробностях, перечислим только некоторые из них.

1. Баги-Дилькушо (сад, пленяющий сердце) был устроен в 1397 г. в Кони-Гил для жены Тимура Тукель-ханум, дочери ходжи Углана, и являлся одним из самых роскошных садов того времени. Длина каждой из четырех сторон сада равнялась 1500 шариятским газам. В середине сада было построено величественное здание.²⁰⁶ На стенах этого здания, согласно словам Бабура, изображалась битва Тимура в Индии. От сада Дилькушо до ворот Фируза был проведен хиабан, по обе стороны которого посажены тополя.²⁰⁷

2. Баги-Шамаль (северный сад) заложен также в 1397 г. для внучки Тимура, дочери Миран шаха.²⁰⁸

3. Баги-Булди (сад довольства) заложен к востоку от Самарканда, недалеко от сада Дилькушо.²⁰⁹

4. Сад Накши Джехан (узор мира) возведен у подножия Чупан-Ата. Согласно Бабуру, в его время этот сад был уже разорен и, кроме названия, от него ничего не осталось.²¹⁰

5. Баги-Чинар (чинаровый сад) был расположен к югу от города, недалеко от крепости.²¹¹

6. Баги-Бихишт (райский сад) устроен Тимуром в 1378 г. для своей жены Туман-аги к западу от Самарканда. Баги-Бихишт был создан в результате объединения в единый сад ранее существовавших 12 отдельных садов. В саду построен величественный дворец.²¹²

7. Баги-Загон (сад воронов) был расположен за Баги-Булди.²¹³

8. Баги-Баянд (высокий сад) лежал к северу от Самарканда.²¹⁴

9. Давлет абад (местопребывание власти) был заложен к югу от Самарканда, в Даргамской степи, после возвращения Тимура из индийского похода (1399 г.).²¹⁵

10. Сад Тахт кароча заложен Тимуром в 7 фарсах от Самарканда в сторону Кеша.²¹⁶

11. Баги-Джаханнумай (сад, показывающий мир) находился при селении Кара-Тепе, в 24 км к югу от Самарканда.²¹⁷

После смерти Тимура вокруг Самарканда Тимуридами было устроено немало замечательных садов с великолепными дворцами. Так, согласно Бабуру, «у подножия холма Кухак, на западной стороне (Улугбек мирза) разбил сад, известный под названием Баги-Майдан. Посреди этого сада он воздвиг высокое здание, названное Чил-Сутун. Возле этой постройки, у подножия холма Кухак, Улугбек мирза разбил еще один сад».²¹⁸

По определению М. А. Орлова, в садово-парковом искусстве начиная с XIV в. преобладала система «регулярной, геометрически правильной, преимущественно прямоугольной и вместе с тем центрической схемы планировки парка»²¹⁹.

2. **Ленное (суюргалы) и тарханное землевладение.** Как выше указано, государственные земли послужили фондом для образования особой категории условного землевладения — суюргала.

Институт суюргала, являющийся дальнейшим развитием института икта в Иране, засвидетельствован с середины XIV в., при Джалаиридах²²⁰. Б. Н. Заходер относит появление суюргала как основного феодально-ленного владения ко времени Чингизхана.²²¹ Однако по мнению А. М. Беленицкого, «начало применения термина» суюргал» для обозначения земельных пожалований следует отнести к 40-м годам XIV в., когда в Средней Азии власть ханов из потомков Чагатая фактически была низведена на нет и полное преобладание

получили предводители тюрко-монгольских племен, заинтересованных в территориально-земельных владениях».²²²

Вначале передачи земель в суюргал носили временный характер. Владелец суюргала юридически не являлся собственником пожалованного владения. Собственником владения продолжало оставаться государство. Размеры земельных участков, выдаваемые представителями государственной власти тому или иному лицу на основе ленной службы, были разные. Владельцы такого суюргала взимали с жителей полученных в лен земельных наделов налоги, подати и повинности, которые раньше поступали в распоряжение центральной власти.

Следует отметить, что время правления Тимура и Тимуридов является периодом, когда передача земли в суюргал получила дальнейшее развитие. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения, встречающиеся в источниках этого периода. Многие факты говорят о том, что в большинстве случаев земельные наделы выдавались тому или иному эмиру, военачальнику или даже отдельным воинам в качестве вознаграждения за долголетнюю преданную службу, за проявление храбрости и мужества во время боев и пр., а также были случаи, когда земельные наделы в суюргал получали отдельные чиновники из государственного аппарата и некоторые влиятельные духовные лица.

Рассмотрим суюргалы, пожалованные Тимуром.

Одним из ранних суюргалов была передача Тимуром округа Радкан в Хорасане известному военачальнику Шейх Алибахадuru за проявление храбрости в походе против хорасанского эмира Алибека в 1381—1382 гг. (783 г. х.).²²³ Во время похода Тимура против эмира Вали в 1384—1385 гг. (786 г. х.) в сражении в Говкуриш, недалеко от Нисы, проявил особую храбрость военачальник Тимура Мубашир бахадур. Когда эмир Сохибкиран увидел храбрость и мужество Мубашира, местность Говкуриш пожаловал ему как «вечный суюргал» (суюргал-и-абади).²²⁴

Иязди, сообщая о передаче Тимуром этого суюргала, вместо слов «суюргал-и-абади» употребляет слова «ба хувд бари».²²⁵ По-видимому, Иязди, употребляя эти слова, также имел в виду «вечный суюргал». В других сообщениях о передаче Тимуром земель в суюргал Иязди больше нигде не употребляет слов «ба хувд бари».

Согласно сообщению Иязди, во время похода Тоглук Темурхана (хан монголов Семиречья) в Мавераннахр в 763 г. х. (1361—1362 гг.) в Хорасан бежал эмир Ходжи. Когда он достиг селения Хуроша области Сабзавар, был убит там вместе

со своим братом Айядку. После завоевания Тимуром Хорасана виновные в убийстве эмира Ходжи и Айядку казнены и упомянутое селение Тимур отдал в качестве суюргала потомкам эмира Ходжи.²²⁶

Во время одного из набегов монголов Семиречья на Фергану в плен попали жители Ходжента. Некий Куча Малик с отрядом из тринадцати человек совершил ночное нападение на отряд монгольского военачальника Инкатура, которое составляло триста воинов, отбил пленных, снабдил их продуктами и вернул на родину. За этот отважный поступок Куча Малик удостоен суюргала и звания тархана.²²⁷ Йазди, сообщая о пожаловании суюргалом Куча Малика, повторяет слова Шами.²²⁸ При этом оба автора не называют объект пожалования.

Уже в этот период в некоторых случаях размеры суюргала были очень большими. Так, во время похода Тимура против Тохтамышша в 1391 г. (793 г. х.) в сражениях отличился военачальник Джалал бахадур, и Тимур в качестве вознаграждения отдал ему в суюргал крупную область.²²⁹ Тимур давал в суюргал также города и крепости. Духовный наставник Тимура Сейид Барака получил в качестве суюргала г. Андхой, который в течение XV в. находился в руках потомков этого старца.²³⁰ Были случаи, когда Тимур жаловал суюргалом сразу большую группу отличившихся в походах людей. Так, во время возвращения в Самарканд из индийского похода в 1399 г. «его величество каждого состоявшего (при нем на службе) бахадура пожаловал леном»²³¹.

В источниках среди лиц, получивших суюргалы, упомянуты имена некоторых из сыновей и внуков самого Тимура и их жен. Согласно рассказам Низамаддина Шоми, по приказу Тимура в 1392—1393 гг. (795 г. х.) схвачены и заключены в оковы все Музаффариды и область Фарс передана в качестве суюргала сыну Тимура Омар Шейху, который стал полновластным правителем (хаким и мутлак), и все войска Шираза были подчинены ему.²³²

Во время похода Тимура против Тохтамышша в 1391 г. (793 г. х.) внук Тимура Мухамед Султан просил разрешить ему со своими войсками направиться в передовое охранение. Тимур, приняв смелость Мухамеда Султана за доброе предзнаменование, удовлетворил его просьбу и удостоил его высочайшими «суюргалами».²³³

Следует отметить, что здесь объект пожалования также не назван.

По сообщению Йазди, Шохи Малика, жена Абубакра — внука Тимура, получала от последнего в качестве суюргала

округ Дуджейль вблизи Багдада²³⁴. Мирхонд, сообщая о сказанном, в основном повторяет слова Йазди²³⁵.

Наряду с приведенными случаями, в источниках содержится ряд сообщений, в которых суюргалом называются владения, которые Тимур оставлял за прежними владельцами, если последние по требованию Тимура без сопротивления подчинялись ему. Так, по словам Низамаддина Шоми, во время сражения у крепости Айдин правитель этой крепости эмир Боязид, увидя мужество и смелость победоносного войска Тимура, отказался от сопротивления и явился к Тимуру. Эмир Тимур обласкал его и его же область отдал ему в качестве суюргала²³⁶. При таких же обстоятельствах область Ахлат была отдана в качестве суюргала его прежнему владельцу эмиру Адиль Джузу²³⁷ и крепость Каркук в Мосуле—ее прежнему владельцу эмиру Али.²³⁸ Интересны сообщения о массовых раздачах суюргала жителям покоренных областей.

Согласно рассказу Низамаддина Шоми, во время завоевания Герата войсками Тимура защитники города, убедившись в беспечности продолжения борьбы, согласились покориться Тимуру. Тимур простил их, щедро одарил их суюргалами и, определив им город и область, переселил в Туркестан²³⁹. Здесь термин «суюргал» применен только в значении пощады личной жизни покоренного народа и одарения некоторыми подарками (возможно, халатами) представителей города, которые явились к Тимуру с просьбой о пощаде. Переселение защитников покоренного города в Туркестан, безусловно, было насильственным. Тимур применял его в целях создания условий безопасности в покоренной стране, и поэтому здесь ни о каком земельном пожаловании речи быть не может.

Приведем второе сообщение того же автора. Во время Пятилетнего похода Тимура жители области Байшканд по требованию Тимура покорились ему, за что удостоились суюргалов и спасли себя от разорения.²⁴⁰ Следует подчеркнуть, что Йазди, сообщая об этом, также повторяет слова Шоми²⁴¹.

Сообщение Хафиза Абу свидетельствует о том, что дарение государем своим подданным дорогих халатов, поясов и других вещей также называлось суюргалом.²⁴²

Необходимо отметить, что при Тимуре в большинстве случаев пожалование земли в суюргал носило временный характер и не переходило по наследству. Пожалование в суюргал земли с правом передачи ее по наследству, т. е. в «вечный»

суюргал, производилось, по-видимому, в исключительно редких случаях. Это видно из того, что, помимо единственного случая передачи земли в «вечный» суюргал, о котором речь шла выше, другого сообщения такого характера в источниках, насколько нам известно, не содержится.

Дальнейшим этапом в развитии института суюргала является время правления Шахруха. Сразу после смерти Тимура, когда между его наследниками разгорелась ожесточенная борьба за власть, Шахрух в целях привлечения на свою сторону влиятельных военачальников Тимура пожаловал им в суюргал земельные наделы разного размера, причем некоторые из них составляли большие области.

Как отметил А. М. Беленицкий, «такие пожалования, безусловно, были гораздо более притягательны, чем, допустим, те щедрые раздачи казны, которые практиковал Халиль-Султан в Самарканде»²⁴³.

Эта раздача земельных наделов в суюргал, очевидно, и способствовала тому, что Шахруху удалось лишить власти своих родственников и стать признанным главой империи. Одним из первых суюргалов была пожалованная (Шахрухом) в 1405—1406 гг. (808 г. х.) известному военачальнику Тимура Сулейман шаху Сарахская область.²⁴⁴ В 1407—1408 гг. (810 г. х.) Сейид Изаддину Хазар Джериби была пожалована в качестве суюргала область Дамган и Махмед тархану — округ Андхуд.²⁴⁵ Военачальник Тимура Шах Малик, который играл крупную роль в борьбе за укрепление власти Шахруха, получил в качестве суюргала Хорезм²⁴⁶. Город Куксор, близ Герата, Шахрухом был пожалован вдове Тимура Туман-аге, которая после смерти Тимура была замужем за эмиром шейх Нуриддином.²⁴⁷

Шахрух раздавал уделы в качестве суюргала также своим сыновьям и племянникам. В 812 г. х. (1409—1410 гг.) область Хисор-Шодмон была передана Шахрухом в качестве суюргала мирзе Мухаммад Джахонгиру, сыну Мухаммад Султана.²⁴⁸ В 1414—1415 гг. (817 г. х.) Шахрух пожаловал своему сыну Ибрагим Султану в качестве суюргала область Фарс.²⁴⁹

После того как Кайду, сын Пирмухаммеда, который правил от имени Шахруха областями Восточного и Южного Афганистана—Кабулом, Газной, Кандагаром и др., был обвинен в попытке объявить себя независимым и лишен власти, названные области Шахрух передал в качестве суюргала другому своему сыну—Суюргатмышу.²⁵⁰ При Шахрухе в большинстве случаев суюргалы передавались по наследству.

Так, когда в ноябре 1426 г. (16 мухаррама 830 г. х.) в Кабуле скончался царевич Суюргатмыш, его удел Шахрух передал его старшему сыну Султан Масуду.²⁵¹

После смерти Байсанкура его удел также был передан его старшему сыну—мирзе Алааддауле, а двум другим его сыновьям—мирзе Султан Мухаммеду и мирзе Абдуль-Касим Бабуру Шахрух назначил «кормление» (алюфа)²⁵². В 1444—1445 гг. (848 г. х.), когда в Серахсе скончался Мухаммед Джуки, его удел Шахрух также разделил между его наследниками—мирзой Мухаммед Касимом и мирзой Абубакром.²⁵³

Помимо суюргалов царевичей, по наследству передавались и суюргалы других слоев господствующего класса. Приведем два таких сообщения. Так, после смерти Шах Малика в 829 г. х. (1425—1426 гг.) Хорезм, который был его суюргалом, был передан его сыну Ибрагим Султану.²⁵⁴ После смерти Ильяс ходжи его суюргал—Радкон Шахрух отдал его сыну Юсуф ходже.²⁵⁵ Нужно подчеркнуть, что царевичи в своих суюргалах обладали значительной самостоятельностью.

А. М. Беленицкий приводит сообщение Абдурраззакка из копии диплома о передаче Байсункару в суюргал Хорасана, где говорится, чтобы «при царевиче были образованы диван с визирем и эмирами, была свита из ученых, поэтов, выдающихся людей. Всем чинам государства, знати и населению предлагается считать царевича «падишахом и повелителем своим...», всю область подчиняющейся его приказу. Взимание налогов передается в распоряжение его наибов и чиновников»²⁵⁶.

Однако, наряду с этим, в источниках имеются данные, говорящие об ограничении власти царевичей в своих уделах. При царевичах «находились поставленные центральным правительством чиновники, ответственные перед Гератом; финансовая автономия была также далеко не полной: часть доходов должна была вноситься в виде ежегодных взносов в общегосударственную казну.

Нерадение и своеволие царевичей в своих уделах могло даже повлечь за собой лишение суюргала в целом или части его»²⁵⁷.

После смерти Шахруха в истории отдельных владений Тимуридов суюргал продолжает занимать весьма существенное место. Так, после того как Улугбек, согласно договору с Алааддаулой, добился освобождения из заключения своего сына Абдаллатифа, он пожаловал ему в качестве суюргала область Балх.²⁵⁸ Пожалование уделов в суюргал особенно широкое распространение приобретает во время правления Абуль-Касима Бабура.

Так, эмиру Пирдарвишу из Хазараспа и его брату эмиру Али, которые играли важную роль при захвате власти Бабуrom, были пожалованы в качестве суюргала области Балх, Кундуз, Шапурган, Балкан, Арханг и Сарои²⁵⁹.

Во время похода Абуль-Касима Бабура на Самарканд против Абу Саида в 858 г. х. (1454 г.) один из известных военачальников Бабура—Бахлул изменил своему государю и перешел на сторону самаркандцев. Бабур отдал туман Бахлула другому военачальнику—эмиру Хусайн Дивона, и область Туршиз, которая была суюргалом Бахлула, была отдана в качестве суюргала эмиру Шужоаддин Хусайну.²⁶³ Нужно особо подчеркнуть то обстоятельство, что Бабур в некоторых случаях лишал одних владельцев суюргала и жаловал им других.

Некоторые, в основном крупные суюргалы вышеупомянутых братьев — эмира Пирдарвиша и эмира Али Бабур после похода на Самарканд в 1454 г. (858 г. х.) пожаловал уже другим отличившимся в войне военачальникам. Балх отдан в качестве суюргала эмиру Шейх Ходжи, Шапурган—эмиру Баба Кукельташу. Некоторым другим военачальникам также пожалованы суюргалы. Области Байан и Чарак пожалованы эмиру Фарису, область Андихуд—двум братьям—эмиру Зуннуну и эмиру Ахмаду.²⁶¹ Согласно словам Абдурраззака, Абуль-Касим Бабур области Мерв, Мохон и Джам, которые являлись суюргалом эмира Халила, в 859 г. х. (1454—1455 гг.) передал другому военачальнику — султану Санджару.²⁶²

Во время правления Абуль-Касима Бабура пожалование земли в суюргал с правом передачи в наследство, обозначаемое как «вечный» суюргал (ба хувд бари), производилось также в редких случаях. Исфизари сообщает о единственном случае, когда Бабур, завоевав власть в Хорасане, область Тун пожаловал в качестве суюргала «ба хувд бари» своему брату Алааддауле. Последний передал правление областью Тун своему сыну — Султан Ибрагим мирзе.²⁶³

Приведенные примеры позволяет предполагать, что суюргал «ба хувд бари» передавался в качестве удела на вечное владение и самовластное правление наиболее близким государю лицам. Отметим, что передача земли в «вечный» суюргал в XV в. производилась и в государстве Ок-Куюнлу.²⁶⁴

После смерти Абуль-Касима Бабура, когда Абу Саиду удалось объединить Иран и Среднюю Азию под своей властью, он продолжал жаловать в суюргал уделы в широких размерах.

В 1459—1460 гг. (864 г. х.) область Нимруз была пожалована в качестве суюргала шаху Яхье родом из Сеистана.²⁶⁵

При Абу Саиде снова важное значение приобретает передача суюргалов царевичам. Он имел девять сыновей, и каждый из них стал удельным владельцем. Старшему сыну Султан Ахмеду пожалован Мавераннахр. Астрабад отдан царевичу Султан Махмуд мирзе. Кабул стал владением мирзы Улугбека, Бадахшан достался Абубакру Фергана стала суюргалом Омар Шейха и т. д.²⁶⁴ Нужно подчеркнуть, что сыновья Абу Саида, став удельными правителями, также стали раздавать в виде суюргала земельные наделы и города. Так, правитель Ферганы Омар Шейх пожаловал влиятельному эмиру Хафиз Мухамедбек Дулдаю в качестве суюргала столичный город Андижан.²⁶⁷ Другой эмир Омар Шейха—Вайс Лагари получил в качестве суюргала Касан.²⁴⁸

В государстве султана Хусейна пожалование уделов в суюргал царевичам и знатым людям практиковалось также весьма широко. Для примера достаточно привести одно из таких сообщений: когда в сентябре 1501 г. (раби I 907 г. х.) скончался царевич Мухаммед Масум мирза, область Коиң, которая была его суюргалом, султан Хусейн пожаловал его брату—Ибрагим Хусейн мирзе.²⁶⁹

Таким образом, приведенные факты позволяют говорить, что суюргал как институт феодального землевладения приобрел очень важное значение в государстве Тимуридов.

После падения власти Тимуридов и перехода ее к Шейбанидам, по-видимому, те владельцы суюргала, которые переходили на службу к узбекам, полностью или частично сохранили за собой свои владения. Видимо, лишились своих владений только те, кто оказал сопротивление узбекам. Об этом говорит такой факт, сообщенный Хондемиром. После захвата Герата Шейбаниханом, согласно условиям договора, крестьяне и ремесленники уплатили в виде контрибуции 100 тыс. одномискальных тангача²⁷⁰, великие эмиры и владельцы суюргалов отдали в виде личного подношения 20 тыс. тангача, а его представителю мавлано Абд ал-Рахиму — 15 тыс. тангача.²⁷¹ Известно, что Хондемир враждебно относился к узбекам, все же он больше ни о каких притеснениях узбеков по отношению к владельцам суюргалов не сообщает.

После завоевания страны Шейбанидами пожалование уделов в суюргал продолжается. В частности, Васифи сообщает об одном таком пожаловании, составление суюргальной грамоты которого было поручено ему. Речь идет о пожаловании в 1540 г. Наурузханом (Баракхан), правителем Ташкента, в суюргал бывшему садру Убайдуллахана — Сейид Шамсаддин Мухаммеду Хоросани «всех пустошей и рудни-

ков ташкентского удела. кроме действующих разработок бирюзы и железа».²⁷² Таковы основные сведения о суюргале Тимуридской эпохи.

Помимо суюргальных пожалований, при Тимуре практиковалось и тарханное пожалование. Тарханное пожалование означало освобождение земель лиц, получивших тарханство, от всех налогов и податей в пользу государства. От тархана не брали также и улаг. Но сама тарханная грамота не предполагала пожалования земли. Земли тарханов, освобожденные от налогов, находились в их собственности еще раньше. Кроме того, согласно словам Низамаддина Шоми, тарханы имели еще ряд особых прав. Например, право беспрепятственного доступа к государю. Тарханы и их потомки до девяти провинностей освобождались от наказаний.²⁷³ Тарханские грамоты главным образом выдавались лицам, отличившимся во время боев. Так, во время похода Тимура против Тохтамышы в 1391 г. (793 г. х.) были пожалованы тарханские грамоты всем тем, кто проявил мужество и храбрость в сражении против врага.²⁷⁴ Однако в некоторых случаях Тимур жаловал тарханство сеидам и другим представителям духовенства. Согласно словам Гийассадына Али, во время похода в Индию в месяце сафар 801 г. х. (октябрь 1398 г.) «счастливый государь наложил на город Талмина контрибуцию за пощадку (от расправы) в два лака скота. Великие же сеиды... были освобождены от сего, прощены, избавлены и учинены «тарханами», удостоившись награждения дорогими халатами».²⁷⁵ Пожалование звания тархана практиковалось и при Тимуридах. Были случаи, когда в связи с особыми торжествами жаловалось тарханство всем жителям города или даже страны. В этих случаях, по-видимому, тарханство означало лишь освобождение населения от подати и повинности на определенное время. О тех особых правах тарханов, о которых сообщает Низамаддин Шоми, безусловно, в этих случаях не могло быть и речи. В связи с празднованием обряда обрезания (хатна) своего младшего сына Абд ал-Азиза Улугбек «пожаловал людям, вероятно, самаркандцам, тарханство (т. е. освободил их от податей)»²⁷⁶. По сообщению Мирхонда, в связи с празднованием обряда обрезания своего сына Алааддула также пожаловал населению тарханство.²⁷⁷

Отдельные тарханы являлись собственниками очень больших земель, занимали высокое положение в государстве и правили отдельными областями. Одним из богатых и влиятельных людей был Дарвеш Мухаммад тархан. Его родственник Абд ал-Али тархан при Султানে Ахмаде был правителем Бухары и одним из крупнейших землевладельцев.

«Его двор, считая прежде всего его военных слуг, исчислялся не меньше чем в 3000 человек».²⁷⁸ Согласно сообщению Бабура, «Бухарой полностью завладел Баки тархан и никому не давал ни одного данака с бухарских владений»²⁷⁹. В Самарканде таким полновластным хозяином был Мухаммад Мазид тархан. Все округи Самарканда он захватил для своих сыновей, приверженцев и приспешников. Царевич Султан Али мирза получал только небольшое содержание. Эти действия Мухаммад Мазид тархана вызвали недовольство Султан Али мирзы и привели к тому, что в 905 г. х. (1499—1500 гг.) между ними возникла вражда.²⁸⁰

Приведенные примеры позволяют говорить, что тарханы приобрели большое влияние в государстве Тимуридов и их действия, безусловно, способствовали его ослаблению и гибели.

Тарханное пожалование практиковалось и в государстве Шейбанихана.²⁸¹

3. Мульковые земли.

При Тимуре и Тимуридах, как и в предшествующее время, земельная собственность частных лиц, не связанная со служ-

бой государству и свободно передаваемая по наследству, называлась мульк.

Кроме земель, мульками являлись также каналы, каризы, если они были проведены владельцами мулька, приобретены ими или их предками. Мульковые земли разделялись на мульки, облагавшиеся податью в пользу дивана, и мульки, освобожденные от податей, ставшие известными в тимуридское время под названием мульки мутлак, о чем подробнее речь будет идти ниже.

Мульковые земли, облагавшиеся податью, разделялись, как и прежде, на хараджные и ушровые. Данные источников, имеющих документы подтверждающие то обстоятельство, что основная масса мульковых земель являлась собственностью крупных феодалов.

Следует указать, что уже в XIV в. начинает переходить к оседлости часть кочевых племен монголов чагатаев: джалаиры, кочевавшие в районе Ходжента, барласы — в долине р. Кашка-Дарьи, орлаты — в северной части Афганистана и каучины — в бассейне верховья Аму-Дарьи. Главы отдельных родов стали крупными феодалами и владели большими земельными угодьями.²⁸²

Владельцами большой земельной собственности стали и многие местные феодалы. Источники Тимуридской эпохи сообщают ряд сведений относительно владений некоторых богатых и влиятельных землевладельцев этого периода.

Хотя эти сведения разрозненные, все же они позволяют охарактеризовать в целом картину муьльковых землевладений и показать концентрацию земель больших размеров во владениях крупных землевладельцев. Вопрос о крупном землевладении в интересующее нас время исследован в работах ряда советских авторов. Поэтому мы, не останавливаясь на подробностях, постараемся на ряде конкретных примеров дать общую картину муьлькового землевладения.

Одним из крупных землевладельцев Тимуридской эпохи был Алика Кукельташ (воспитатель Шахруха).²⁸³ Он владел большими земельными угодьями и постоянно увеличивал их, скупая в большом количестве земли в разных районах Средней Азии и за ее пределами.

Согласно словам Абдурраззака, Алика Кукельташ закупал землю также в Египте (Мисре), назначив специальных лиц (саркорон) в качестве управителей. Однажды Шахрух спросил Алика Кукельташа о причинах покупки им земель в Египте. Он хитро ответил: «Я хочу, чтобы после моей смерти люди говорили, что у мирзы Шахруха был раб, который купил земельные наделы (амлок) в Египте и благоустроивал их».²⁸⁴

По сообщению Мирхонда, Алика Кукельташ прожил более девяноста лет и в конце его жизни семена на ежегодные посевы его полей составляли свыше 100 тыс. ослинных вьюков (харвар).²⁸⁵

Крупным землевладельцем был известный эмир Шахруха Фируз шах. Его многочисленные земельные владения (амлок ва мустагилот) были расположены во всех областях страны.²⁸⁶ Таким же крупным землевладельцем был Абд ал-Карим Ашраф, сановник султана Ахмеда (1469—1494 гг.). Его сыновья и наследники являлись крупнейшими землевладельцами даже в XVI в.²⁸⁷

Крупнейшим духовным феодалом второй половины XV в. был Ходжа Ахрар. Он в течение небольшого промежутка времени прибрал к рукам громадные земельные массивы. Его земли располагались во многих районах Мавераннахра.

Приведем некоторые данные о его земельных владениях. По сообщению автора «Рашахат-и айн аль хайят» Али Ибн Хусейна ал-Ваиз аль Кашафи, общее количество возделываемых участков этого святого превышало 1300. Только земли, расположенные по оросительным каналам района Карши, составляющие часть из 1300 участков, равнялись 3 тыс. кошей (джуфти гав).

Как пишет тот же автор, Ходжа Ахрар со своих самаркандских полей ежегодно вносил в диван султана Ахмед мир-

зы в качестве ушра 80 тыс. самаркандских манов зерна.²⁸⁸ Возможно, эти данные преувеличены, но они свидетельствуют о том, что земельные владения Ходжи Ахрара были огромными. Ходжи Ахрар владел мастерскими в городах,²⁸⁹ а также огромным количеством скота. Владея огромными богатствами, он располагал большой властью над неимущей массой населения. Одной из причин, способствовавших скоплению в его руках такого огромного богатства, являлось неограниченное влияние при дворе султана Абу Саида (1451—1469 гг.) а затем его преемника—султана Ахмад мирзы (1469—1492 гг.). Однако хозяйство Ходжи Ахрара оказалось недолговечным. Еще при жизни он часть своих земель обратил в вакф разным религиозным учреждениям.²⁹⁰ После смерти большая часть его имущества перешла во владение его сына Мухаммад Яхьи. Когда войска Шейбанихана, заняв Бухару, приблизились к Самарканду, ходжа Яхья пытался организовать активное сопротивление узбекам и вызвал в Самарканд Бабура. После поражения и бегства Бабура, когда Шейбаниханом был захвачен Самарканд, огромное имущество ходжи Яхьи перешло в руки Шейбанихана и его военачальников. Сам ходжа Яхья был убит узбеками в селении Ходжа-Кардзан. В тех районах Мавераннахра, которые еще не были завоеваны узбеками, земельные участки Ходжи Ахрара во время смуты перешли в руки местных эмиров и феодалов. Согласно сообщению Бабура, когда он находился в Ходженте, то просил Мухаммад Хусейн Дуглата временно, на одну зиму, отдать ему селение Пешагир в Еряйлакском тумане, которое раньше входило в состав владений Ходжи Ахрара, а во время безвластия перешло к Дуглату.²⁹¹

Владельцем большой земельной собственности являлся и поэт Абдурахман Джами. Его земельные участки были расположены в районах Герата. По-видимому, большинство его земель составляли мульки ушри. Это видно из его просьбы к султану Хусейну на два года приостановить взыскание десятинной подати с его земель.²⁹²

Огромные земельные владения принадлежали Алишеру Навои. Характеристику его богатств дает автор «Тарихи Рашиди» Мирзо Хайдар. Алишер «проявил рачительность и скопил такие богатства, что его ежедневный доход с его собственных земель выражался в сумме 18 тысяч шахрохи».²⁹³ По подсчету А. А. Семенова, ежедневный доход Алишера Навои составлял 9 тыс. руб. золотом, т. е. 270 тыс. руб. в месяц. При тогдашней дешевизне это составляло колоссальную сумму.²⁹⁴ Имея такие огромные доходы, Алишер мог проводить

большие строительные работы и неоднократно из своих средств выплачивал незаконные обложения населения.

Мы здесь упомянули имена лишь нескольких влиятельных землевладельцев XV в. В действительности число их было намного больше. Влияние крупных землевладельцев при дворах Тимуридов особенно возрастает в период междоусобиц. Некоторые из них, используя свою силу и богатство, часто проявляют непокорность и выступают против правителей. Об одном из таких крупных землевладельцев — Камбар Али рассказывает Захириддин Бабур. «В то самое время, когда мы ослабили и обессилили такого врага (Ахмад Танбала. — Н. М.), Камбар Али попросил позволения уйти в свою область. Как я его ни удерживал, повторяя все эти соображения, он только больше дурил (и упрямялся). Удивительно легкомысленный и неустойчивый человечешко. Поневоле пришлось ему разрешить уйти в его область. Раньше его владением был Ходжент, на этот раз, когда я взял Андижан, то отдал ему Исфару и Кани-Бадам. Среди наших беков (именно) у Камбар Али были обширные владения и много нукеров; ни у кого не было столько земли и нукеров, как у него».²⁹⁵ Далее, при описании дальнейших событий, Бабур рассказывает: «Камбар Али два или три раза, обидевшись, хотел уйти в свою область. Один раз он даже сел на коня и тронулся; послав за ним несколько беков, мы с трудом вернули его назад».²⁹⁶ Эти слова свидетельствуют об ослаблении власти Бабура во время междоусобиц и его зависимости от влиятельных местных беков, являвшихся в то время крупными землевладельцами.

При Тимуридах были и собственники мелких участков мульковой земли. Они сами ее обрабатывали. Но, по-видимому, некоторые из них в связи с незначительным размером своих участков дополнительно еще брали в аренду участки земель у богатых землевладельцев. О том, что мульки свободно продавались, содержится немало сведений в документах и источниках. Для примера приведем содержание одного документа о продаже сада. Этот документ датируется месяцем зу-л-када 919 г. х. (декабрь 1513 — январь 1514 гг.). Документ гласит, что Махбуба Султан, дочь Ходжи Шахбаддина, продала мавлоно Махмуду, сыну мавлоно Ходжи, один сад, составляющий ее собственный мульк (мульки худамро) и расположенный в местности Руди Фа'кат, селении тумана Уротеппа, вблизи мазара Дарвеш Мухаммад Рохи. Сад содержал плодоносящие деревья и разнообразные виноградные лозы. Он был продан вместе со всеми постройками и

другим имуществом за 70 теньга.²⁹⁷ В документе не указано, какую площадь занимал этот проданный сад.

Многочисленные сведения о купле и продаже мульковых земель содержатся в вакфных документах Ходжи Ахрара, где указано, что обращенные в вакф земельные участки были приобретены им путем покупки.²⁹⁸

Для XVI—XVII вв. особо важными в этом отношении являются опубликованные документы джуйбарских шейхов.²⁹⁹

Нужно подчеркнуть, что в состав мульковых земель входили не только земли сельскохозяйственного значения, но и земли расположенные в городах. Они использовались для различного рода построек торгового и хозяйственного характера, т. е. лавок, мастерских, торговых дворов, бань и т. д.

В вопросе определения мульковых земель Е. А. Давидович придерживается другой точки зрения, чем изложенная нами выше. Согласно ее определению, мульковые земли являются собственностью двух совладельцев — частного лица и государства. «Два совладельца делили между собой общую феодалную ренту с мульковых земель, но и могли разделить и самую землю пропорционально долям ренты. При таких разделах мульковой земли одна ее часть переходила в категорию государственных земель (мамлакати подшохи), становясь полной собственностью государства, другая же превращалась в категорию частнособственнических земель (мульки-хурри-халис)»³⁰⁰. При этом доля государства в одних случаях была больше доли частного лица, а в других — меньше. «Обычно феодалная рента делилась на две неравные части ($\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$), соответствовавшие $\frac{1}{10}$ и $\frac{2}{10}$ долям урожая»³⁰¹.

Исходя из анализов некоторых документов, Е. А. Давидович сделала вывод, что хотя при продаже мульковых земель юридически оформляется продажа всей земли, однако фактически «продавалась не вся земля, а лишь определенная доля феодалной ренты с правом на пропорциональную часть невыделенной земли (и с правом при разделе эту часть получить)».³⁰²

Е. А. Давидович это определение мульковых земель относит не только к XVI в., но и предшествующему и последующему времени. Следует указать, что данных, говорящих о такой принадлежности мульковых земель двум совладельцам, а также фактов о разделе мульковых земель пропорционально долям ренты, насколько нам известно, в источниках Тимуридской эпохи не встречается. Поэтому определения Е. А. Давидович считать показательными и для XV в. было бы преждевременно. По нашему мнению, в XV в., как и в

предшествующие времена, мульки были полной собственностью частных лиц, хотя и облагались налогами.

Вместе с тем, для самого конца Тимуридской эпохи можно, очевидно, говорить и относительно появления полностью обеленных земель. Такой документ найден нами в часто цитируемом здесь сборнике копий документов «Тарассул» Марвариды. Он датируется концом XV в. (точной даты не имеет). Документ этот выдан на имя Дарвеш Али Кукельташа, родного брата Алишера Навои.

Приведем перевод деловой части этого документа. В переводе вводная часть до слов *در نواحی قبه اسلام* опущена.

ПЕРЕВОД

(Учредитель) в окрестности купола Ислама (гор) Балха, который является местопребыванием приближенных к богу и местом погребения знаменитых отшельников, построил высокий по местоположению рабат и гостиницу, дабы (они) служили убежищем безопасности и местом для остановки идущим по путям и дорогам благочестия и странствующим по пустыням уединения и упования (на Бога). И задумал он (снабдить) их предметами украшения, (необходимыми) для общежития, в такой степени, чтобы все прибывающие и останавливающиеся в этом месте, будь то царь или нищий, низкий или благородный, малый или великий, во время пребывания там (пользовались) тонкостями обслуживания и условиями угощения в мере, превзойти которую нельзя было бы и вообразить.

Ради этого он своими стараниями в упомянутом вилайете провел воду в древний канал, известный под именем Марукаш, от которого, кроме имени и (некоторых) признаков, никаких следов не осталось, а о населенности (местности) его в этом вилайете ни одно творение, ни старый, ни молодой не помнят, и назвал его Файзабад. Он (учредитель) выразил желание передать (этот канал) в вакф того рабата и других построек, которые он там впоследствии соорудит. И так как в этом вилайете обычай таков, что от проводимых каналов и водопроводов четыре доли (данек) поступают в диван, а две доли закрепляются за владельцами мулька, он (учредитель) просит (разрешения) (по) две доли от канала Будалик и канала Кальта, которые он купил на законном основании у наследников шейха Абул Фазла, передать в диван взамен четырех долей канала Файзабад, чтобы таким образом канал Файзабад целиком перешел в полное владение и

распоряжение упомянутого опоры государства и в соответствии с шариатом он смог бы его передать в вакф.

И мы повелеваем в соответствии с просьбой упомянутого (лица) по две доли названных двух каналов взять в диван, взамен которых канал Файзабад передать целиком упомянутому лицу, дабы (канал) стал его полным мулькаком и (смог быть) передан в вакф. С упомянутого канала не взимать и не требовать поземельных налогов мал и ихраджат, дарубест, зякет, пойговона, мухасисона, мухассыллона, забитона, халк ал-авариджа, мушрифона и пр. и никоим образом этому (запрещению) не противодействовать. Сборщики налогов и их чиновники пусть не касаются (его) и не требуют и не взимают дах-йоздах, расм'ал-садора, дах-ним и хакк ал-тавал-лийа.

Если же поступят вопреки этому, то подвергнутся наказанию, согласно султанским установлениям...

Как видим, в документе речь идет об обелении мульковых земель. Сравним наш документ с некоторыми из дошедших до нас документов XVI в., в которых говорится об образовании обеленной земли. Так, например, в документе 963 г. х. (1555 г.) указано, что главный казий города Самарканда Абд ал-Вахид ходжа из 13 тыс. танапов орошаемой земли и 400 танапов богары, которые находились в его владении, передал государству 9500 танапов орошаемой земли и 300 танапов богарной земли, сохранив за собой только 3500 танапов орошаемой земли и 100 танапов богары и добился освобождения от податей, т. е. для обеления своего мулька он лишился почти трех четвертей своей земли.³⁰³

Ряд документов об обеленных мульках опубликовала О. Д. Чехович.

Они показывают, что для обеления своего мулька владельцы передавали дивану две третьи своих земель и сохраняли за собой только одну треть.³⁰⁴ Таким образом, способ полного обеления мульковых земель посредством передачи $\frac{2}{3}$ податной земли в казну с оставлением $\frac{1}{3}$ владельцу, практиковавшийся в XVI и последующих веках, является продолжением практики, существовавшей уже в XV в., во всяком случае и конце его. В этом смысле наш документ мало чем отличается от аналогичных документов XVI в. Однако нельзя не отметить следующего обстоятельства. В XVI в. эти земли приобретают вполне установившееся наименование «мульки хурр» или «мульки холис», впоследствии чаще всего «мульки хурр ва холис». Как показывает наш документ, вместо этих слов, ставших юридическими терминами, употреблено слово «мутлак» (полный), которое не утвердилось, насколько

ко известно, в юридической практике. Обстоятельство это, очевидно, свидетельствует о том, что сама практика такого способа обеления земель была новая. иначе говоря, начало образования таких полностью обеленных земель посредством передачи в казну земельной площади, в два раза превышающей освобождаемую от налогов. мы должны датировать концом Тимуридской эпохи.

Других сведений относительно обеленных мультковых земель не имеется. Это показывает, что фонд земель обеленных мультков был невелик. Незначительность фонда земель этой категории для XVI в. отметил П. П. Иванов.³⁰⁵

Вопрос обложения налогами мультковых земель будет рассмотрен в специальной главе.

4. Вакфные земли.

Вопрос о вакфном землевладении в Средней Азии и сопредельных странах в средневековье уже рассматривался в работах ряда исследователей. Среди них следует особо отметить труды А. Ю. Якубовского³⁰⁶ и И. П. Петрушевского.³⁰⁷ В исследовании вакфных документов Тимуридской эпохи нужно подчеркнуть заслуги О. Д. Чехович, которой было опубликовано большинство дошедших до нас документов этого периода, и В. Л. Вяткина, подготовившего к опубликованию вакуфную грамоту мавзолея Ишратхана. Нужно подчеркнуть, что хотя опубликованные вакфные документы Тимуридской эпохи имеют существенное значение в изучении вакфного землевладения, ими не исчерпываются материалы, характеризующие его. Автор ставит целью на основе сведений документальных и исторических источников более подробно охарактеризовать вакфное землевладение и систему управления вакфами в целом для этой эпохи.

Как известно, в вакф обращалось движимое и недвижимое имущество — обрабатываемые земли, каналы и другие оросительные сооружения, а в городах — ремесленные мастерские, лавки, караван-сарай, а также рабы, рабочий скот и пр.

Вакфное имущество передавалось в пользу религиозных учреждений — мечетей, медресе, дервишских обитателей (ханак), гробниц святых и государей, благотворительных учреждений и т. д. Одним из распространенных видов вакфа был потомственный (вакфи авлоди). В таких вакфах, согласно завещанию вакфодателя, звание мутаваллия наследственно принадлежало главе данной фамилии.

А. Ю. Якубовский, характеризуя вакфное землевладение эпохи Газневидов, писал, что вакфные земли могли слагаться из всех категорий земель, т. е. мультки султани, мультки-

харадж, мульк (мульки хурр) и ушрийя, пользовались «таким образом, всеми видами отношений по линии поземельного государственного налога».³⁰⁸

Эту характеристику образования вакфных земель можно отнести и к эпохе Тимуридов, хотя в отношении поземельного государственного налога положение при Тимуридах было несколько иным, на чем мы остановимся ниже.

Самая ранняя из вакфных грамот интересующего нас времени составлена до 1383 г. Документ этот дошел до наших дней не в полном виде. Имя вакфодателя и учреждение, в пользу которого обращается в вакф имущество, из документа неизвестны. Издатель этого документа (О. Д. Чехович) исходил из того, что он был составлен в присутствии известного по другим источникам современника Тимура, самаркандского шейх ул-ислама Абд ал-Малика, и определил, что он написан ранее 1383 г. Сохранившиеся части этого документа свидетельствуют о том, что вакфодатель обращал в вакф полностью земли селения Ушишан, расположенные к северу от г. Самарканда, невыделенную треть селения Рифач, а также несколько отдельных участков.³⁰⁹

Следующий из вакфных документов этого периода — это документ мавзолея Ишратхана, расположенного в Самарканде. Документ относится к 1464 г. Вакфодательница Хабиба Султан бегим, дочь эмира Желаладдина Сухраба, обращала в вакф в пользу могилы Хован Султан Бика половину земель селения Сарви, являющихся ее мульком. Этот вакф потомственный (вакфи авлоди). Согласно условиям, поставленным вакфодательницей, мутаваллием этого вакфа должна была быть она сама, а после ее смерти обязанность мутаваллия переходила к самому старшему из ее потомков.³¹⁰

Из земельных угодий, обращенных в вакф при Тимуридах, одним из самых значительных по размерам были земли, обращенные в вакф Ходжой Ахраром. Об этом свидетельствуют три вакфные грамоты Ходжи Ахрара, краткие данные из которых опубликовала О. Д. Чехович.

Согласно этим грамотам, Ходжа Ахрар в пользу своих потомков, а также на поддержание обители дервишей в Самарканде обратил в вакф огромное количество земельных угодий, расположенных в Самаркандской, Ташкентской, Бухарской и Кашка-Дарьинской областях. «Всего по этим грамотам обращается в вакф более 800 собственных имений Ходжи Ахрара, причем многие из них были огромного размера»³¹¹.

Представляет интерес и то, что, согласно второму вакфному документу, Ходжой Ахраром в пользу своих потомков и на поддержание медресе, построенной им в Самарканде, помимо земельных угодий, расположенных в Ташкентской, Самаркандской и Каршинской областях, в вакф были обращены лавки, кладовые и худжры, находящиеся в г. Самарканде. Причем земля, на которой находились эти лавки, кладовые и худжры, являлась вакфом медресе Мир Бурундука.

Согласно третьей вакфной грамоте Ходжи Ахрара, были обращены в вакф в пользу Ташкентской медресе, соборной и квартальной мечетей недвижимости, расположенные в Ташкентской области.³¹²

Последним из опубликованных вакфных документов Тимуридской эпохи является вакфный документ мазара Носир Хисрава, опубликованный в Афганистане. Вакфодатель Носир Мирза, сын Омар Шейха и младший брат Захириддина Бабура, во время своего правления в Бадахшане в месяце раби I 912 г. х. (июль 1506 г.) обратил в вакф в пользу мазара Носир Хисрава целиком земли местности Дихча из хазарача Ямгана, области Бадахшана. Вакфодатель одновременно той же вакфной грамотой освобождает земли, обращенные в вакф, от взимания податей и повинностей.³¹³

В сборнике документов «Тарассул» Марварида имеется копия вакфного документа мазара Дарвеш Али шаха, который в литературе еще никем не использован. В документе имя вакфодателя не упомянуто, однако из содержания становится ясно, что он являлся правителем страны. Вакфодатель одновременно освобождает обращенные в вакф недвижимости от всех податей и повинностей. В этот сборник в основном включены копии документов, относящиеся ко времени правления султана Хусейна. Поэтому можно предполагать, что вакфодатель—сам султан Хусейн. Он обращает в вакф в пользу упомянутого мазара земельные наделы размером в 120 джарибов,³¹⁴ расположенные в Гератском округе. Мутавалием вакфа назначен мавлоно Ходжа-калон, а после его смерти должность мутаваллия должна была перейти его наследникам. Вакфодатель ставит условие, что мутаваллий при исполнении своих обязанностей должен получить одну пятую долю с урожая вакфа.³¹⁵

Помимо упомянутых документов, некоторые сведения о вакфном землевладении содержатся в общеисторических сочинениях. В основном эти сведения относятся к тем вакфам, вакфодателями которых являлись тимуридские султаны и некоторые эмиры. Так, согласно сообщению Мирхонда, при постройке Улугбеком в 824 г. х. (1421 г.) медресе и ханако од-

новременно были выделены и вакфы. О последних Мирхонд специально пишет, что было выделено столько доходных имуществ (مستقلان), пахотных земель (مزارع) и деревень, что после ежегодных расходов на содержание мударисов, студентов, чтецов корана и другого обслуживающего персонала этих двух благородных учреждений оставались еще лишние суммы, которые хранились в виде особого фонда.³¹⁶

По сообщению Абдурраззак, в 813 г. х. (1410—1411 гг.) в Герате Шахрухом были построены медресе и ханако, в пользу которых им обращен в вакф ряд недвижимостей (авкофи шоиста мукаррар гашт).³¹⁷

Тот же автор сообщает, что в 829 г. х. (1425—1426 гг.) в Коризгохе Герата в мазаре Ходжи Абд Аллах Ансори Шахрухом было построено несколько домов с айванами для посетителей мазара и некоторые другие сооружения. В пользу упомянутого мазара обращено в вакф много земельных угодий (амлок) и другого имущества.³¹⁸

Помимо упомянутых, в других областях страны Шахрухом также построены благотворительные учреждения, которые обеспечены вакфами. Об этом свидетельствуют слова Хондемира, который сообщает, что Шахрух в разных областях строил мечети, ханако, медресе, рабаты, в пользу которых обращались в вакф земли многих селений, а также и другое имущество.³¹⁹ Жена Шахруха Гавхаршад-ага в северной части г. Герата построила пятничную мечеть и медресе, а в г. Мешхед — пятничную мечеть, в пользу которых было выделено в вакф много земель.³²⁰

Известный везир Шахруха ходжа Гийассаддин Пир Ахмад, который был им около 30 лет, также построил в ряде областей благотворительные учреждения, в пользу которых им выделены в вакф земли нескольких селений и много другой недвижимости.³²¹

Абдурраззак сообщает, что ходжа Гийассаддин Пир Ахмад построил над могилой шейха Зайнадина Хофи в Герате мавзолей и обратил в вакф в пользу этого мазара ряд земельных угодий и доходные имущества (амлок и мустагилот).³²²

Из числа придворных эмиров Шахруха крупный землевладелец эмир Фирузшах тоже построил во многих областях медресе, ханако, рабаты, в пользу которых обратил в вакф недвижимости.³²³

Другой эмир Шахруха—Гийассаддин Шох Малик (скончался в 829 г. х., или 1425—1426 гг.) тоже во многих облас-

тях страны строил мечети, медресе, ханако и другие благотворительные учреждения и выделил в вакф в пользу них много земельных угодий (амлоки хуб в мустагилоти маргуб вакф фармуд)³²⁴.

Во время правления Абуль-Касима Бабура в 857 г. х. (1453 г.) в окрестности Герата, в селении Джафода, скончался пользовавшийся большой известностью шейх Бахауддин Омар. На похоронах шейха присутствовал сам султан Бабур, и по его приказу шейх был похоронен в Хиабане, вблизи г. Герата. Во время правления Бабура над могилой шейха построен мавзолей, в пользу которого обращены в вакф два селения, в том числе и селение Джафода.³²⁵

Любопытна история обнаружения мазара Асад-Аллаха ал-Галиба,³²⁶ в пользу которого султан Хусейн обратил в вакф ряд недвижимостей.

Так, согласно словам Мирхонда, в 885 г. х. (1480—1481 гг.) в Балх из Кабула приехал некий Шамсаддин Мухаммад, который, встретившись с наместником Балха Бойкара, показал ему исторический труд, который был написан якобы во время правления султана Санджара Малик шаха Сельджукида. В этой книге указывалось, что могила Асад-Аллаха ал-Галиба находится в селении Ходжа-Хайран. Узнав об этом, мирза Бойкара, посоветовавшись с сейидами, казиями и другими знатными людьми Балха, вместе с ними отправился в селение Ходжа-Хайран, которое находилось в трех фарсах от Балха, и там действительно обнаружил могилу с намогильным камнем, на котором было выбито имя святого. Слух об этом открытии быстро распространился по стране, ежедневно очень много народа стало приходить в мазар для поклонения, и доходы мазара, поступающие от посетителей в виде приношений (назр), составили довольно большую сумму. Узнав об этом, султан Хусейн с несколькими приближенными также отправились из Герата в Балх для поклонения. По приказу султана Хусейна над могилой был построен мавзолей. В селении Ходжа-Хайран были построены баня и базар с рядом дуканов. Все эти сооружения, а также один из каналов Балха—Нахр-и Шахи (букв. «царский канал») султаном Хусейном были обращены в вакф в пользу этого мазара. Интересно отметить, что, согласно словам нашего автора, доходы мазара ежегодно составляли около 100 туманов кебекских динаров т. е. около 1 млн кебекских динаров, что при тогдашних ценах составляло колоссальную сумму. Вся эта сумма расходовалась в самом мазаре. Наш автор сообщает, что султан Хусейн на должность нагиба (نقيب — руко-

водитель) мазара назначил сейида Таджаддина андихуди, который имел родственные отношения с Сейидом Барака, а для заведования доходами вакфа и приношениями, поступающими от населения, назначил надежных чиновников (амале амин тайин фармуд).³²⁷

Исфизари, помимо упомянутого мазара, к числу известных в Балхе, доходы которых с вакфных имуществ составляли большие суммы, называет мазар ходжа Аюша, ходжа Абдал-Малик порсо и ходжа Абу Наср порсо.³²⁸

Хондемир сообщает, что султан Хусейн еще в ряде областей страны построил мечети, медресе, ханак, рабаты, на лично принадлежащие ему самому деньги купил земли нескольких селений и доходные имущества и обратил их в вакф в пользу этих учреждений — касаботи мамура ва мустагилюти маргуба аз холис амволи хеш харида вакф намуд.³²⁹

А. Ю. Якубовский относительно мечети Тимура Биби-ханым в г. Самарканде писал, что хотя не сохранилось ни одного документа, который бы рассказал, какие доходы были у этой мечети, «не подлежит сомнению, что она (мечеть Биби-ханым) имела большие вакфы и ее духовные главы были крупнейшими феодалами, близко стоящими к власти».³³⁰

Доходы вакфа пятничной мечети и медресе, построенных Алишером Навои в г. Герате, были также значительными.³³¹

Мы располагаем некоторыми другими сведениями, также свидетельствующими об очень больших доходах некоторых мазаров, получаемых как с вакфных имуществ, так и с приношений населения. Так, Сейид Шамсаддин Мухаммад Анджани, по прозвищу эмир Сар Барахна, в молодости приехал из Мавераннахра в Герат, был назначен султаном Хусейном на должность шейха и мутаваллия мазара шейха Лукмана и двадцать лет заведовал им. Доходы мазара с вакфных имуществ и приношений, которые жертвовало население в его пользу, составляли ежегодно около 150 тыс. кебекских динаров. Вся эта сумма расходовалась на угощения в самом мазаре. Позже в результате интриги против эмира Сар Барахна некоторых высокопоставленных духовных лиц он по приказу султана Хусейна был отстранен от обязанности.³³⁷

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в известных мазарах, доходы которых составляли большие суммы, вопросами назначения и смещения должностных лиц занимался сам султан Хусейн.

Хозяйством каждого вакфного учреждения ведал мутаваллий, который с дохода управляемого им вакфа получал хакк ал-тоулийа (букв. «доля за управление»).

Доля мутаваллия с дохода вакфа определялась согласно условиям, поставленным вакфодателем, и не была одинаковой. Для примера приведем два вакфных документа.

1. Указ (хукм) относительно вакфа мазара ходжа Мухаммад Башоро, расположенного в Пенджикенте,³³³ изданный по повелению хана в месяце раджаб 829 г. х. (июль 1426 г.)³³⁴. Он гласит: «Обладатели приношений (нузурот) и доходов земель и вод вакфа мазара ходжа Мухаммада Башоро, особенно шейх Абуль-Касим и джорубкаши, пусть знают, что шейх Абуль-Касим предъявил документы, выданные прежними садрами, согласно которым его предки по наследству являлись мутаваллиями. По тем же предписаниям шейх Абуль-Касим назначен мутаваллием. То, что получают доходы с приношений и земледелий, пусть разделят на четыре части. Одну часть расходовать на здание упомянутого мазара, одну часть расходовать на угощение посетителей мазара, одну часть пусть возьмет мутаваллий и одну часть отдать джорубкашам.³³⁵

2. Вакфный документ мазара Дарвеш Али шаха, где мутаваллий вакфа при исполнении им условий, поставленных вакфодателем, получал одну пятую часть из доходов вакфа.³³⁶

Нужно особо подчеркнуть, что огромные доходы мазаров порождали острую борьбу между влиятельными духовными лицами. Доходы привлекали взоры и разных мошенников, которые путем обмана верующих наживали большие суммы. Ярким примером этому может послужить любопытный рассказ Мирхонда в связи с обнаружением упомянутой «могилы» Халифа Али. Согласно словам нашего автора, один из акробатов Герата решил объявить чудотворной какую-нибудь могилу. Обдумав план действия, он однажды во время вечерней молитвы в Коризгохе³³⁷ вблизи мавзолея Ансори стал громко плакать и рвать свою одежду. Когда вокруг него собрались люди и стали спрашивать, почему он так делает, он ответил, что здесь появились четыре человека верхом на скакунах, похожие на арабов, и сказали, что могила святого Хазрет шаха находится в таком-то месте, которое он указал. Сразу же туда собрались дервиши, объявили могилу «святой» и начали строить мавзолей. Слух об этом новоявленном «мазару» на следующий же день дошел до Герата, к новому мазару стало приходиться для поклонения много народа с приношениями, которые и поступали в пользу акробата и нескольких дервишей, собравшихся вокруг него. Так продолжалось в течение 10—15 дней. В других районах Гератского округа, а также и в самом г. Герате появились другие люди, которые

также стали указывать населению новые могилы «святых» и обирать верующих. Когда об этих новоявленных «мазарах» стало известно султану Хусейну, он для проверки в названный «мазар» отправил мавлоно Камаладдин шейх Хусейна. Дело кончилось тем, что акробата вместе с дервишами, соучастниками его проделки, бросили в тюрьму. После этого, согласно словам нашего автора, другие уже не осмелились посредством «чудес» выявлять новые «могилы святых» и в делах мазаров наступили спокойствие и порядок.³³⁸

Вакфные имущества считались владением отдельных религиозных учреждений и находились, как упоминалось выше, под управлением мутаваллиев вакфов, но общий контроль за ними осуществляли специальным учреждением во главе с садром. Такое положение было унаследовано с предшествующего времени. При Саманидах всеми вакфами страны заведовал диван вакфов. Диван вакфов существовал и в государстве Хулагуидов, который возглавлял садр садров.³³⁹ При Тимуре и Тимуридах вакфными учреждениями также заведовал садр. При Улугбеке садром был ученый Фатхулла Тебризи,³⁴⁰ при Шахрухе—Гийассаддин.³⁴¹ Во время правления султана Хусейна (1469—1506 гг.), согласно Мирхонду, вакфы Хорасана достигли такого размера, что один садр не в силах был заведовать ими, и поэтому султан Хусейн назначил двух садров.³⁴²

В сборнике «Тарассул» Абд Аллаха Марварида имеется копия правительственного указа о назначении садром некоего эмира Касима. В этом указе говорится, что все должностные лица вакфных учреждений должны считать его своим предводителем, подчиняться его приказам и выполнять все его указания, основанные на шариате. Далее указано, что садр имеет право смещать с должности любого чиновника вакфных учреждений и вместо него назначить того, кого он считает достойным этой должности. Также указано, чтобы должностные лица всех вакфных учреждений как потомственных, так и благотворительных вакфов, как старых так и новых, должны, не скрывая ничего, давать сведения о всем имуществе управляемых ими вакфных учреждений учетчикам (нависандагон) и чиновникам садра для принятия этих имуществ на учет. С вакфов следует брать сбор расм-ал-садора и отдавать собранные средства упомянутому садру.³⁴³ Мирхонд сообщает о садре Мирак Джалаладдин Касиме, который при правлении султана Хусейна в 890 г. х. (1485 г.) был назначен садром и занимал эту должность в течение 3—4 лет. Скончался он в 901 г. х. (1495—1496 гг.)³⁴⁴. Возможно, это то же лицо, о котором шла речь в упомянутом указе «Тарассул».

В этом сборнике имеется копия указа о назначении садром самого автора этого сборника.³⁴⁵ Абд Аллах Марварид в молодости, во время правления султана Хусейна, был назначен садром и занимал эту должность в течение нескольких лет, после чего вследствие вражды везира ходжи Низам ал-мулька отстранился от должности.³⁴⁶ Сохранилась еще копия указа о назначении садром мавлоно Захираддина Таййба.³⁴⁷ Причем во всех этих указах говорится о таких правах садра, о которых речь шла выше.

Как известно, только в потомственных вакфах должность мутаваллия переходила по наследству, согласно условиям, предусмотренным вакфодателем, и садр не имел права смешать с должности мутаваллиев этих вакфов, хотя и эти вакфы находились под контролем садра и его чиновников.

Садр и его чиновники располагали большими полномочиями. Контролируя вакфные учреждения, они получали, по видимому, немалую долю с доходов вакфов. На содержание садра с дохода всех вакфных хозяйств, находившихся под его ведением, взималась, как указывалось, подать расм-ал-садора. Хотя эта подать в вакфных документах и общесторических сочинениях упоминается весьма часто, однако нигде не указан точный ее размер. Интересно упоминание в документе вакфа Дарвеш Али шаха подати садсе (3%).³⁴⁸ Подать эта, возможно, взималась на содержание какого-либо высокопоставленного чиновника—садра, но возможно, ею обозначен размер подати, поступающей в пользу садра в виде расм-ал-садора. К сожалению, прямых указаний на этот счет нам в исторических источниках не встретилось. Вакфодатели и их потомки старались всякими средствами избавить свои вакфы от контроля со стороны садра и его чиновников и освободить от податей в их пользу. Однако только в исключительно редких случаях для некоторых вакфов, причем в основном потомственных, некоторым высокопоставленным вакфодателям действительно удавалось получить специальный указ султана, который давал право на самостоятельное управление хозяйством вакфных учреждений. Этим они избавлялись от вмешательства в дела своих вакфов со стороны садра и его чиновников и освобождались от уплаты податей в их пользу. В названном сборнике «Тарассул» имеются копии нескольких таких указов. Один из них — это указ относительно вакфа Камаладдина Бобо Махмуда. Указ отмечает, что Камаладдин Бобо Махмуд благодаря многолетнему и преданному служению при султанском дворе добился высокого положения. В заявлении о том, что он свои земли (амлак), которые находятся в Мешхеде, а также и другое свое иму-

щество обратил в вакф в пользу гробницы своей матери, он подчеркивает, что кази ислама признал законность данного вакфа и условия, предусмотренные в нем, и утвердил самый вакф. Согласно его просьбе, был издан указ о том, чтобы условия, предусмотренные вакфодателем, оставались без изменения, а также чтобы мутаваллии и чиновники садра ни под каким видом не вмешивались в дела этого вакфа и не вступали на его территорию.³⁴⁹

Такой же указ был издан относительно вакфа эмира Сейид Гийассаддин Мухаммада. Этот указ был получен после смерти вакфодателя, согласно просьбе его потомков Сейид Джалаладдин Махмуда и Сейид Султан Махмуда, которые, как гласит указ, пользовались большой известностью.³⁵⁰

Источники сохранили много данных, свидетельствующих о том, что борьба между должностными лицами вакфных учреждений за присвоение как можно большей части из доходов вакфов была очень острой. Особенно усилилась борьба во время правления султана Хусейна, когда вакфы достигли очень больших размеров.

Ярко характеризует эту борьбу тот факт, что во время правления султана Хусейна должность садра занимало 14 человек и многие из них пребывали в ней лишь короткий срок, лишаясь ее в результате злоупотреблений или интриг. Интересен тот факт, что при устранении большинства из садров султан Хусейн взимал с них, как правило, крупные суммы денег. Для примера приведем некоторые данные относительно деятельности двух садров.

Так, мавлоно Кутбаддин Хофи был назначен садром в 1488 г. Но вскоре из-за хищений вакфных средств, которые совершались, видимо, не без участия садра, последний заключен в тюрьму. Однако в течение 17 дней он уплатил в диван огромную сумму в 150 тыс. кебекских динаров, после чего освобожден. В начале следующего года (январь 1489 г.) он снова назначен садром, и на этот раз уже был им несколько лет.

Ходжа Кавамаддин Хусейн, сын ходжи Джелаладдина Бармаки, хотя и считался справедливым садром и во время своей службы с вакфных имуществ не брал, как сообщает наш источник, в виде расм-ал-садора ни одного динара и ни одного мена натурой с урожая, чем завоевал себе добрую славу, однако в результате интриг против него со стороны некоторых высокопоставленных лиц был отстранен от обязанности, а также вынужден уплатить в диван определенную сумму денег.³⁵¹

Остановимся на рассмотрении вопроса о взимании налогов с вакфных земель. Сообщение источников позволяет го-

ворить о том, что при Тимуре и первых Тимуридах вакфы пользовались налоговым иммунитетом и ничего не платили в пользу дивана. Как сообщает Натанзи, в вакфных учреждениях страны Тимур велел соблюдать условия, поставленные вакфодателями о распределении доходов с вакфного имущества, считая, что доходы вакфа принадлежат бедноте и учащимся медресе. Везирам, ведавшим делами дивана, приказал не взимать харадж (мал) и другие подати с имущества вакфов. Тимур с уважением относился к духовенству³⁵². Хафизи Абру также сообщает, что Тимур заботился об укреплении веры и шариата и никогда не вмешивался в денежные дела вакфов.³⁵³

Иязди, описывая военные походы Тимура, часто сообщает, как Тимур, заботясь об укреплении шариата, оберегал имущества вакфов в завоеванных странах от разграбления и брал под свою защиту духовных лиц. В частности, во время семилетнего похода после завоевания крепости Дамаск город был отдан на разграбление войскам. В разгар грабежа Тимур сообщил, что в городе имеется амбар, где хранится большое количество зерна вакфного учреждения. Тимур приказал военачальникам оберегать зерно. Один из воинов Тимура, по имени Хари Малик, который взял из этого амбара 100 менов ячменя, наказан ударами палкой. Так как был конец года и зерно стоило дорого, по приказу Тимура, чиновники продали каждый шариатский мен зерна, хранившегося в этом амбаре, по 3 кебекских динара и всю сумму передали служащим вакфа.³⁵⁴

При завоевании Багдада жители города были истреблены и город разрушен. Только духовенство пощажено, не пострадали религиозные учреждения (мечети медресе, ханак).³⁵⁵

А. Ю. Якубовский относительно роли духовенства в феодальном обществе Средней Азии писал, что, наряду со светскими феодалами, мы и в мусульманской среде видим большую группу духовных феодалов, которая прочно с ними связана общими интересами феодальной эксплуатации. Особенно крепким этот союз оказался во времена Тимура и Тимуридов. Сам Тимур, как известно, был плохим мусульманином, однако он прекрасно понимал роль ислама и мусульманского духовенства в деле закрепления в сознании народа авторитета феодальной власти.³⁵⁶

При Тимуре, помимо вакфных земель, видимо, большей частью налоговым иммунитетом пользовались земли, находящиеся во владении религиозных объединений. Исфизари сообщает, что Тимур освободил от поземельных налогов все

земли, находящиеся во владении объединения Дервишон. Эти земли были расположены в большом селении Лангари-Амиргияс, в окрестности Герата. Дервиши, члены этого объединения, занимались земледелием.³⁵⁷

Относительно взимания податей с вакфных имуществ в Мавераннахре при Шахрухе и Улугбеке сведения отсутствуют. По-видимому, и в период правления этих преемников Тимура вакфы были освобождены от податей.

Но ряд важных документов, относящихся ко второй половине XV в., свидетельствует о том, что к этому времени по крайней мере часть вакфов была обложена налогами. Причем даже обращенные в вакф земельные угодья людей из высших слоев господствующего класса от налогов не освобождались.

Так, относительно вакфа мавзолея Ишратхана в условиях, поставленных вакфодательницей, указано, что из доходов в первую очередь должны быть оплачены подати и налоги (мал ва аваризат), затем произведены затраты на ремонт зданий, а остальное роздано служащим и рабам.³⁵⁸

Так же в вакфном документе Ходжи Ахрара указано, чтобы из доходов вакфа были уплачены налоги.³⁵⁹

Поэтому неслучайно, что уже к этому времени некоторые вакфодатели, для того чтобы обрацаемые ими в вакф имущества были освобождены от податей, сперва обеляли их путем передачи части в диван, а потом обращали в вакф. Примером этому может послужить документ Дарвеш Али Кукельташа. Этот вакфодатель в целях освобождения от налога канала Файзабад, который он хотел обратить в вакф в пользу рабата, построенного им в окрестности Балха, должен был отдать в казну два других канала (см. выше документ об образовании обеленной земли — мульки мутлак).

Относительно взимания податей с вакфных имуществ для второй половины XV в. некоторые сведения имеются и в исторических сочинениях. Так, Мирхонд, описывая беспорядки в делах государств, возникшие в связи со смертью Абуль-Касима Бабура в 1457 г., пишет, что шейх Абу Саид (военачальник Бабура), захватив власть в Герате, взимал подати с урожаев земель вакфов (здесь автор употребляет слова «махсулот бакои и хейр», т. е. «имущества благотворительных учреждений»), с мечетей, мазаров, медресе, ханако, с людей науки и бедноты. Автор считает эти действия Абу Саида большим бедствием, обрушившимся на голову бедноты.³⁶⁰

Абдурраззак и Исфизари, также сообщая об этом, считают взимание хараджа шейхом Абу Саидом с имущества вакфов нарушением законов шариата. Авторы осуждают эти дей-

ствия Абу Саида и считают, что имущество вакфов принадлежат бедноте и нищим (хукуки фукаро ва масокийн).³⁶¹ Эти слова Абдурраззака, Исфизари и Мирхонда дают очевидное основание предполагать, что до этого вакфы в стране не облагались податями.

После перехода власти в Хорасане в руки Шейбанидов все вакфы страны были обложены податями.

Относительно размера податей, взимаемых с вакфных земель при Шейбанидах, Хондемир сообщает следующее. Садр Шейбанихана Абдурахим разделил управление вакфами Хорасана между своими сыновьями — Мансуром, Касимом и Юсуфом и приказал, чтобы они две десятых доли (дах ду джехат) с урожаев вакфов взимали в виде расм-ал-садора и одну десятую часть (дах як) — в виде расм-ал-тахсил. Наш автор далее сообщает, что вакфы, вопреки правилам времени Тимуридов, при Шейбанидах были обложены налогами мал джихат и ихраджат, в результате чего пришли в полный упадок.³⁶² Очевидно, мал, джихат и ихраджат взимались с урожаев вакфов, помимо упомянутых податей. Слова Хондемира относительно освобождения имущества вакфов от податей при Тимуридах следует отнести только к концу XIV—первой половине XV в., ко времени правления Тимура и первых Тимуридов. Как нами было выше отмечено, для этого времени у нас нет данных, свидетельствующих о взимании податей с вакфных имуществ, однако во второй половине XV в. часть вакфов была обложена податями. По-видимому, подати эти при Шейбанидах по своим размерам во многом превосходили таковые при Тимуридах, что и послужило причиной полного упадка вакфного хозяйства страны. Следует отметить и то, что после завоевания Хорасана каждого из мутаваллиев вакфов узбеки под разными предлогами схватывали и с помощью пыток заставляли расстаться со своими богатствами.³⁶³ Эти меры также, безусловно, содействовали упадку вакфного хозяйства.

Представляет интерес такой факт. Несмотря на то, что Шейбаниды приняли ряд мер, притесняющих вакфное хозяйство, в скором времени после установления их власти они сами стали обращать в вакф немало земельных угодий и других видов недвижимостей. Об этом свидетельствуют вакфы двух медресе Шейбанихана. Оба эти медресе построены в г. Самарканде. Вакфная грамота составлена в первой четверти XVI в.

Вакфодательница Михр Султан-ханум, дочь Бурундукхана, обращала в вакф в пользу названных медресе около двух-

сот земельных участков, а также земли шести деревень, расположенных в различных областях государства Шейбанидов. В вакф отдавались также многочисленные лавки—дукани, крытые базары, баня, дворы с постройками и т. д., расположенные в основном в самом Самарканде.³⁶⁴

Этот вакф был потомственным и, согласно условиям вакфодательницы, мутаваллием его должен был стать самый старший из ее потомков.³⁶⁵

Перемены, происходившие в стране после победы Шейбанидов над Тимуридами, касались не только вакфного землевладения. Они отразились также на всех сторонах социально-экономической жизни страны. По словам М. Абдураимова, «в Средней Азии происходит повсеместная замена прежнего состава господствующего класса феодалов новой, кочевой, аристократией шейбанидских узбеков, что повлекло за собой и перераспределение земельного фонда страны... Смена состава господствующего класса и перераспределение земельного фонда изменили соотношение между категориями феодального землепользования, в известной степени изменились и сами формы феодальной собственности. Если при Тимуридах наиболее распространенным видом условного пожалования был суюргал, то теперь его сменила танха, связанная с характерным для этого периода развитием удельного строя».³⁶⁶ В XVI—начале XIX в. в Средней Азии идет постепенное восстановление земледелия.³⁶⁷

Таким образом, рассмотренное выше подтверждает тот факт, что государственные земли при Тимуре и Тимуридах являлись одной из основных категорий феодального землевладения. К государственным землям относились мамлака и общинные.

Из суюргальных землевладений наиболее значительными по размерам являлись суюргалы высших слоев господствующего класса, прежде всего военной знати. В XV в. суюргалами назывались также уделы, управляемые отдельными царевичами, хотя, как говорилось выше, они часть доходов управляемых ими территорий вносили в виде ежегодных взносов в общегосударственную казну.

Нерадение и своеволие царевичей и других владельцев суюргала приводили к частичному или полному лишению суюргала.

При измене и переходе на сторону врага обычно владельцы полностью лишались своего владения. Термин «суюргал» применялся также в значении пожалования в широком смысле этого слова.

В XV в. большей частью мультковые земли являлись собственностью крупных феодалов. Некоторые высокопоставленные духовные лица также владели значительными земельными фондами. Число собственников мелких участков мультковых земель, вероятно, не было велико.

Приведенные данные говорят о том, что при Тимуридах вакфное землевладение стало одной из основных категорий феодального землевладения, в большей своей части пользовалось налоговым иммунитетом и находилось под контролем специального учреждения во главе с садром.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА И НАЛОГИ ПРИ ТИМУРЕ И ТИМУРИДАХ

1. Земельная рента и харадж

Феодальная рента и налоговая терминология Тимуридской эпохи являются одной из малоизученных проблем. Лишь некоторые вопросы налоговой системы описываемого периода освещены в трудах В. В. Бартольда,³⁶⁸ А. А. Молчанова³⁶⁹ и С. А. Азимджановой.³⁷⁰

Собранные автором сведения документальных и исторических источников позволяют более подробно охарактеризовать подати и повинности в целом для этой эпохи.

Основным поземельным налогом Тимуридской эпохи, как и в предыдущие века, был харадж (синоним «мал»). Сообщение источников свидетельствует о том, что Тимур принимал меры, способствующие развитию сельского хозяйства Мавераннахра. Можно говорить о том, что в отношении хараджа он придерживался умеренной политики. Представляют интерес факты освобождения Тимуром крестьян от взимания хараджа. Так, в связи с рождением Ибрагим Султана, сына Шахруха, в месяце шаввал 796 г. х. (август 1394 г.) Тимур освободил крестьян от взимания хараджа на один год.³⁷¹ После возвращения в Самарканд из пятилетнего похода (1392—1396 гг.) Тимур на три года освободил крестьян (райятов) от хараджа³⁷². Хотя в приведенных сообщениях не названа территория, население которой освобождалось от хараджа, можно предполагать, что это касалось лишь Самарканда, а не всей страны. Следует указать, что в тех странах, правители которых добровольно подчинились Тимуру и этим сохранили свою власть, размер ежегодных податей устанавливался согласно договору.

Так, по Низамаддину Шоми, после подчинения Гиляна размер ежегодного хараджа для этой страны был установлен в 10 тыс. менов шелка, что равнялось 15 тыс. гератских менов, 7 тыс. лошадей, 3 тыс. коров. Так как такой харадж был

чрезмерным для этой страны, то через некоторое время сейид Риза, который пользовался большой известностью, прибыл к Тимуру с просьбой об уменьшении размера хараджа. Эмир Тимур удовлетворил его просьбу и уменьшил харадж наполовину. Размеры хараджа других правителей Гиляна были уменьшены на одну треть.³⁷³

В источниках содержатся сообщения о взимании хараджа исключительно продуктами. Однако ряд сведений свидетельствует о том, что налоги взимались и деньгами. Так, Йазди сообщает, что после завоевания Хурмуза ежегодный харадж там был установлен в 300 тыс. динаров. Однако впоследствии правитель Хурмуза Мухаммад шах проявил непокорность и в течение четырех лет не платил харадж. Во время пятилетнего похода Тимур для покорения Хурмуза отправил войско во главе с царевичем Мухаммад Султаном. Потерпев поражение, Мухаммад шах вынужден был снова изъявить покорность и уплатил сразу четырехлетний харадж деньгами и драгоценностями.³⁷⁴

Тот же автор сообщает, что во время возвращения из семилетнего похода Тимур для доставления хараджа Хорасана в Самарканд отправил туда Ходжа Ахмада Туси. Ходжа Ахмад в течение сорока дней собрал от налоговых чиновников Хорасана 200 туманов кебекских динаров.³⁷⁵

Для характеристики политики Тимура в отношении взимания налогов нельзя не отметить факты наказания чиновников налогового аппарата, которые, нарушая установленные центральным правительством нормы, взимали с подданных незаконные подати.

Во время возвращения из семилетнего похода в 1404 г., когда Тимур совершил остановку на берегу р. Мургаб, жители Чичикту жаловались ему на незаконные действия своего даруги. По приказу Тимура даругу повесили.³⁷⁶ После прибытия в Самарканд все учетчики налогов и должностные лица (нависандагон ва амалдорон), которые во время его отсутствия взимали чрезмерные подати с населения, были строго наказаны. Даже Ахмад Давуд, который во время отсутствия Тимура был везиром, был схвачен за совершенные им злоупотребления и повешен во время празднеств в Канигле.³⁷⁷

Источники приводят тексты указов Тимура, требовавшие от местных правителей и налоговых чиновников недопущения ими злоупотреблений по отношению к поданным при сборе податей. Так, Йазди сообщает, что во время отправления в поход против Китая Тимур приказал написать специальные указы (нишон) на имя каждого царевича, правителя и дару-

ти и разослал эти указы во все области страны. В них Тимур требовал от местных правителей соблюдения «справедливости» по отношению к крестьянам и всем подданным, недопущения злоупотреблений при сборе податей, чтобы подданные могли жить в спокойствии.³⁷⁸

Сказанное не означает, что Тимур являлся сторонником улучшения положения народных масс. Он понимал, что междоусобные войны царевичей и главарей отдельных родов, имевшие место до захвата им власти в стране, а также военные походы, предпринятые им в первые десятилетия своего правления, привели к разорению хозяйства крестьян Мавераннахра. Поэтому взимание многочисленных податей, которые существовали тогда, было связано с немалыми трудностями.

Само собой разумеется, что, проводя такую политику, Тимур имел в виду прежде всего интересы казны. Он понимал, что злоупотребления налоговщиков ослабят нормальное поступление податей в казну. Эти меры Тимура были направлены также против непокорности, самовольных действий местных правителей, крупных феодалов и имели целью укрепление центральной власти. Но как бы то ни было, эти меры, надо полагать, до некоторой степени способствовали восстановлению разрушенного хозяйства крестьян, прежде всего в Мавераннахре.

А. Ю. Якубовский, касаясь вопроса периодизации истории Средней Азии в средние века, совершенно правильно отмечает, что конец XIV—XV вв. занимают особое место в истории Средней Азии. Если в монгольское время феодальная эксплуатация со стороны частных лиц и ханских властей принимала по своей жестокости неслыханно тяжелые формы, то в последующее, Тимуровское и Тимуридское время, феодальная эксплуатация принимает более ровный и «нормальный» для феодализма (если можно только о каких-то нормах говорить в условиях феодального способа производства) характер. Крестьянин знает, кому, когда и сколько ему причитается платить и вносить, а также какие работы исполнять.³⁷⁹

После смерти Тимура и установления власти Шахруха в налоговой системе государства, по-видимому, особых изменений не произошло. К сожалению, в источниках этого периода не содержится никаких сведений относительно размера хараджа, взимавшегося с крестьян. Возможно, размеры его при правлении Шахруха были такими же, что и при Тимуре. Правда, в начале правления Шахруха, согласно сведениям источников, имели место злоупотребления и притеснения со стороны сборщиков налогов и некоторых местных правите-

лей. Но, согласно словам Хондемира, известный везир Шахруха ходжа Гийассаддин Пир Ахмад Хофи, который занимал эту должность около тридцати лет, ведал делами дивана таким образом, что и государственная казна от этого не пострадала, и подданные не подвергались особым притеснениям³⁸⁰. Характерно, что при Шахрухе также были оставлены без изменения размеры налогов в областях, которые Тимуром оставлены за прежними правителями и в которых налоги и подати взимались согласно договору. Так, например, после смерти Тимура правители Бадахшана, сделав попытку освободиться от власти Тимуридов, которая кончилась неудачей, обязались ежегодно, как и прежде, уплачивать правительству Шахруха налоги и подати в ранее установленных нормах.³⁸¹

Следует указать, что при Шахрухе, как и прежде, земельная рента взималась и продуктами, и в денежной форме. Так, ежегодно подать от владетелей Мазандарана «была установлена в размере 40 харваров³⁸² красного и белого шелка, по 40 манов в каждой харваре по астерабадскому весу, сверх того, в военное время Мазардаран должен был поставлять 600 воинов в ополчение и 600 верблюжьих харваров зерна на содержание войска по статье улуфа»³⁸³.

С другой стороны, харадж (мал) области Фарс был установлен в размере 1100 туманов.³⁸⁴

Положение в Мавераннахре при Шахрухе, т. е. при правлении Улугбека, охарактеризовано В. В. Бартольдом: «С мусульманской точки зрения, Улугбек не был идеальным правителем, все решения которого определяются правилами религии, но не был также тираном, ставящим свою волю выше предписаний бога и пророка... По Даулетшаху, земельные подати в это царствование доведены до минимума, что конечно, содействовало благосостоянию земледельческого населения».³⁸⁵

После смерти Шахруха, во время междоусобных войн между его наследниками и захвата власти, случаи взимания чрезмерных податей с населения и притеснения подданных участились. Каждый царевич, захватывая власть в той или иной области, нуждаясь в средствах для обеспечения своих войск, прибегал к незаконному обложению населения налогами. При взимании этих налогов часто прибегали к насилию. Иногда в результате быстрой смены власти одних царевичей другими за год с населения взимались сразу подати нескольких лет.

Так, согласно Мирхонду и Исфизари, в 1457 г. во время междоусобных войн, возникших в связи со смертью Абуль-

Касима Бабура, с крестьян Герата за год был собран трехгодичный харадж. Сперва харадж взимал мирза Шах Махмуд, после падения Шах Махмуда и перехода страны под власть мирзы Ибрагима харадж был собран снова. Однако и его власть оказалась недолговечной, и в третий раз за год харадж был собран уже Абу Саидом.³⁸⁶ В следующем 1458 г., когда на короткий срок в Хорасане снова была восстановлена власть мирзы Ибрагима, он сразу же приказал собирать харадж этого года. Однако в скором времени Хорасан завоевал мирза Джахан шах, туркмен, правитель Азербайджана. И несмотря на то, что мирза Ибрагим за этот год уже собрал харадж, в месяце хут и хамал мирза Джахан шах приказал собирать его вторично.³⁸⁷

Эти повторные взимания налогов приводили к разорению крестьян и городской бедноты, вследствие чего в стране начался голод. Сильный голод охватил весь Хорасан, и особенно Герат, где каждый день от голода погибало 70—80 человек.³⁸⁸ В последующие годы правления Абу Саида, в связи с постепенным укреплением его власти, было восстановлено нормальное положение. Абу Саид старался не допускать произвола и насилия при взимании податей. В тех случаях, когда выявлялись нарушения, виновные наказывались и незаконно собранная сумма возвращалась прежним владельцем. Так, когда Абу Саиду было сообщено, что сборщики налогов с крестьян Кусуйэ взыскали больше, чем это было предусмотрено по закону, он приказал, чтобы излишне собранная сумма была возвращена налогоплательщикам.³⁸⁹

После гибели Абу Саида, когда в стране снова разгорелась борьба за власть, случаи нарушения установленной нормы податей участились.

Султан Хусейн, придя к власти, был даже вынужден на два года освободить подданных от взимания ряда податей.³⁹⁰ Об этом сообщает Мирхонд.

В начале своего правления султан Хусейн в торжественной обстановке, во время посещения мазара ходжа Абд Аллаха Ансори, вызвал к себе мавлоно Камаладдин шейха, ведавшего делами Герата, и приказал ему чтобы он придерживался порядков, которые существовали при Абу Саиде. Султан Хусейн заявил при этом, что в случае, если необходимы будут средства ему, его брату или сыну и будет издан приказ о сборе этих средств, вопреки правилам шарията, то он не должен выполнять эти приказы и взимать с подданных незаконные подати.³⁹¹

Как отмечено А. А. Семеновым, эти меры содействовали определенному улучшению положения народных масс, вос-

становлению их разоренных хозяйств и улучшению экономического положения гоусдарства.³⁹²

Однако сказанное не означает, что при султанах Хусейне вообще не имели места незаконные обложения. В случае нужды в средствах султан Хусейн неоднократно нарушал свое слово, сказанные им в мазаре ходжа Абд Аллаха Ансори, и взимал подати повторно. Так, согласно Хондемиру, султан Хусейн во время своего пребывания в Мазандаране приказал Мухаммед Валибеку, чтобы по причине возникшей необходимости он прислал 100 тыс. кебекских динаров, собрав их с жителей Герата и его округов. Мухаммед Валибек взыскал 50 тыс. динаров с земледельцев округа и имел намерение получить остальные деньги с жителей самого Герата, разложив их по количеству душ, или деревень. Впрочем, дело до фактического сбора последней суммы не дошло. Эти деньги были уплачены Алишером Навои из своих средств.³⁹³ Бывали и другие случаи, когда Алишер Навои выплачивал из своих средств незаконные обложения населения.³⁹⁴

Некоторые сведения о положении дел в Мавераннахре в конце XV—начале XVI вв. содержатся в сообщениях Бабура. В частности, он, характеризуя положение страны во время правления султана Махмуд мирзы, пишет, что «из-за некоторых дел султана Махмуд мирзы худородные и знатные воины и крестьяне почувствовали к нему отвращение и неприязнь. Другое обстоятельство то, что, хотя строй и порядок были при нем очень хороши и он был сведущ в делах дивана и знал науку счисления, однако его естество было склонно к насилию и разврату. Придя в Самарканд, он тотчас же начал вводить новые правила и порядки, повинности и налоги. Людям, связанным с досточтимым ходжа Убайд Аллахом, из коих многие, бедные нищие, благодаря его покровительству были раньше избавлены от обид и злоупотреблений в отношении повинностей и налогов, начали чинить всякие притеснения и строгости. Эти притеснения и строгости распространились даже на потомков самого ходжи. Вот еще одно обстоятельство: как сам он был жесток и развратен, так и его беки, великие и малые нукеры и слуги все были жестоки и развратны».³⁹⁵

Эти слова Бабура свидетельствуют о том, что незаконные обложения, притеснение и насилие по отношению к подданным в Мавераннахре практиковались, очевидно, в большей мере, чем в государстве султана Хусейна.

Правители Мавераннахра, нуждаясь в средствах, которые не всегда имелась возможность взимать с обедневшего насе-

ления, вынуждены были облагать налогами даже и тех людей из господствующего класса, которые пользовались известными льготами. Особенно усилились произвол и насилие во время междоусобных войн, разгоревшихся в Мавераннахре в связи с наступлением войск Шейбанихана. Так, в Фергане во время кратковременного правления Узун Хасана население, особенно крестьяне, было обложено всевозможными налогами и трудовыми повинностями и страдало от произвола чиновников.³⁹⁶

Рассмотрим подробнее виды налогов с земледельческого населения. Выше уже говорилось, что налоги взимались частично продуктами. К концу XV в. относятся слова Бабура об обложении ими жителей Кабула, Газны и зависящих от них областей в 30 тыс. харваров хлеба. Бабур пишет: «Я не знал размера доходов и урожая Кабула, и страна оказалась сильно разоренной от такого большого налога».³⁹⁷

В XVI—начале XIX в. ведущей формой феодальной ренты в Средней Азии также была продуктовая, хотя существовала и денежная.³⁹⁸

Сведения источников о размере хараджа эпохи Тимуридов недостаточны, все же они позволяют определить размеры хараджа в целом для этой эпохи. Так, согласно словам Йазди, ежегодный харадж (мал) Ирана и Азербайджана, где правил царевич Мираншах, составлял два данка.³⁹⁹ Следовательно, размер хараджа, судя по этому сообщению, составлял одну треть урожая, по-видимому, и в других частях государства Тимура придерживались такой же нормы.

Абдурраззак, описывая нарушения со стороны налоговщиков и притеснения крестьян, сообщает, что султан Абу Саид в целях ликвидации беспорядков при сборе хараджа в стране в 855 г. х. (1460—1461 гг.) приказал, чтобы в дальнейшем ежегодно его взимали в размере двух данков (т. е. одну треть урожая—ду данки асл).⁴⁰⁰ Бабур считает, что в тех случаях, когда землевладелец способен обрабатывать землю и земля годна для посева, но несмотря на это, остается неиспользованной, земледелец обязан платить харадж за необработанную землю.⁴⁰¹

Бабур харадж делит на две традиционные категории: мукасима и муаззаф. В его сообщениях важным является то, что он указывает размеры хараджа. Мукасима взимался от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ годовичного урожая, а муаззаф — с джериба.⁴⁰²

В XVI—первой половине XIX в. харадж применялся также в двух формах.

1. Хараджи муаззаф. Размер его устанавливался раз и навсегда на определенные площади земель, независимо от получаемых урожаев и вообще от наличия там посевов. Налог этот обычно взимался в натуре и деньгами дважды в год — весной и осенью.

2. Хараджи мукасима — поземельная подать, исчисляемая из доли урожая, была различной для разных областей и земель. Она также взималась натурой и деньгами.⁴⁰³ Для того чтобы яснее представить размеры хараджа для всего интересующего нас времени, следует сопоставить приведенные данные с некоторыми сведениями источников о размере хараджа в предшествующие и последующие века. Так, при Хулагуидах, согласно Хамдаллаху Казвини, размер хараджа с частновладельческих земель составлял одну треть урожая.⁴⁰⁴

«В XVI в. вся феодальная рента, уплачиваемая крестьянами, сидевшими на мильковых пахотных землях, состояла из двух частей. Одна часть определялась точно в долях урожая и обычно равнялась 30%, но достигала и 40%. Другая — включала разные сборы, общий размер которых неизвестен».⁴⁰⁵

Таким образом, приведенные данные позволяют говорить, что размеры хараджа в основном равнялись одной трети урожая и этой нормы придерживались в течение ряда веков, хотя в некоторых случаях она и повышалась, а иногда, возможно, и понижалась. Отметим, что размер хараджа в некоторых сопредельных странах был таким же, как в государстве Тимуридов. Так, по определению В. Минорского, в Закавказье XV в. харадж, уплачиваемый дивану (казне) или же местным феодальным правителям, составлял три десятых сельскохозяйственной продукции.⁴⁰⁶

Что касается вопроса о различиях в норме ренты, взимаемой с крестьян, работающих на разных категориях земель, то в источниках сведения отсутствуют. Как нами было выше рассмотрено, Йазди, Абдурраззак и Бабур называют для разных категорий феодальной земельной собственности в основном одни и те же нормы ренты.

Это свидетельствует о том, что нормы ренты, взимаемой с крестьян, со всех категорий земель были равными. Такое же положение сохранилось в XVI — начале XIX в., когда государственные земли облагались хараджем так же, как и частновладельческие земли. Различия в податном отношении между амляковыми и хараджными землями не имелось. Разницу можно было наблюдать в юридическом смысле.⁴⁰⁷

Следует различать два вида ренты: 1) централизованную, взимающуюся с крестьян государственных, хараджных, мультковых земель через финансовый аппарат государства; 2) феодальную, взимающуюся с крестьян непосредственно феодалами — владельцами сюргалных и обеленных мультковых земель, которая полностью поступала в их пользу.

Харадж, как, правило, должен был взиматься один раз в год, обычно осенью. Но это правило не всегда соблюдалось. Особенно во время междоусобных войн часто имелись случаи досрочного взимания хараджа, что наносило вред земледелию. Как мы уже упомянули, в 865 г. х. (1460—1461 гг.) султан Абу Саид, установив размер хараджа в одну треть урожая (два данка), приказал взимать харадж по долям, разделив его на три части, в следующие сроки: первую часть — в месяце саратон (21 июня—20 июля); вторую часть — в месяце сунбула и мизан (22 августа—20 октября); остатки — в месяце кавс (22 ноября—21 декабря).⁴⁰⁸ По мнению Бабура, в тех местах, где урожай снимается два раза в год, харадж также должен взиматься два раза.⁴⁰⁹

Таковы некоторые сведения относительно земельной ренты и ее размерах в Тимуридскую эпоху.

2. Другие подати и повинности.

Помимо земельной ренты, т. е. хараджа, в описываемое время существовал ряд других податей. О них мы узнаем из документальных и общенсторических источников, в том числе и нескольких копий документов из сборника «Тарассул» Абд Аллаха Марварида. К последним относится документ Дарвеш Али Кукельташа, документы вакфа мазара Дарвеш Али шаха, вакфа ходжи Афзала и документ относительно орошения пустующих земель Мерва. Помимо них, нами использован также документ вакфа мазара Носира Хисрава, опубликованный в Афганистане, и грамота на имя поэта Джами, опубликованная А. А. Молчановым.

Ниже приводится перечень податей на основе данных документальных источников.

Остановимся на характеристике каждой из этих податей на основе сведений документальных и общенсторических источников.

1. Авариз является чрезвычайным налогом, взимаемым государством с крестьян и городского населения для покрытия экстренных расходов в связи с войной, семейными торжествами при дворе и т. д. Авариз взимался еще до монгольского завоевания. При монгольском владычестве он взимался постоянно, по любому поводу.⁴¹⁶

Перечень податей

Документ Дарвеш Али Кукельта- ша ⁴¹⁰	Первая васика мазара Носира Хисрава ⁴¹¹	Документ вакфа маза- ра Дарвеш Али шаха ⁴¹²	Документ Джами ⁴¹³	Документ относитель- но ороше- ния пусто- ющих зе- мель Мерва ⁴¹⁴	Документ вакфа ходжи Афзала ⁴¹⁵
Хараджат Дар-баст Закот Пой говона Мухассыло- на Мушрифана Мухассысо- на Забитана Хакк-ал- авариджа Дах-ёздах Расм-ал-са- дора Дах-ним Хакк-ал-то- улийа	Аваризат Даругона Сарона Хараджат Забитана Бигар Хараджати- иттифаки Сар-каллаги Киймот Каламот Мир-хаза- рана Сохиб джа- мона Габезана Харджи кал'а Ясовули Пишкеш Лашкар Дуди	Аваризат Ихраджат Мухассысо- на Хакк-ал- тоулийа Джихат Сад-се Кушуни Хараджати- иттифаки	Аваризат Даругона Сар-шумор Тоуджиха- ти харид- жи Бигар	Хараджат Ихраджа- ти сана	Джихат

Документ Дарвеш Али Кукельта- ша ⁴¹⁰	Первая васика мазара Носира Хисрава ⁴¹¹	Документ вакфа маза- ра Дарвеш Али шаха ⁴¹²	Документ Джами ⁴¹³	Документ относитель- но ороше- ния пусты- ющих зе- мель Мерва ⁴¹⁴	Документ вакфа ходжи Афзала ⁴¹⁵
	Малади Хакк-ал- шумор Сад-як Чил-як Харджи- собун				

Аваризат упомянут в документах вакфа мазара Носира Хисрава, вакфа мазара Дарвеш Али шаха и в документе поэта Джами. Видимо, в Тимуридскую эпоху эта подать взималась нередко.

2. Сар дарахт — термин, означающий подать, которая взималась с плодовых деревьев. Подать с плодовых деревьев и виноградников существовала еще до монгольского нашествия. Тогда она называлась баг-шумора. Баг-шумора продолжала существовать и при монголах и взимались деньгами и натурой.⁴¹⁷ При Хулагуидах она взималась «с садов или даже отдельных деревьев».⁴¹⁸

При Тимуридах, как об этом свидетельствует название подати, сар дарахт взимался с отдельных деревьев. Интересные сведения об этой подати имеются и в письменных источниках. Так, согласно Мирхонду, в 870 г. х. (1465—1466 гг.) во время пребывания в Хорасане султан Абу Саид тяжело заболел, и болезнь продолжалась долго. После выздоровления в качестве пожертвования Абу Саид освободил население Хорасана от уплаты подати сар дарахт, которая составляла большую сумму.⁴¹⁹ Употребленное Мирхондом выражение свидетельствует о том, что при Тимуридах подать взималась деньгами.

Абдурраззак и Хондемир, сообщая об этом, употребляют термин «сар дарахт», также подчеркивая, что подать эта составляла большую сумму (маблагги кироманд буд).⁴²⁰

3. Даругона. «Даруга» при Тимуридах обозначал начальника местной власти.⁴²¹ Даруга имелся в каждом селе, городе и округе. Так, согласно Мирхонду, во время возвращения Тимура в Самарканд из семилетнего похода в

1404 г. в пути выходили навстречу к нему даруги селений, городов и округов.⁴²² О подати даругона сообщения содержатся и в общенсторических сочинениях. Так, Абдураззак, описывая события 1457 г. (после смерти Абуль-Касима Бабур),⁴²³ сообщает, что сельские даруги на местах взимали с крестьян даругона, вследствие чего положение их еще более ухудшалось.⁴²⁴ По-видимому, даругона взималась продуктами. Даруга имелся и в последующие века. «Даруга (дарга) в качестве сборщика налога и правителя небольшого сельского района упоминается в Бухаре и в XIX и XX вв. Специальный сбор на его содержание в этот период назывался кафсан-дарга».⁴²⁵

4. **З а б и т а н а** упомянута в документе Дарвеш Али Кукельташа и в документе вакфа мазара Носир Хисрава. Как видно, забитана являлась податью, взимаемой в пользу забита. В XV в. забитами назывались чиновники налогов аппарата (дивана), в функции которых входило взятие на учет засеянных земель и размеров урожая с них.⁴²⁶

В XVI в., по определению П. П. Иванова, «звание забита присваивалось иногда довольно видным чиновникам, имевшим отношение к ханскому налоговому аппарату».⁴²⁷

5. **М у х а с с ы л а н а** («мухассыл» букв. «взимающий налог») — специальная подать в пользу мухассила, т. е. сборщика налогов. Помимо сбора податей с населения, в обязанности мухассыла входил также сбор контрибуции с населения завоеванной войсками Тимура территории.

Размеры контрибуции (моли омони) были очень большими, и поэтому сбор осуществлялся мухассылами совместно с войском и носил грабительский характер, что часто вызывало народные восстания в завоеванных местностях. Так, в 785 г. х. (1383—1384 гг.) в результате грабительского характера сбора контрибуции население г. Султании восстало. Восставшими были разгромлены оставленные в городе войска Тимура и казнены мухассылы. Однако вскоре Тимур направил в Султанию войска, восстание было подавлено, и большая часть населения казнена.⁴²⁸

При таких же обстоятельствах в 789 г. х. (1387) подавлено войсками Тимура восстание жителей г. Исфагана, когда из числа горожан было убито 50 тыс. человек.⁴²⁹

Мухассылана взималась также и в XVI в. В XIX в. в Хивинском ханстве сборщики налогов также назывались мухассылами.⁴³⁰

6. **М у ш р и ф а н а** («мушриф» — букв. «надзиратель»). Мушрифана — сбор на содержание мушрифа. Мушрифом на-

звался чиновник налогового аппарата, стоящий на должности выше, чем мухассил. В источниках Тимуридской эпохи при перечислении чиновников налогового аппарата обычно сперва упоминаются мушрифы, потом мухассилы. Относительно точного определения функции мушрифов у нас данных нет.

Для XVI в., по определению П. П. Иванова, под названием налога мушрифана «следует подразумевать особый вид сбора на содержание налоговых сборщиков—мушрифов». ⁴³¹

В конце XVIII в. в Бухарском ханстве на обязанности мушрифа лежала «запись жалуемых государем вещей вроде щитов, кольчуг, полного комплекта платья и прочих предметов (высочайшего внимания)». ⁴³² Как видно, мушрифами назывались в разное время чиновники с неодинаковыми функциями.

7. Х а к к - а л - а в а р и д ж а — сбор на содержание составителей кассовых записей (авариджа), подробных отчетов относительно сбора податей. ⁴³³ Налоговые чиновники, занимавшиеся составлением кассовых записей, существовали и в последующие века. Так, в конце XVIII в. в Бухарском ханстве специальные чиновники—дефтердары также в своих кассовых записях (авариджа) вели учет податей. ⁴³⁴ В некоторых документах встречается название подати хакк-ал-шумор, которое, по-видимому, идентично с хакк-ал-авариджа.

8. М и р - х а з а р а н а. Согласно сведениям, содержащимся в труде Алишера Навои «Собрания знаменитостей», хазара назывался район, доходы которого были достаточны для содержания тысячи газиев (воинов). ⁴³⁵ Мир-хазарана—сбор на содержание правителя хазара взимался с жителей данной местности. Подать мир-хазарана взималась и в XVI в. ⁴³⁶

9. С о х и б д ж а м о н а — сбор в пользу составителя окладных листов.

10. К а л а м о т, возможно, идентичен предыдущему сбору.

11. Д у д и — подъемный сбор. Этот сбор соответствует существовавшей при монголах подати хона-шумора. По определению А. М. Беленицкого, хона-шумора при Хулагуидах обозначал сбор с жилища или усадьбы, соответствующий, по-видимому, подъемному налогу на Руси. ⁴³⁷ Подать хона-шумора существовала в Иране и при Джелаиридах. ⁴³⁸

Абдурраззак, рассказывая о подготовке Абу Саида к походу для завоевания Атрара в 869 г. х. (1454—1455 гг.), сообщает, что Абу Саид взимал с крестьян подать дуди. Подать эта взималась деньгами (султон Абу Саид аз рийо ба расми дуди маблагхо гирифт). ⁴³⁹

Тот же автор сообщает, что султан Хусейн, завоевав власть в Хорасане, назначил в диван ходжа Абд Аллах Актаба и ходжа Низамаддин Бахтияр Самнани. Эти лица во время похода султана Хусейна против мирзы Ядгара в 874 г. х. (1469—1470 гг.) обложили население податью зари⁴⁰⁰ и дуди. Вследствие того, что во время междоусобных войн население было сильно разорено чрезмерными податями, дело доходило до открытых выступлений народных масс. В Герате толпа в виде протеста против взимания указанных податей забросала ходжу Абд Аллаха камнями, и ему с трудом удалось спасти себя. Узнав об этом, для успокоения народных масс султан Хусейн вынужден был отменить взимание упомянутых податей, а ходжа Низамаддин Бахтияр и ходжа Абд Аллах были отстранены от своих обязанностей.⁴⁴¹

В общенсторических сочинениях Тимуридской эпохи, насколько мне известно, других сведений о подати дуди нет. Приведенные данные говорят о том, что дуди взимался в редких случаях, во время острой нужды в средствах.

В Дарвазе (горное бекство в Восточной Бухаре) дудона взимался до недавнего времени. Согласно Кузнецову, в виде дудона брали с каждого дома по два куска карбоса или же одного козла.⁴⁴²

По мнению Л. Латыпова, «дудона—сбор за пользование топливом, заготавливающимся крестьянами для своих нужд, этот сбор взимался сначала натурой в виде барана или двух кусков карбоса, а затем был заменен денежным сбором.⁴⁴³

12. Сар-шумор (букв. «поголовное исчисление»), иначе сарона (букв. «поголовное») — подушная подать. Впервые была введена как постоянный налог при монголах. Тогда эта подать называлась купчур и распространялась на все население. «Согласно распоряжению Мангухана, указ которого относительно этой подати сохранил Джувейни, размер ее равнялся от одного до десяти динаров в соответствии со степенью состоятельности того или иного лица. Однако фактический способ взимания, вероятно, далеко не соответствовал этому принципу «подоходности». В Хорасане, по словам Джувейни, было постановлено с каждых 10 человек взимать 70 динаров».⁴⁴⁴ Термин «купчур» в смысле подушной подати к концу монгольской эпохи исчезает,⁴⁴⁵ и для обозначения оставшейся подушной подати уже в источниках Тимуридской эпохи мы встречаем термины «сар-шумора» и «сарона».

По поводу сар-шумор А. А. Молчанов пишет, что крестьяне «платили подушную подать» (سر شمار), сохранившуюся в некоторых местностях Ирана до начала XX в. под назва-

нием серана (سرانه). Этой податью, по-видимому, и во времена Алишера Навои облагалось лишь сельское население, но зато поголовно, начиная с десятилетнего возраста». ⁴⁴⁶ Следует указать, что А. А. Молчанов при этом для подтверждения своего высказывания никаких данных из источников не приводит. Для того чтобы правильно понять значение подати сар-шумор, рассмотрим сообщение Абдурраззака относительно взимания этой подати с жителей г. Герата. Речь идет о том, что во время смут, возникших в стране в связи со смертью Абуль-Касима Бабура, в 1457 г. военачальник эмир шейх Абу Саид из Сарахса прибыл в Герат и вследствие малолетства наследника престола царевича мирзы шах Махмуда, которому тогда было одиннадцать лет, фактически захватил власть в свои руки и обложил жителей Герата податью сар-шумор. Город был разделен на две части (ду бахш). С жителей одной половины города сар-шумор взимали чиновники (мулозимон) шейх Абу Саида, с жителей другой половины — нукеры эмир Шер Ходжи. Сар-шумор взималась деньгами (зар). Назначенная сумма была собрана в течение 2—3 дней. В это время ходжа Кулол баркаш и ходжа Али Амир Ходжа были назначены везирами шах Махмуда и ведали делами дивана. Упомянутые везиры совместно с Абу Саидом вторично обложили население города податью сар-шумор. Теперь размер сар-шумор по сравнению с предыдущим был увеличен в 10 раз.

Так как население не было в состоянии уплатить требуемую сумму, многие были подвергнуты пыткам, от которых немало людей погибло. Знатные люди города и некоторые эмиры несколько раз направлялись к Абу Саиду за город, где он находился, с просьбой о снижении этой подати, однако он не соглашался ни на какие уступки. Учитывая создавшееся положение, эмир Шер Ходжи (военачальник Бабура) вместе с царевичем мирза шах Махмудом, находившимся к этому времени в Баги-Загон, в окрестности Герата, решили захватить власть в свои руки, вступили в город, заперли все городские ворота, захватили власть в городе и направили своих глашатаев на базарные площади, которые призывали население, чтобы никто в счет сар-шумор не платил ни одного динара, а то, что отдали, забрали обратно. Также было приказано, чтобы в городе, там, где встретятся нукеры Абу Саида, отбирать у них имущество. Многие нукеры Абу Саида были ограблены, а некоторые из них с трудом спасли жизнь. После этих событий эмиры, которые были недовольны политикой Абу Саида, изменили ему, вступили в город и присо-

едились к эмиру Шер Ходжи.⁴⁴⁷ Об этих событиях сообщают также Исфизари и Хондемир,⁴⁴⁸ рассказы которых соответствуют приведенным словам Абдурразака.

Таким образом, приведенный пример ясно показывает, что утверждение А. А. Молчанова относительно взимания подати сар-шумор только с сельского населения является ошибочным. Вместе с тем данные ряда документов Тимуридской эпохи свидетельствуют о взимании подати сар-шумор также и с крестьян. Абдурразак и Хондемир говорят о том, что для городского населения подать эта была одной из самых обременительных.

13. Сар-каллаги (букв. также «поголовное»). Подать эта упомянута в документе вакфа мазара Носир Хисрава.⁴⁴⁹ В тексте его подать сар-каллаги фигурирует как неидентичная подати сарона. В других документах и источниках описываемого времени эта подать не встречается, и поэтому значение ее остается неясным.

14. Улаг (букв. «всякое домашнее животное, служащее для перевозки тяжестей»). Как специальный термин «улаг» означает почтовых и курьерских лошадей, предоставляемых райятами по требованию начальников почты для проезда служилых людей от одной почтовой станции (йам, ям) до другой.⁴⁵⁰ Повинность улаг существовала в Иране еще до монгольского завоевания. При монгольских ханах повинность эта была более тяжелой, чем прежде.⁴⁵¹ При Тимуридах значение подати улаг как повинности осталось таким же, каким было раньше. Но, по-видимому, при Тимуридах повинность улаг распространялась не только на крестьян, но и на феодалов. Низаматдин Шами сообщает, что, согласно приказу Тимура, с тарханов не брали лошадей в улаг.⁴⁵²

15. Ясовули — подать, взимаемая в пользу ясовула, упомянута в документе вакфа мазара Носир Хисрава. Ясовулами в эпоху Тимуридов назывались люди личной охраны государя.

Йазди, рассказывая о присвоении Тимуром группе отличившихся в войне против Тохтамыша военачальников званий тарханов, сообщает, что Тимур приказал ясовулам не препятствовать свободному входу тарханов к нему (Джамоати ясовулон дасти рад пеши эшон (тарханон) надоранд ва аз даромадан ба хазрати мо ман накунанд).⁴⁵³

16. Пишкаш (букв. «личное приношение») терминологически означал сбор средств с крестьян и городского населения для преподношения в виде подарка царю или высокопоставленным чиновникам.⁴⁵⁴ Под предлогом пишкаша мест-

ные правители и их чиновники часто собирали с подданных незаконные сборы и присваивали их себе. Сборы пишкаша давали широкую возможность к злоупотреблениям местных чиновников и притеснениям подданных. При Тимуре сбор его запрещался и виновные в этом наказывались. При Тимуридах сбор пишкаша снова практиковался. В документе вакфа мазара Носир Хисрава пишкаш уже функционирует как подать.

При Тимуридах с населения взимались еще подати номбардор кушуни, зари лашгар и хариджийат. О податях номбардор кушуни и хариджийат мы узнаем из копии указа, включенного в сборник документов «Тарассул» Абд Аллаха Марварида. Для того чтобы определить значение названных податей, нам необходимо рассмотреть содержание указа. Из текста документа мы узнаем, что указ этот был издан по настоянию ходжи Маджидаддина Мухаммада. Содержание указа сводится к следующему. Ходжа Маджидаддин Мухаммад сделал представление о том, что во время правления «покойного хакана» и «султана мученика», когда возникла необходимость в защите страны от нападения врага, а также перед походом в другую страну, в войско призывались только знатные люди (а'йон). Население же было освобождено от военной службы, но в таких случаях с населения взималась подать номбардор кушуни и собранные средства передавались войску. Подать эта взималась деньгами (зар). В мирное время, когда не было необходимости сбора людей в войско, подать номбардор кушуни с населения не взималась. Во время правления «счастливого государя», в те годы, когда делами дивана ведали ходжа Назим ал-Мульк и ходжа Афзаладдин, эти лица при помощи высокопоставленных чиновников дивана незаконным путем включили подать номбардор кушуни в число чрезвычайных (хариджийат) и ежегодно взимали ее с крестьян и бедноты, в результате чего подданные подвергались притеснению и насилию. В некоторых областях подать эта взималась поголовно (сарг-шумор), что и послужило причиной рассеяния и переселения многих жителей Хорасана в другие места. Собранные же средства ходжа Низам ал-Мульк и ходжа Афзаладдин и их сообщники присваивали себе. Потому ходжа Маджидаддин заключает, что если будут соблюдены порядки, которые существовали во времена правления прежних правителей, т. е. «покойного хакана» и «султана мученика», то это будет причиной благополучия и улучшения благосостояния подданных и прекратится рассеяние населения Хорасана в другие места, а также приве-

дет к улучшению дел дивана и благодарности подданных государю. Исходя из изложенных соображений и учитывая искренность слов ходжи Маджидаддина, его просьбу удовлетворили и издали указ, чтобы впредь в случае возникновения необходимости, как и во времена правления «покойного хакана», была произведена перепись населения и те, которые способны к несению военной службы, были призваны в войска и никоим образом не взимались деньги (зар) в виде подати номбардор кушуни.⁴⁴⁵

Следует указать, что, помимо этого документа, о подати номбардор кушуни упомянуто также и в другом документе, включенном в названный сборник. Это вакфная грамота мазара Дарвеш Али шаха, находящегося в Гератском округе. В документе подать эта также включена в число чрезвычайных.⁴⁵⁶ Об этой подати, по-видимому, нет сведений в источниках и документах предыдущих веков. Следовательно, мы здесь имеем дело с совершенно новым податным термином, ранее неизвестным в науке. В рассматриваемом документе имя правителя и дата издания указа не содержатся, но нами в отдельной статье⁴⁵⁷ были определены лица, упомянутые в этом указе, и установлено, что ходжа Низам ал-Мульк и ходжа Афзаладдин были везирами султана Хусейна, первый из которых назначен на эту должность в 1472 г., а последний— в 1473—1474 гг.

Ходжа Маджидаддин—это тоже везир султана Хусейна, который назначен на эту должность в 1487 г. и был везиром всего три года. Рассматриваемый нами указ издан султаном Хусейном в этот промежуток трехлетнего везирства ходжа Маджидаддина.

К сожалению, относительно размера подати номбардор кушуни мы не располагаем данными. Однако указание нашего документа относительно рассеяния и переселения многих жителей Хорасана в другие места в результате ежегодного взимания этой подати свидетельствует о том, что подать эта была одной из самых обременительных.

Представляет интерес также попутное сообщение нашего документа о массовом сборе людей в войско. Из данных других источников известно, что ядро войск при Тимуре и, очевидно, при Тимуридах составляли люди из племен чагатаев и некоторых других кочевых племен. Причем эти племена были освобождены от податей и повинностей.⁴⁵⁸ О системе и порядке массовых сборов людей в войско из числа жителей страны, насколько нам известно, в источниках сведения отсутствуют. Из нашего указа мы узнаем, что имели место массовые сборы и что при этом проводилась перепись

населения, очевидно, независимо от племенной принадлежности.

Если данные нашего документа верны, то при Тимуридах военные силы государства делились на регулярные части и части призываемых в войска только во время военных действий. Для обеспечения последних и взималась подать номбардор кушуни, как об этом гласит сам указ. В мирное время подать эта не взималась.

Возникает вопрос, взималась ли постынная подать с населения для обеспечения регулярных частей войск? На этот вопрос мы находим ответ в общен исторических сочинениях. В них эта подать называлась зари лашгар (букв. «деньги на войско»).

Рассмотрим некоторые сведения общен исторических сочинений относительно интересующей нас подати.

Абдурраззак, рассказывая о подготовке Абуль-Касима Бабура в 858 г. х. (1454 г.) к походу в Мавераннахр против Абу Саида, сообщает, что Абуль-Касим Бабур приказал эмиру ходжа Ваджихаддин Исмаил Самнони совместно с группой великих эмиров собрать с населения страны харадж, зари лашгар и забти лашгар. После того как требуемые подати были собраны, Абуль-Касим Бабур все собранные средства роздал военачальникам и войскам и отправился в поход на Мавераннахр.⁴⁵⁹ Насколько нам известно, только лишь в упомянутом случае, наряду с «зари лашгар», употреблен термин «забти лашгар».

В других случаях, рассказывая о сборе податей в пользу войск во время военных походов, источники всегда употребляют термины «зари лашгар» и «номбардор». Можно с уверенностью предположить, что забти лашгар—это тот же номбардор.

Тот же автор сообщает, что султан Абу Саид в 866 г. х. (1461—1462 гг.), направляясь в поход в Мазандаран против султана Хусейна, чтобы обеспечить войско вооружением и другим снаряжением, приказал собрать с населения г. Герата, округов и областей подати зари лашгар, номбардор и джихади.⁴⁶⁰ Впоследствии, возвратившись в Герат из похода, Абу Саид узнал, что во время его отсутствия везир ходжа Муизаддин во время сбора подати зари лашгар собрал с подданных во много раз больше, чем это требовалось законом, а также под видом взятки (ба рившат) у многих взял деньги в свою пользу. Шейх Ахмад Сарроф, который вместе с ходжа Муизадином ведал делами дивана, также немалую сумму денег собрал с подданных в свою пользу. По словам

Абдурраззак, вследствие этих действий ходжа Муизаддина и шейха Ахмада народные массы попали в нищенское положение. По приказу Абу Саида ходжа Муизаддин и шейх Ахмад были подвергнуты жесточайшим пыткам и убиты. После этого Абу Саид приказал впредь не взимать с населения зари лашгар и номбардор. Указ (нишон) об освобождении населения от подати зари лашгар и номбардор был написан на камне, который поставили в пятничной мечети, чтобы все видели и знали об этом. Абдурраззак утверждает, что султан Абу Саид сдержал свое слово и до конца своей жизни не взимал с населения зари лашгар и номбардор.⁴⁶¹

Рассказ Абурраззак находит себе подтверждение в сообщении Хондемира и Исфизари.⁴⁶² Как мы выше видели, приведенные сведения нашего документа показывают, что номбардор кушуни при правлении султана Хусейна не только был снова восстановлен, но даже взимался ежегодно.

Приведем и некоторые другие сведения об этой подати. Абдурраззак, рассказывая о событиях 1457 г., после смерти Абуль-Касима Бабура, сообщает, что в результате быстрой смены власти за год с населения Хорасана был собран три раза харадж и зари лашгар.⁴⁶³ Хотя Абу Саид в 866 г. х. (1462 г.) отменил взимание податей номбардор и зари лашгар, но с установлением власти султана Хусейна зари лашгар снова был восстановлен как постоянный налог.

Об этом свидетельствуют слова Абдурраззак, который, восхваляя благородство султана Хусейна, сообщает, что вследствие междоусобных войн между царевичами после гибели Абу Саида положение народных масс в стране ухудшилось. Султан Хусейн после казни Мирзы Ядгара и вторичного захвата власти в стране, учитывая тяжелое положение народных масс, издал указ об освобождении на два года крестьян и ремесленников городов и округов страны от взимания вуджухи хариджи и зари лашгар.⁴⁶⁶

Мирхонд, Хондемир и Исфизари, сообщая о сказанном, также употребляют термины «вуджухи хариджи» и «зари лашгар».⁴⁶⁵

Очевидно, можно говорить о двух налогах: зари лашгар, которая была постоянной податью, и номбардор кушуни, которая взималась первоначально единовременно, но при султани Хусейне превратилась в постоянный налог. Зари лашгар, как и номбардор кушуни, взимался деньгами, но о размере их сведения отсутствуют.

Такая же система взимания податей в пользу войск и

массовых сборов людей в войско из числа жителей страны имела место и в последующие века.

Об этом свидетельствует ряд писем эмира Хайдара к Сейид Ахмад ходже. Письмо датировано началом XIX в. Разница лишь в том, что к этому времени подати эти приобретают другие названия. Фитрат на основе данных этих документов пишет: «Из этих документов явствует, что бухарские ханы, кроме известных установленных налогов и кроме военной повинности «ноукарийэ», во время военных экспедиций против племен брали еще деньги и людей. Эти деньги называются «джу'л», а взятые для обслуживания армии люди—«карачирик».⁴⁶⁶

Характерно, что к этому времени при массовом сборе людей в войско проводилась перепись населения. В одном из писем говорится: «...Население Кармина жалуется на неправильно проведенный военный сбор. Вам надлежит точно подсчитать число семей фукара и племен, после чего фукара и племена обязаны выставить 500 ополченцев соответственно числу семей»...⁴⁶⁷

Возвратимся к нашему документу.

Судя по приведенному указу, ходжа Низам ал-Мульк и ходжа Афзаладдин подать номбардор кушуни ежегодно взимали с подданных в число податей, названных хариджийат (букв. «внешние»). Из других документов и источников Тимуридской эпохи, а также и предыдущих веков известны различные подати, входившие в группу хариджийат.

Так, в Иране XIII—XIV вв. существовал податный термин «ихраджат» (букв. «расходы», «издержки»), о котором И. П. Петрушевский пишет: «Ихраджат как податный термин означал целую группу сборов, не только случайных, но и постоянных, взимаемых с райятов государством или местными владетельными феодалами для покрытия издержек (отсюда и терминологическое обозначение этих сборов) по содержанию разных чинов государственного аппарата, а также для оплаты их разъездов.

При перечислении в источниках податных статей термин «ихраджат» занимает видное место. Помимо постоянных сборов такого типа—ихраджат и мукаррари, внесенных в податные списки (дафтары), были еще сборы ихраджат, чрезвычайные или сверхместные. Они обозначались термином «хариджийат».⁴⁶⁸ Источники Тимуридской эпохи подтверждают, что и в это время ихраджат, или хараджат, означал целую группу сборов. Об этом свидетельствует и то, что обычно в документах на освобождение земель (вакфных, обеленных)

при суммарном упоминании податей употребляется выражение «соир ихраджат» (букв. «остальные ихраджат»). Хараджат при Тимуридах взимался деньгами. Исфизари сообщает, что в 865 г. х. (1460—1461 гг.) султан Абу Саид приказал, чтобы впредь, пока не возникнет необходимость и не будет издан указ, пусть никто из чиновников дивана хараджата с подданных не взимает ни одного динара.⁴⁶⁹ В некоторых документах упомянут ряд конкретных деталей, связанных с термином «ихраджат». Так, в вакфных документах мазара Носир Хисрава⁴⁷⁰ и мазара Дарвеш Али шаха⁴⁷¹ упомянута подать хараджати иттифаки (букв. «случайные расходы»). Из содержания последнего документа мы узнаем, что подать эта взималась только в случаях нужды в средствах для покрытия экстренных расходов на основе специального правительственного указа. В документе вакфа мазара Носир Хисрава упомянута еще подать харджи кал'а—расходы на содержание крепостей.⁴⁷² Подать эта взималась, по-видимому, на строительство, восстановление или ремонт крепостей. Видимо, в эту же категорию входил и налог ихраджати сана (букв. «годовой ихраджат»). Подать эта, как видно, взималась один раз в год и, следовательно, была постоянным налогом. Этот податной термин упомянут в одном из указов «Тарасул» об освобождении от податей пустующих земель окрестности г. Мерва. В нем говорится, что лица, желающие заселять и орошать пустующие земли, освобождаются от взимания налогов мал, хараджат и прочих диванских повинностей, а также от взимания ихраджати сана.⁴⁷³

Система отдачи пустующих земель на обработку с определенными льготами практиковалась и в предшествующие века. По определению А. Али-Заде, в XIII—XIV вв. в Азербайджане «при сдаче таких земель для обработки размер налога определяется в зависимости от качества земель и степени удовлетворительности состояния оросительной системы. В зависимости от этих факторов эти земли делились на три категории, причем они являлись собственностью тех, кто их обрабатывал; последние имели право продавать и передавать эту землю по наследству».⁴⁷⁴

Бигар—отрабочная рента. Бигар означал принудительные работы крестьян по рытью каналов, каризов, их периодической очистке, постройке мостов и т. д. Сроки бигара для различных областей, по-видимому, были неодинаковыми и зависели от местных условий.

В общен исторических сочинениях содержатся некоторые сведения, где говорится о принудительном использовании

труда крестьян. Так, согласно словам Йазди, в 769 г. х. (1367—1368 гг.) эмир Хусейн и Тимур (тогда еще Тимур находился на службе у Хусейна) с войском прибыли в Балх. Жители Балха и все крестьяне окрестных селений совместно с войском (риойо ва лашгари) принудительно были использованы на восстановлении крепости Хиндуван.⁴⁷⁵ Спустя некоторое время, крепость была разрушена Тимуром, после чего тридцать семь лет представляла собой развалины. В 810 г. х. (1407—1408 гг.) крепость Хиндуван по приказу Шахруха снова была восстановлена. На этот раз также восстановительные работы производились войсками совместно с крестьянами.⁴⁷⁶ Принудительное использование труда крестьянина на восстановлении крепостей и взимание денег с населения на эти работы (см. выше о харджи кал'а в XV в.) существовало и в последующие века. Об этом говорит ряд упомянутых нами писем эмира Хайдара к Сейид Ахмад ходже. Фитрат, ссылаясь на их данные, указывает, что письма эти трактуют общую повинность по ремонту крепостных стен, каковая ложилась тяжелым бременем на крестьянство данной провинции, выставлявшее по этой принудительной повинности определенное количество рабочей силы.

Принудительный труд крестьян и городской бедноты на различных постройках применялся и в сопредельных странах. По сообщению Хафиза Аbru, в 780 г. х. (1378—1379 гг.) правитель Герата Малик Гиясаддин в целях защиты от нападения войск Тимура в Герате строил городскую стену (шахр-банд), длина которой равнялась двум фарсахам. Для строительства этой стены принудительно были мобилизованы трудящиеся в бигар со всех областей управляемой им страны.⁴⁷⁷ Само собой разумеется, что население подвергалось при этом грабежу со стороны губернаторских чиновников, требовавших и рабочую силу, и деньги.⁴⁷⁸

Из других податей одной из самых тяжелых было обеспечение продуктами иностранных послов, а также курьеров (ильчи), направляющихся в те или иные места с поручениями центральной власти.

По этому поводу очень любопытный рассказ приведен в дневнике Клавихо. Вот что он пишет: «Обычай был такой, что когда они (посланники) приезжали в какое-нибудь место, в город, местечко или селение, то сейчас же распоряжались, чтоб принесли много мяса как для них, так и для тех, которые были с ними, и плодов, и овса столько, что хватило бы на втрое большее число; приводили людей, которые бы берегли посланников и вещи их день и ночь и стерегли также ло-

шадей; и если пропадало что-нибудь, то управление того места, где они останавливались, должно было заплатить за это. Если жители места, куда они приезжали в какое бы то ни было время дня и ночи, не сейчас приносили все, что нужно, то им давали столько ударов палками и кнутами, что нельзя было не удивляться. Или сейчас же посылали за старшинами города или места, куда они приезжали: их приводили к рыцарям, первым делом они требовали палок и прутьев и били их так безжалостно, что было удивительно, и говорили, что ведь они знают приказ царя оказывать всякие почести посланникам, когда бы они не приехали, и приносить все, что им нужно; они приехали с этими франкскими посланниками, а у них не было готово все, что нужно; так как они так дурно исполняют приказ великого царя, то они заплатят сначала сами, а потом и городское управление; таким образом, им приходилось угадывать, когда должны приехать посланники, если всегда так делалось, как теперь. Когда они приезжали в какое-нибудь место или город, прежде всего люди рыцарей, которые провожали посланников, требовали аррайсов, что у них означает старшин; первого человека, которого встречали на улице, схватывали, навязывали ему на шею покрывало, снявши его с головы,—они имели обыкновение носить покрывала на голове,—и, сидя сами на лошадях, тащили его пешком и ударяли палками и кнутами, чтоб он показал, где дом старшины. Люди, которые видели их по дороге и узнавали, что это царские слуги, догадавшись, что они явились с каким-нибудь приказанием от царя, принимались бежать, будто дьявол гнался за ними; а те, которые были в своих палатках и продавали свои товары, закрывали их и тоже пускались бежать и запирались в своих домах, а проходя говорили друг другу: «Ельчи», т. е. посланники, так как уже знали, что с посланниками приходят для них черные дни; и так бежали, точно дьявол гнался за ними. Приезжая куда-нибудь, посланники всегда выезжали с таким шумом и делали такие безжалостные поступки, что казалось, точно вступало древнее войско, а когда находили старшин, вы думаете, что они говорили с ним кротко? Нет, они прежде бранили их и били дубинками, потом заставляли их бежать, приносить посланникам все, что им было нужно, и стоять и служить им и не позволяли им отлучаться без спросу. Так они делают не только для этих посланников, но поступают так же, когда кто-нибудь едет по царскому повелению; потому что они говорят, что для исполнения царского приказания они могут убивать и наказывать, кого захотят, а что бы ни

делал тот, кто едет по царскому повелению, всякий должен молчать, а не противоречить, хотя бы даже и самый старший из царского войска; от этого во всей земле так боятся царя и его слуг, что на удивленье». ⁴⁷⁹

В Иране в XIII—XIV вв., по определению И. П. Петрушевского, существовала повинность, не обозначенная в источниках специальным термином. «Это—отдача феодалами, как кочевыми, так и оседлыми, своего скота на выпас подвластным им кочевникам, а также крестьянам». ⁴⁸⁰

По-видимому, такая же повинность существовала и при Тимуридах. В частности, об этом свидетельствуют слова Клавихо, который сообщает, что Тимур «совершил суд над одним важным человеком, которому дал на содержание три тысячи лошадей, когда уезжал из этой земли; а так как теперь они были не все в целости, то он приказал его повесить; и не обратил внимания на то, что этот человек обещал возвратить ему не три тысячи, а шесть тысяч, если он даст ему время». ⁴⁸¹

Из дальнейших рассказов Клавихо вытекает, что это было широко практиковавшейся системой. «Кроме того, Тамурбек, — пишет он, — отдает своим рыцарям на сбережение своих лошадей и баранов по всей земле, кому тысячу, кому десять тысяч, и если они не возвращают, когда он требует их назад, или несколько недосдает, то он не соглашается ни на какую пеню. а берет у них, сколько есть, их же самих убивает». ⁴⁸²

Можно с уверенностью предполагать, что такой же практики отдачи своего скота на выпас придерживались и должностные лица государевы по отношению к подвластным им людям, а также феодалы по отношению к зависимым от них крестьянам.

Помимо упомянутых податей и повинностей, которые имели непосредственное отношение к крестьянам, в интересующее нас время существовал еще ряд других налогов, которые дополняют общую картину податной системы, хотя не имеют непосредственного отношения к собственно сельской жизни. Из них особо заслуживают внимания налоги джизья и тамга.

Джизья—поголовная подать, взималась еще при Сасанидах с людей податного сословия, а после утверждения ислама — только с иноверцев. После монгольского завоевания при первых ильханах-язычниках взимание джизьи прекратилось, и вместо нее стали взимать поголовную подать купчур со всех, независимо от религии. После принятия ислама при

Газанхане в 1295 г. взимание джизьи с иноверцев было восстановлено, но вскоре, нуждаясь в поддержке феодалов (армянских и грузинских), Газанхан в марте 1296 г. отменил взимание джизьи. «При Ольджайту хане джизья была еще раз восстановлена (1306 г.), и на этот раз уже окончательно».⁴⁸³

Джизья в XIV в., как и во времена халифата, взималась деньгами в зависимости от имущественного положения иноверцев.⁴⁸⁴

В эпоху Тимуридов взимание джизьи с иноверцев продолжается. Особенно часто сообщение по этому поводу содержится в источниках, описывающих времена правления Тимура.

Тимур, проводя завоевательную политику, при покорении стран, жители которых являлись иноверцами, налагал, помимо других податей и повинностей, и уплату джизьи. В тех странах, жители которых состояли из мусульман и иноверцев (например, в Индии), джизья взималась только с последних. Мусульманское население этих стран освобождалось от уплаты джизьи.

Так, во время семилетнего похода Тимур, находясь в Нахичевани, отправил послов к правителю Грузии Каркину, требуя джизьи и хараджа. Грузинский правитель прислал к Тимуру послов во главе со своим братом. Послы преподнесли ценные подарки и сообщили, что Каркин считает себя подданным эмира Сахибкирана и согласен ежегодно платить требуемые джизью и харадж, а также согласен выставить, когда это необходимо, нужное количество войск. Однако Тимур, не веря в искренность слов правителя Грузии, требовал личного его прибытия. Каркин под разными предлогами отказался лично явиться к нему, после чего, начав военные действия, Тимур разгромил войска правителя Грузии и обложил население этой страны хараджем и джизьей.⁴⁸⁵

В дальнейшем ходе военных действий в Закавказье иноверные жители других завоеванных областей и крепостей также облагались джизьей. После разгрома турецких войск и взятия в плен султана Баязида в 1402 г. Тимур потребовал джизью и баджа от императора Византии.

К сожалению, среди многочисленных сообщений о взимании джизьи ни в одном случае не сообщается точного размера этой подати. В тех случаях, когда власть в покоренной стране сохранялась за прежними правителями, размеры джизьи устанавливались на основе договора. Когда правители покоренных стран лишались своей власти, население облагалось джизьей на основе законов шариата. Поэтому

трудно говорить о том, являлся ли размер джизьи для всех иноверцев империи равным, или же имел различие. Только в одном нет сомнения, что джизья для иноверцев была одной из самых тяжелых и обременительных податей. Об этом свидетельствуют факты: жители некоторых местностей подвергались массовому истреблению, но не соглашались на уплату джизьи. Характерным в этом отношении является сообщение Гийассадина Али. Во время индийского похода Тимура «в течение одного месяца, начиная с пятнадцатого числа (джумади-ал-ула 801 г. х.), когда было первое место (остановки) знамен покорителя мира меж двух гор, Суалик и Кука, до шестнадцатого числа месяца джумади алахира, когда достигли местности Х. му, произошло двадцать сражений за веру со сборищами неверных и многобожников, с гербами и идолопоклонниками, так что подробное описание их составило бы несколько томов.

За эти тридцать дней было взято семь крепостей, принадлежавших к числу солидных крепостей индийской земли, ... и население каждой крепости являлось противником населения другой. Большинство тамошних жителей в дни прежних государей состояло из иноверцев, плативших джизью. А в эти дни, воспользовавшись удобным случаем, они отказались от принятого на себя обязательства платить джизью. По этой причине они способствовали бесполезной потере жизни и стали достойны истребления».⁴⁸⁶

Тамга—значение этого термина определено В. В. Бартольдом как сбор с ремесла и торговли. В Иране и сопредельных странах тамга впервые была введена монгольскими ханами и заменила старинный шариатский сбор—закат.⁴⁸⁷

Хотя некоторые влиятельные духовные лица проявили свое открытое недовольство против взимания тамги, считая ее не соответствующей законам шариата, тем не менее при Тимуре взимание тамги продолжалось. Хондемир по этому поводу приводит любопытный рассказ о том, как известный улем мавлоно Мухаммад, сын мавлоно Саидаддин Мас'уд тафтозони, который проявлял недовольство в отношении взимания тамги, приехал из Герата в Самарканд и был принят Тимуром. Тимур, зная недовольство мавлоно Мухаммада, чтобы пристыдить его, приказал своему везиру одарить Мавлоно Мухаммада баратом (удостоверение на получение денежной суммы) на получение пяти тысяч кебекских динаров из доходов тамги г. Самарканда. Мавлоно Мухаммад, поблагодарив Тимура, взял барат и вышел, чтобы получить подаренную сумму. После этого Тимур вернул мавлоно во дворец,

устыдил его за то, что он (мавлоно Мухаммад), выступающий против взимания тамги, с радостью принял подаренную ему сумму из доходов тамги. Затем Тимур обратно взял барат и приказал упомянутую сумму выдать мавлоно Мухаммаду из наличной казны.⁴⁸⁸

Взимание тамги имело место и при Тимуридах, хотя в течение XV в. сбор тамги неоднократно отменялся и потом снова восстанавливался.

По словам В. В. Бартольда, Улугбек придавал тамге большое значение. «В глазах духовенства заботы Улугбека о тамге, вероятно, были одним из признаков его нечестия; во всем мусульманском мире, в том числе и Мавераннахре, эти сборы всегда считались преступлением против шариата, часто отменялись правителями в угоду духовенству, но всегда восстанавливались. В царствование Улугбека случаев отмены тамги, насколько нам известно, не было».⁴⁸⁹

После смерти Шахруха, когда возникала вражда между Улугбеком и его старшим сыном Абд ал-Латифом, последний во время пребывания в своем суюргальном владении в Балхе, в целях привлечения на свою сторону недовольных политикой Улугбека лиц, отменил взимание тамги.⁴⁹⁰

После установления власти Абу Саида взимание тамги снова было восстановлено. Однако спустя несколько лет, в 865 г. х. (1460—1461 гг.), по просьбе Ходжи Ахрара Абу Саид отменил взимание тамги в крупнейших городах Мавераннахра — Самарканде и Бухаре.⁴⁹¹ Впоследствии по просьбе Ходжи Ахрара Абу Саид и его сын султан Ахмед совершенно отменили тамгу в Мавераннахре.⁴⁹²

Подводя итоги сказанному, следует упомянуть, что не все население государства Тимуридов было обложено податями. Ряд кочевых племен, которые служили в армии Тимура и Тимуридов, был освобожден от податей и повинностей.

Среди этих племен особо важную роль играли чагатаи, которые составляли ядро войск Тимуридов. По этому поводу Клавихо пишет: «Эти чагатаи имеют особые льготы от царя: они могут ходить везде, где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жить, где хотят, зимою и летом; они свободны и не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их призовет».⁴⁹³

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что податная система государства Тимуридов была основана на беспощадной эксплуатации оседлого трудового населения города и деревни. Лишь некоторые кочевые племена были освобождены от налога. Крестьяне были обременены

большим количеством разнообразных как постоянных, так и чрезвычайных налогов и повинностей.

Пример о взимании подати кушуни говорит о том, что в целях еще большего ограбления трудящихся масс тимуридские султаны, вопреки законам шариата, устанавливали новые подати.

Грабеж трудящихся масс господствующими классами особенно усиливался во время междоусобных войн, когда каждый царевич и военачальник, захватив власть в тех или иных частях государства, нуждаясь в средствах, прибегал к повторным взиманиям налогов. Особенно тяжело было положение иноверцев, т. е. немусульманского населения империи. Они, помимо тех податей, которые взимались со всех трудящихся масс империи, платили еще джизью.

В заключение следует отметить, что в документах описываемого нами времени упомянут ряд податей, установить значение которых, к сожалению, не представляется возможным. К ним относятся пой говона, мухассысона, дах-ёздах, дах-ним, дар-баст, сар-каллаги, габезана, мадади, сад-як, чил-як, харджи собун.

Определение их значения — дело будущего.

КАТЕГОРИИ КРЕСТЬЯН И ПОСАЖЕННЫЕ НА ЗЕМЛЮ РАВЫ

В источниках Тимуридской эпохи обычно в отношении крестьян употребляют термин «крийой», что в широком смысле обозначает всех крестьян, платящих подати. Несмотря на то, что по данному вопросу сведения наших источников незначительны, все же некоторый анализ их, а также документальные данные свидетельствуют о том, что крестьяне по своему положению были неоднородными.

Среди крестьян мы можем выделить категории собственников мелких участков мульковых земель. Они сами обрабатывали свои земли и могли свободно распоряжаться своими землями на правах личной собственности. Однако следует указать, что мульковые земли, принадлежащие непосредственно производителям-крестьянам, были в большинстве незначительными по размерам.

В. Л. Вяткин по этому поводу пишет: «Землевладение было чрезвычайно мелкое. Так, близ теперешнего Катта-Кургана Ходжа Ахраром скуплены были многочисленные участки земель у разных собственников размером от частей танапа до 4—5 танапов».⁴⁹⁴

Документы джуйбарских шейхов (XVI в.) показывают, что в числе продавцов, а следовательно, и собственников земли встречается немало лиц, размеры владений которых были большей частью невелики, часто даже крайне мизерны, например: 1 танап земли и 70 тутовых деревьев, 3 танапа земли и небольшой участок с гутовыми насаждениями стоимостью в 10 таньга и т. д.

Некоторые из документов показывают, что продажа такого рода мелких участков производилась иногда из-за отсутствия у их владельцев средств для уплаты налога».⁴⁹⁵

По мнению П. П. Иванова, удельный вес мелких земле-владельцев в общем их числе был крайне ничтожен.⁴⁹⁶

К следующей категории крестьян следует отнести арендаторов-издольщиков. В источниках и документах эти крестьяне названы арабским термином «музори» и таджикским «корандахо».

Так, в вакфном документе мазара Сайфиддина Бохарзи говорится, что музори, обрабатывающие земли вакфа, обязаны сдавать мутаваллию не менее одной трети урожая.⁴⁹⁷

По определению В. Л. Вяткина, во всех вакфных документах, «где имеется указание на способ обработки земель, в числе условий вакфозавещателя неизменно встречается указание на сдачу земли в аренду... На вакуфных землях иногда образовывались новые поселения, построенные чаще всего арендаторами».⁴⁹⁸ Система передачи земли в аренду имела место в последующие века. Согласно П. П. Иванову, земли джуйбарских шейхов обрабатывались путем сдачи малоземельным и безземельным крестьянам в аренду за определенную долю урожая.⁴⁹⁹ Арендаторы издольщики, обрабатывающие земли джуйбарских шейхов, названы коранда.⁵⁰⁰

Положение арендаторов было значительно тяжелее, чем положение крестьян, владеющих мульковыми землями. Точными данными, характеризующими размеры арендной платы, для Тимуридской эпохи мы не располагаем. Нормы ренты, выплачиваемой крестьянами-издольщиками землевладельцу, зависели от качества земли, а также от того, брал ли крестьянин-арендатор еще семена, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и т. д.

По-видимому, в большинстве случаев арендная плата была выше, чем размеры хараджа, выплачиваемого крестьянами государству. Положение крестьянина-арендатора зависело еще и от того, что сроки аренды могли быть различными и землевладелец мог по истечении срока не возобновить аренду и передать землю другому арендатору.

Относительно передачи вакфных земель в аренду В. Л. Вяткин пишет: «Часто в документах делается оговорка, что в одни руки аренда не может предоставляться более чем на три года. Оговорка эта вызывалась категорическим указанием шарията, гласившим, что земли, обрабатываемые кем-либо непрерывно свыше трех лет, должны перейти в его собственность».⁵⁰¹

Далее В. Л. Вяткин отмечает, что «нередко через три года арендаторы становились собственниками земель, на которых они работали».⁵⁰² Вряд ли можно соглашаться с мнением В. Л. Вяткина относительно перехода земли в личную собственность арендатора по истечении трехлетнего срока арен-

ды. Можно предполагать, что на практике такие явления, если и имели место, то очень редко.

Нами в разделе о категориях земель было указано, что при Тимуридах существовали земли, находящиеся в пользовании крестьян-общинников. Источники о внутреннем устройстве общины и о положении крестьян-общинников никаких сведений не оставили. Поэтому более конкретно высказать какое-либо мнение о положении крестьян-общинников невозможно. Однако если учесть данные источников, в которых указываются одни и те же нормы ренты для всех категорий земель той или иной области,⁵⁰³ можно предполагать, что положение крестьян-общинников было таким же, как и положение крестьян, постоянно живущих на государственных землях. Нормы ренты, взимаемые государством с обеих групп, были, по-видимому, приблизительно равными.

Таким образом, приведенные выше данные позволяют разделить крестьян по экономическому их положению на три категории:

1) крестьяне-собственники мелких участков мульковых земель,

2) крестьяне-общинники и крестьяне, сидевшие на государственных землях,

3) арендаторы-издольщики.

Рассмотрим вопрос относительно закрепощения крестьян. По определению И. П. Петрушевского, в мусульманских государствах Передней и Средней Азии до XIII в. хотя фактически зависимость крестьянина от землевладельца существовала, однако крепостное состояние юридически не признавалось и крестьяне формально признавались людьми, лично свободными.⁵⁰⁴ Но в связи с завоеванием монголов те огромные изменения, которые происходили в экономике завоеванных стран, сокращение численности населения, уменьшение площади обработанных земель, следовательно, сокращение числа налогоплательщиков, привели к тому, что феодальное государство и военно-кочевая знать были заинтересованы в запрещении перехода крестьян от хозяина к хозяину и принудительном возвращении беглых крестьян. Для этого «им стоило только распространить на оседлое земледельческое население те положения Чингизовой ясы, которые запрещали кочевникам покидать свою сотню и тысячу и своего вождя. Но это распространение прикрепительных положений Чингизовой ясы на оседлых райятов Ирана и сопредельных стран не совершалось чисто механически. Оно вызывалось изменениями в феодальной экономике, интересами государственного фиска и феодальной верхушки».⁵⁰⁵

Ярлык Газанхана 1303 г. подтвердил правило Чингизовой ясы о запрещении перехода крестьян и установил тридцатилетний срок сыска и возвращения беглых крестьян к прежним владельцам.⁵⁰⁶ «Прикрепление крестьян к земле и запрещение права перехода сохранилось в Иране и после распада государства Хулагуидов, при Джелаиридах».⁵⁰⁷

Однако уже в источниках Тимуридской эпохи, насколько нам известно, о каких-либо формах прикрепления крестьян к земле и запрещения свободного перехода прямых сведений не содержится. Наоборот, источники этого периода содержат такие сведения, которые позволяют говорить, что уже к этому времени крепостничество или какие-то формы принудительного прикрепления крестьян к земле вообще не имели места и крестьяне при Тимуридах юридически становятся лично свободными людьми и приобретают право свободного перемещения с одного места на другое. При каких обстоятельствах крепостничество, просуществовавшее почти в течение двух веков, потеряло свое значение, сказать трудно. Мы не располагаем никакими данными относительно какого-либо правительственного указа, отменившего ранее существовавший крепостнический строй. Можно предполагать, что исчезновение крепостничества было связано с переменами, которые происходили в стране в связи с установлением власти Тимура, окончательной победой мусульманства среди монгольской кочевой знати и ростом влияния мусульманского духовенства, которое признавало право личной свободы мусульманина. Для подтверждения высказанного рассмотрим данные одного документа конца XV в. В разделе о налогах нами был рассмотрен указ султана Хусейна об отмене подати номбардор кушуни с населения Хорасана. В донесении везира ходжи Маджидаддина султану Хусейну говорилось, что во время везирства ходжи Низам ал-Мулька и ходжи Афзаладдина вследствие незаконного обложения крестьян и бедноты Хорасана податью номбардор кушуни и ежегодного взимания ее подданные подвергались пригеснению и насилию. Это привело к тому, что многие крестьяне и беднота Хорасана переселились в другие места.⁵⁰⁸ При этом в указе ничего не говорится о насильственном или вообще о возвращении к прежним местам переселившихся в другие места крестьян. Если бы существовало какое-либо принудительное прикрепление крестьян к земле, то это, безусловно, нашло бы отражение в документе.

Относительно отсутствия крепостничества в Средней Азии в интересующее нас время писал В. Л. Вяткин. В документах

вакфа Ходжи Ахрара «имеется пункт, по которому селения, мечети, кладбища, дороги и арыки общественного пользования, расположенные в черте вакуфной площади, исключаются из числа жертвующей в вакф земли.⁵⁰⁹ Если бы в вакф передавались селения, т. е. постройки в них, то, несомненно, в документах они описывались бы, как описываются мельницы и толчеи, отчуждаемые в вакф. Точно также отсутствие в документах перечисления людей является свидетельством того, что крестьяне селений крепостными не были... Документы Ходжа Ахрара... свидетельствуют о том, что предметом владения была только земля, но не люди на ней. Прикрепленных к земле людей не было».⁵¹⁰

П. П. Иванов при характеристике хозяйства Ходжи Ахрара также придерживается мнения об отсутствии крепостничества в Средней Азии. Он пишет: «Вряд ли можно сомневаться, что барской запашки и крупного помещичьего хозяйства, основанного на принудительном труде лично зависимых крестьян, не существовало, как не существовало такого типа хозяйства в Средней Азии и в более позднее время».⁵¹¹

Таким образом, приведенные слова В. Л. Вяткина и П. П. Иванова подтверждают правильность нашего вывода об отсутствии крепостничества в Средней Азии в Тимуридскую эпоху.

Однако сказанное не означает, что при Тимуре и Тимуридах вообще зависимость крестьян от феодала не существовала. Безусловно, и тогда какие-то смягченные формы зависимости крестьян от землевладельца существовали. Так, мы в главе III рассмотрели, что крестьяне обязаны были пасти скот феодалов и выполнять некоторые другие повинности в их пользу. Но наиболее тяжелая форма феодальной зависимости крестьян—прикрепление к земле, запрещение перехода от одного землевладельца к другому в Средней Азии XV в. не имела места.

В этом отношении исключительно важное значение имеют слова В. И. Ленина относительно различных форм зависимости крестьян от феодала: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неравноправностью крестьянина».⁵¹²

В XVI—начале XIX в. крестьяне также юридически не были прикреплены к земле, хотя фактически находились в личной зависимости от феодалов, платили им различные налоги и выполняли многочисленные повинности.⁵¹³

Относительно экономического положения крестьян при Тимуре и Тимуридах мы привели имеющиеся в источниках сведения в главе III, в связи с рассмотрением вопроса о податной системе государства. Значительный интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о посаженных на землю рабах.

При Тимуридах, как и ранее, на самом низу по своему положению в обществе стояли рабы. Рабство имело широкое распространение и в предшествующие века. Чрезвычайно широкое распространение получает рабство в связи с монгольским завоеванием. В ходе завоевания захваченные в плен громадные массы населения обращались монголами в рабов. «Применение рабского труда в сельском хозяйстве является для этого периода бесспорным фактом».⁵¹⁴

В XIII—XIV вв., в связи с войнами и работоторговлей все время рабы и рабыни продолжали поступать в Иран и Среднюю Азию из Малой Азии и Индии.⁵¹⁵

Новый толчок к развитию рабства был дан в результате завоеваний Тимура. Сообщения источников этого периода свидетельствует о том, что одной из главных целей походов Тимура являлся массовый захват в плен жителей этих стран и обращение их в рабов. Не останавливаясь на перечислении многочисленных сообщений источников о захвате пленников-рабов, для того чтобы яснее представить внушительные цифры захвата во время этих походов, мы приведем только несколько примеров.

Согласно Мирхонду, во время похода против Тохтамиша в 1391 г. войсками Тимура было захвачено в плен такое огромное количество рабов и рабынь, кроме разных видов животных и имущества, что только для Тимура было выделено из числа этих пленников 5 тыс.⁵¹⁶

Особенно было велико число захваченных пленников-рабов войсками Тимура во время индийского похода 1398—1399 гг. По словам Гийассадинна Али, после захвата г. Дели войсками Тимура «каждый воин выводил за город по 150 мужчин, женщин и детей, считая их (своими) пленниками, так что у самого последнего солдата оказывалось двадцать пленников».⁵¹⁷ Было велико число пленников, захваченных войсками Тимура, и во время сражений у горы Суалик. Наш автор сообщает, что «столько попало слугам (его величества) молчащей и говорящей добычи, что она не поддавалась никакому учету! Достаточно сказать, что каждый из военных захватил по сто, по двести коров и по десяти, по двадцати пленников».⁵¹⁸

Нег надобности в приведении других примеров. И сказанного достаточно, чтобы представить себе огромное число захваченных войсками Тимура во время этого похода пленников-рабов. К этому только добавим слова Даулетшаха, который писал, что после индийского похода Тимура Хорасан был до такой степени насыщен индийскими рабами, что стал вторым Индостаном.⁵¹⁹

При Тимуридах приток рабов из Индии в Иран и Среднюю Азию постоянно продолжался. Так, во время правления султана Хусейна на невольничьем рынке одного только г. Герата ежегодно продавалось около 20 тыс. индийских и тюркских рабов, при этом цены на раба были высокими.⁵²⁰

Отметим, что источники упоминают отдельных лиц, которые имели большое количество рабов. Так, Хондемир сообщает о некоем мавлово Шахабаддин Абд ал-Рахман Лисоне, одном из придворных Шахруха, который за короткий срок приобрел столько богатства, что стал владельцем тысячи рабов, купленных им за золото (хазор гуломи зархарид дошт). Другое его имущество соответствовало этому.⁵²¹

Труд рабов применялся в ремесленных мастерских, в домашнем обиходе, на больших стройках, проводимых государством. У Тимура был даже десятитысячный отряд, составленный из рабов, купленных им за золото, который использовался в качестве личной охраны государя.⁵²² Но как и ранее, несомненно, немалое количество рабов было занято в сельском хозяйстве. Убедительным доказательством этому может служить то, что некоторые вакфодатели, обращая свои земли в вакф, для того чтобы постоянно обеспечивать их рабочей силой, одновременно обращали в вакф рабов и рабынь. Об этом имеются данные и для времени, предшествующего захвату власти Тимуром.

Так, в вакфной грамоте мавзолея Сайфиддина Бохарзи 1326 г. вакфодатель одновременно с земельными угодьями, расположенными в окрестности г. Бухары, обращает в вакф 18 рабов разных народностей: монголы, тюрки, индусы и др., предназначая их для сельскохозяйственных работ на землях вакфного учреждения.⁵²³

Для Тимуридской эпохи важное сообщение по этому вопросу сохранилось в вакфной грамоте мавзолея Ишратхана. Вакфодательница обращала в вакф 32 раба и рабыни, назначив часть из них для сельскохозяйственных работ в вакфном учреждении, а некоторых в качестве слуг в самом мавзолее.⁵²⁴ Через некоторое время вакфодательница обратила в вакф в пользу названного мавзолея еще 12 рабов и ра-

бынь.⁵²⁵ Интересно, отметить, что, согласно условиям этого вакфа, каждый семейный раб и рабыня ежегодно из доходов вакфа получали по 204 фельса и 24 мана зерна трех сортов по большому самаркандскому весу. Каждый несемейный раб и рабыня ежегодно получали 104 фельса и 12 манов зерна; а после вступления в брачный союз—долю, равную доле семейного раба и рабыни.⁵²⁶

По подсчетам Е. А. Давидович, большой самаркандский ман равнялся 19,2 кг.⁵²⁷ Следовательно, ежегодно содержание каждого семейного раба и рабыни в этом вакфном учреждении составляло примерно 461 кг зерна трех сортов.⁵²⁸

В вакфной грамоте Ходжи Ахрара также указано, что вакфодатель вместе с земельными угодьями и другим имуществом обращал в вакф 17 рабов-индусов.⁵²⁹

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что труд рабов применялся и в сельском хозяйстве.

Применение труда рабов в сельском хозяйстве имело место и в XVI в. П. П. Иванов, характеризуя хозяйство Ходжи Са'да, пишет: «Наряду с крестьянами, в обработке земель Ходжи Са'да участвовали также рабы. Феодальная эксплуатация, таким образом, переплеталась, как это было нередко в Средней Азии, с эксплуатацией рабского труда в сельском хозяйстве. Абуль-Аббас при перечислении различных видов имущества Са'да, между прочим, отмечает, что «его святейшеству» принадлежала также тысяча рабов (барде) из калмыков, русских и индусов, часть которых была занята на полевых работах, часть участвовала при постройке различных зданий или пасла стада, а остальные прислуживали в доме».⁵³⁰

Рассмотренные вакфы свидетельствуют о том, что крестьяне в XV в. по своему положению были неоднородными. Основную массу крестьянства составляли малоземельные и безземельные крестьяне. Хотя юридически они являлись лично свободными, но зависимость крестьян от феодалов имела место и в Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное выше дает основание прийти к следующим выводам.

1. Средняя Азия — один из самых древнейших районов земледелия на земном шаре. Население Средней Азии еще в эпоху бронзы занималось возделыванием многих культурных растений. Для первого тысячелетия до нашей эры мож-

но говорить о возделывании, наряду с зерновыми и масличными культурами, также и бахчевых. Были известны садовые культуры: урюк, персик, слива; особое место занимало виноградарство и виноделие.

В VII—X вв. наблюдается подъем сельского хозяйства в большинстве районов Средней Азии. К этому времени самым богатым сельскохозяйственным районом Средней Азии был Согд. Население его выращивало пшеницу, рис, просо, ячмень, бобовые и другие культуры. Особенно высокого уровня в рассматриваемое время достигло садоводство. Были широко распространены абрикос, персик, груша, яблоня, черешня, слива, миндаль, орех, тутовые деревья и разные виды винограда. В X в. развитыми сельскохозяйственными районами были долины рр. Зеравшан, Кашка-Дарья, а также Фергана и Усрушана. Земледелие развивалось и в южных районах Средней Азии—Кувадианс, Чаганиане, Хутталяне и Бадахшане.

Упадок сельского хозяйства наступил в начале XIII в. в связи с монгольским завоеванием. Но начиная со второй половины XIII в. и в XIV в. в развитии сельского хозяйства были достигнуты некоторые успехи. Одним из основных по возделыванию зерновых культур в XIV—XV вв. был район Мерва, откуда в большом количестве зерно получало гератское население. Другим районом возделывания зерновых был Термез, где также в большом количестве сеяли пшеницу и ячмень. Хорезм, где посевы не могли обеспечить потребности жителей, получал пшеницу и ячмень из Термеза.

Сорта пшеницы были весьма многочисленны: гандуми оби, гандуми сафидча, сурхаки бахори, уштур дандон, канаб гандум, калла гандум, гул гандум, панк гандум, сийох доса и др. Некоторые из упомянутых сортов пшеницы возделывались во многих районах Средней Азии и в последующие века. В начале нынешнего века уштур дандон считался одним из самых лучших сортов Средней Азии.

Богатыми районами по производству риса были Самарканд, Мургаб и Меручаке. Население сеяло и ряд других культур: просо (арзан), чечевицу (наск), горох (нухуд), зеленый горох (маш) и др.

В XIV—XV вв., как и ранее, садоводство было одной из основных отраслей сельского хозяйства Средней Азии. Оно главным образом было распространено на землях с искусственным орошением в долинах многочисленных рек Средней Азии.

Садоводство было развито в Самарканде. Наилучшими сортами плодовых Самарканда, отличавшимися хорошими

вкусовыми качествами плодов, были яблони — себи сурх, гулоби, абади, ашкувона, камзак; урюк — арусак, мамури; персик — хоссаи донаширин; слива — олуи сурх; гранат — анори хукка; груша — мунаккид, шарбати наботи и др.

Развитым районом садоводства была Бухара. Особенно славилась бухарские сливы, которые вывозили во многие страны. Бухарские сливы (али бухари) выращивались также и в некоторых других местах. Хорошие плоды выращивались и в Ходженте. Особенно славилась ходжентский миндаль, гранаты и груши. В Канд-и-Бадаме особенно развито было выращивание миндаля. Андижан славился своими грушами. Хорошие гранаты и урюк в обилии выращивались в Маргинане. Лучшими из них считались гранат сорта донакалон и урюк сорта субхани. В Мерве садоводство было, очевидно, менее развитой отраслью сельского хозяйства, чем зерновое. Среди плодов Мерва самыми замечательными были мервские груши. В садах Средней Азии были распространены еще вишня (алу-балу), черешня (гилос), фи́га (анджир), различных сортов джида (санджид) и др.

При Тимуре и Тимуридах, как и в предыдущие века, виноград в Средней Азии был чрезвычайно широко распространенной культурой. В источниках этого периода имеется много сведений о возделывании этой культуры в ряде районов Средней Азии: Самарканде, долине Кашка-Дарьи, Андохое и др.

Лучшими сортами Самаркандского винограда были шакар-ангур, сохиби, хусайни, лали як дона. В садах Ташкента выращивались сорта сохиби, хусайни, бобаки, кузоки и шакарангур. Были распространены сорта йакути, фахри, ангушти арусак, джихонорой, кундузи, шабургани и др. Отметим, что многие из вышеупомянутых сортов винограда распространены в Средней Азии и в наши дни.

Данные источников свидетельствуют о том, что урожай винограда частью сушился, а частью шел на изготовление вина.

Бахчеводство и овощеводство в сельском хозяйстве Средней Азии занимали также очень важное место. Среди бахчевых культур первое место занимала дыня. Относительно разных сортов этой культуры в источниках имеется много сведений. Одним из наиболее развитых районов по выращиванию дыни был район Мерва, где она даже служила предметом вывоза в другие места. Дыни в обилии выращивались в Самарканде, Бухаре, Карши, Фергане, Хорезме и других местах. Сорта дынь были многочисленны.

Сообщения источников о производстве арбузов менее подробны, но все же эти данные свидетельствуют о том, что и эта культура возделывалась во многих местностях Средней Азии.

Из овощных и пряных культур население выращивало лук, морковь, репу, капусту, редьку, разные виды тыкв, перец и др.

Среди технических растений одним из наиболее важных был хлопчатник, который выращивался в Самарканде, Кеше, Мерве, Балхе, Хутталяне и других местах. Население еще возделывало коноплю, лен, шафран и другие культуры.

2. В интересующее нас время государственные земли по своим размерам занимали важнейшее место среди других категорий землевладения. При Тимуридах известны под названием земли мамлака.

Государственные земли послужили фондом для образования особой категории условного землевладения—суюргала.

Вначале передача земель в суюргал имела временный характер. Владелец суюргала юридически не являлся собственником пожалованного владения. Собственником владений продолжало оставаться государство. Размеры земельных участков, выдаваемых представителями государственной власти тому или иному лицу на основе ленной службы, были разные. Владельцы такого суюргала взимали с жителей, получивших в лен земельные наделы, налоги, подати и повинности, которые раньше поступали в распоряжение центральной власти. В большинстве случаев земельные наделы выдавались тому или иному эмиру, военачальнику или даже отдельным воинам в качестве вознаграждения за военную службу, за проявление храбрости и мужества во время боев и пр., но также были случаи, когда земельные наделы в качестве суюргала получали отдельные чиновники из государственного аппарата и некоторые влиятельные духовные лица.

В источниках времени правления Тимура среди лиц, получивших суюргалы, упомянуты сыновья и внуки самого Тимура. Имеется также ряд сообщений, в которых суюргалом называются владения, которые Тимур оставлял за прежними владельцами, если последние по требованию Тимура без сопротивления подчинялись ему.

Дальнейшим этапом в развитии института суюргала является время правления Шахруха. Сразу после смерти Тимура, когда между его наследниками разгорелась ожесточенная борьба за власть, Шахрух в целях привлечения на свою сторону влиятельных военачальников Тимура пожаловал им в суюргал земельные наделы разного размера. Шахрух также

раздавал уделы в качестве суюргала своим сыновьям и племянникам. При нем в большинстве случаев суюргалы передавались по наследству. После смерти Шахруха в истории владений Тимуридов суюргал продолжает занимать весьма существенное место.

Так, при Абуль-Касиме и Абу Саиде пожалования в суюргал производились в широких размерах. Сыновья Абу Саида, став удельными правителями, также стали раздавать в виде суюргала земельные наделы и города.

В государстве султана Хусейна пожалование уделов в суюргал царевичам и знатым людям практиковалось особенно широко. Факты позволяют говорить, что суюргал как институт феодального землевладения приобрел важнейшее значение во всей системе феодальных отношений в государстве Тимуридов.

Помимо суюргальных пожалований, при Тимуре практиковалось и тарханное пожалование. Тарханное пожалование означало освобождение земель лиц, получивших тарханство, от всех налогов в пользу государства. От тархана не брали также и улаг. Но сама тарханная грамота не предполагала пожалование земли. Земли тарханов, освобожденные от налогов, находились в их собственности еще раньше. Тарханы имели еще ряд особых прав. Тарханские грамоты выдавались главным образом лицам, принадлежащим к военному сословию. В некоторых случаях Тимур жаловал тарханство и некоторым сеидам и другим представителям духовенства. Пожалование звания тархана практиковалось и при Тимуридах. Отдельные тарханы являлись собственниками очень больших земельных угодий, занимали высокое положение в государстве и правили отдельными областями.

При Тимуре и Тимуридах, как и в предшествующее время, земельная собственность частных лиц, не связанная со службой государству и свободно передаваемая по наследству, называлась мульк. Кроме земель, мульками могли быть также каналы. Мульковые земли разделялись на мульки, облагавшиеся податью в пользу дивана (государства), и мульки, освобожденные от податей, ставшие известными в конце тимуридского времени под названием мульки мутлак.

Мульковые земли, облагавшиеся податью, разделялись, как и прежде, на хараджные и ушровые.

Данные источников подтверждают то обстоятельство, что основная масса мульковых земель являлась собственностью крупных феодалов.

В источниках имеются сведения о ряде крупных землевладельцев Тимуридской эпохи: Алике Кукельташе — воспитате-

ле Шахруха; эмире Фирузшахе, Абдал Карим Ашрафе—саяновике султана Ахмеда.

Крупнейшим духовным феодалом второй половины XV в. был Ходжа Ахрар. Он в течение небольшого промежутка времени прибрал к рукам громадные земельные массивы. Его земли были расположены во многих районах Мавераннахра.

К числу крупнейших землевладельцев эпохи Тимуридов принадлежали и поэты Абдуррахман Джами, Алишер Навои и др.

Влияние крупнейших землевладельцев при дворах Тимуридов сильно возрастает в период междоусобиц. Некоторые из них, используя свою силу и богатство, часто проявляют непокорность и выступают против правителей.

При Тимуридах были и собственники мелких участков мельниковых земель.

При Тимуре и Тимуридах, как и в предыдущие века, в вакф обращалось движимое и недвижимое имущество — обрабатываемые земли, каналы и другие оросительные сооружения, ремесленные мастерские, лавки, караван-сарай, а также рабы, рабочий скот и пр.

Вакфное имущество передавалось в пользу религиозных учреждений—мечетей, медресе, дервишских обитателей (ханакко), гробниц святых и государей и т. д. Доходы некоторых мазаров были очень большими.

Хозяйством каждого вакфного учреждения ведал мутаваллий вакфа, который с дохода управляемого им вакфа получал как ал-тоулийа (букв. «доля за управление»). Доля мутаваллия с доходов вакфа определялась согласно условиям, поставленным вакфодателем, и не была одинаковой.

Общий контроль за вакфными учреждениями страны осуществлялся специальным учреждением во главе с садром. Такое положение было унаследовано от предшествующего времени. Только в потомственных вакфах должность мутаваллия переходила по наследству и садр не имел права смешать с должности мутаваллиев этих вакфов, хотя эти вакфы находились под контролем садра и его чиновников.

Источники сохранили много данных, свидетельствующих о том, что борьба между должностными лицами вакфных учреждений за присвоение доходов вакфов была очень острой. При Тимуре и первых Тимуридах вакфы в большей своей части пользовались налоговым иммунитетом и ничего не платили в пользу дивана.

Но ряд вакфных документов, относящихся ко второй половине XV в., свидетельствует о том, что к этому времени, по крайней мере, часть вакфов была обложена налогами.

3. Рассмотренные сообщения источников свидетельствуют о том, что Тимур в отношении взимания хараджа с населения Мавераннахра придерживался умеренной политики. Проводя такую политику, Тимур имел в виду прежде всего интересы казны. Он понимал, что злоупотребления налоговсборщиков ослабляли и разоряли хозяйства крестьян и тем самым нарушали нормальное поступление податей в казну.

При Шахрухе в налоговой системе государства, по-видимому, особых изменений не произошло.

Источники этого периода не содержат сведений относительно размера хараджа. Возможно, размеры хараджа при правлении Шахруха были такими же, как и при Тимуре. После смерти Шахруха, во время междоусобных войн между его наследниками, случаи взимания чрезмерных податей с населения и притеснения подданных участились. Каждый царевич, захватывая власть в той или иной области, нуждаясь в средствах для обеспечения своих войск, прибегал к незаконному обложению населения налогами. Взимание этих налогов часто было связано с насилием. Иногда в результате быстрой смены власти одних царевичей другими с населения взимались сразу подати нескольких лет. Это приводило к разорению крестьян и городской бедноты. Но с постепенным укреплением власти султана Абу Саида в стране снова восстанавливается нормальное положение. Абу Саид старался не допускать произвола при взимании податей. После гибели Абу Саида, когда в стране снова разгорелась междоусобная борьба за власть, участились случаи нарушения установленной нормы податей.

Рассмотренные данные говорят о том, что при Тимуре и Тимуридах харадж частью взимался деньгами, частью натурой.

Эти данные позволяют говорить, что размер хараджа в основном равнялся одной трети урожая и этой нормы придерживались в течение ряда веков, хотя в некоторых случаях размеры хараджа и повышались, а иногда, возможно, и понижались.

Источники для разных категорий феодальной земельной собственности одной и той же области в основном называют одни и те же нормы ренты. Это свидетельствует о том, что нормы ренты, взимаемой с крестьян всех категорий земель, были равными.

Помимо земельной ренты, т. е. хараджа, в описываемое время существовал ряд других податей. Об этих податях мы узнаем из документальных и исторических источников.

К ним относятся подати: сар-дарахт, даругона, хаккл'ал-авариджа, мир-хазарана, дуди, сар-шумор, ясовули, пишкаш, номбардор кушуни, зари лашгар, ихраджат, хараджати иттифаки, харджи ка-а, ихраджати сана и др.

Крестьяне обязаны были выполнять и ряд повинностей, из которых следует отметить бигар — отработочная рента. Бигар означал принудительные работы по рытью каналов, каризов, их периодической чистке, постройке мостов и т. д. Сроки бигара для различных областей, по-видимому, были неодинаковыми и зависели от местных условий.

4. В источниках Тимуридской эпохи обычно в отношении крестьян употребляется термин «риойо», что в широком смысле обозначает всех крестьян, платящих подати. Несмотря на то, что по данному вопросу сведения наших источников незначительные, все же анализ их свидетельствует о том, что крестьяне по своему положению были неоднородными.

Среди крестьян мы можем выделить категорию собственников мелких участков земель. Они сами обрабатывали свои земли и могли свободно распоряжаться ими на правах личной собственности.

К другой категории крестьян следует отнести арендаторов-издольщиков. В источниках и документах эти крестьяне названы арабским термином «музорион» и таджикским «корандахо». Положение арендаторов было значительно тяжелее, чем крестьян, владеющих мульковыми землями.

К третьей категории следует отнести крестьян-общинников. Источники никаких сведений о внутреннем устройстве общины и положении крестьян-общинников не дают.

Источники свидетельствуют о том, что к этому времени крепостничество или какие-то формы принудительного прикрепления крестьян к земле вообще не имели места и крестьяне при Тимуридах юридически были лично свободными людьми и имели право свободного передвижения с одного места на другое.

При Тимуридах, как и раньше, на самом низу по своему положению в обществе стояли рабы. Рабство имело широкое распространение и в предыдущие века. Новый толчок к развитию рабства был дан завоеваниями Тимура. Источники упоминают отдельных лиц, которые имели большое количество рабов. Факты говорят, что труд рабов применялся в ремесле, в домашнем обиходе, на больших стройках. Но немалое количество рабов было занято и в сельском хозяйстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Низамаддин Шамн. Зафарнома, т. I. Прага, 1937.

² Мавлоно Шарафиддин Али Язди. Зафарнома. Тегеран, 1366 г. х. (шамси).

³ Гийассадин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Перевод с персидского А. А. Семенова. М., 1958.

⁴ Клавихо Рюи Гонзалес. Жизнь и деяния великого Тамерлана. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Сб. Отд. русского языка и словесности, т. 28. СПб., 1881.

⁵ Муинаддин Натанзи. Мунтахаб ат-таварихи Муини. Тегеран, 1336 (1958).

⁶ Абдурраззак Самарканди. Матла'ас са'дайн ва маджма'ал-бахрайн, т. II, Лахор, 1368 (1949).

⁷ Мирхонд. Роузат ас-сафа. Лукноу, 1891.

⁸ Хондемир. Хабиб ас-сияр. Тегеранское изд-е, 1955.

⁹ Захириддин Бабур. Бабурнаме. Ташкент, 1958.

¹⁰ Исфизари Муинаддин Мухаммад. Роузат ал-джанат фи оусаф-и Мадинат-и Херат, т. 2. 1338—1339 (1959—1960).

¹¹ Хафизиб Абуру. Пандж рисолаи таърихи. Прага, 1958; Зейли-джамии ат-таварих. Тегеран, 1317 (1938).

¹² Рук. ИВ АН Уз. ССР, № 565/11. А. А. Семенов на основании пометки на полях автором рукописи называет «некоего Ниязи». «Иршад аз-зироат» издан в Тегеране, где автором назван Фазиль Харевн. Поэтому И. П. Петрушевский определяет А. А. Семенова считает ошибочным (см. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, стр. 26).

¹³ Автором использовано несколько списков труда Абд Аллаха Марварида «Тарассул» из библиотеки Ленинградского отделения Института народов Азии, шифры С-1545; С-333; В-580. Сборник известен под названиями «Инша», а также «Тарассул» и «Шарафнома». В 1952 г. в Германии Г. Р. Ремер издал в факсимиле сборник документов Абд Аллаха Марварида. Сборник был издан по рукописи Стамбульского университета под шифром Г-87, датируемой 1551 г. (См. Staatsschreiben der Timuriden Zeit Das Saraf-nama des Abdallah Marwarid Von Hans Robert Roemer. Wiesbaden, 1952 (в дальнейшем Г. Р. Ремер. Шарафнома). Об этом сборнике см. также Rien Catalogue of the Persian manuscripts in the Britis Museum, т. III, 1883, стр. 1094 А.

¹⁴ О. Д. Чехович. Вакфный документ времени Тимура из коллекции Самаркандского музея. Эпиграфика Востока, IV, 1951.

¹⁵ В. Л. Вяткин. Вакфный документ Ишратхана. Мавзолей Ишратхана. Моногр. сб. под ред. проф. М. Е. Массона. Ташкент, 1958.

¹⁶ Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Гос. изд-во Афганистана «Энис Мухаммад Ибрагим Аббас», 1338 (шамси). Первая васика.

- ¹⁷ В. В. Бартольд. Хафиз Абу и его сочинения. Ал-Музаффарайа. Сб. ст. учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897.
- ¹⁸ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пг., 1918.
- ¹⁹ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1902.
- ²⁰ В. В. Бартольд. Мир-Али-шир и политическая жизнь. Сб. Мир-Али-шир. Л., 1928.
- ²¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.
- ²² А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейн мирзы. Изв. Отд. общ. наук. АН Тадж. ССР, 4. Душанбе, 1953.
- ²³ А. А. Семенов. Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейн мирзы. Исследования по истории культуры народов Востока (Сб. в честь акад. И. А. Орбели). М.—Л., 1960.
- ²⁴ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. Матер. по археол. России, 16. СПб., 1894.
- ²⁵ А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои. Родоначальник узбекской литературы. Сб. ст. об А. Навои. Ташкент, 1940.
- ²⁶ Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в. Великий узбекский поэт. Сб. под ред. М. Т. Айбека. Ташкент, 1948.
- ²⁷ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
- ²⁸ А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху XIV—XV вв. «Историк-марксист», № 4, 1941.
- ²⁹ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.
- ³⁰ С. Азимджанова. Из истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957.
- ³¹ С. Азимджанова. Некоторые экономические взгляды Захриддина Мухаммада Бабура. Сб. ст. Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв. Ташкент, 1961.
- ³² П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954.
- ³³ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 104—105.
- ³⁴ Там же, стр. 106.
- ³⁵ Там же, стр. 108.
- ³⁶ Там же, стр. 105.
- ³⁷ Там же, стр. 113—114.
- ³⁸ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, стр. 48.
- ³⁹ Там же, стр. 65.
- ⁴⁰ С. К. Кабанов. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала. История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 173.
- ⁴¹ Там же, стр. 173—174.
- ⁴² Бабурнаме, стр. 60.
- ⁴³ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 65.
- ⁴⁴ Там же, стр. 52.
- ⁴⁵ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 71.
- ⁴⁶ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 176.

⁴⁷ Абд Аллах Марварид. Тарассул, рук. С-333, л. 27 б, 28 а, б; рук. В-580, л. 24 б, 25 а, б.

⁴⁸ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды. Изв. АН Туркм. ССР, сер. общ. наук, № 2, 1961, стр. 33.

⁴⁹ Гийассаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию, стр. 181—182.

⁵⁰ Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. 1, стр. 85.

⁵¹ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 115.

⁵² М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1964, стр. 33.

⁵³ С. А. Азимджанова. Об одном документе по водным отношениям в Средней Азии. Изв. АН Уз. ССР, сер. общ. наук, 3, 1957, стр. 24.

⁵⁴ М. А. Абдураимов. Очерк аграрных отношений, стр. 26.

⁵⁵ В. Ф. Гайдукевич. К истории древнего земледелия в Средней Азии. Вестн. древн. истории, 3, 1948, стр. 196.

⁵⁶ Там же, стр. 195.

⁵⁷ История Уз. ССР, т. 1, кн. первая. Ташкент, 1955, стр. 44.

⁵⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 10.

⁵⁹ История Уз. ССР, т. 1, кн. 1, стр. 77.

⁶⁰ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 118. М.—Л., 1962, стр. 17.

⁶¹ Там же, стр. 75.

⁶² Там же, стр. 84.

⁶³ Там же, стр. 173.

⁶⁴ Ф. А. Заславская. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени. История матеральной культуры. Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 46.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957, стр. 82.

⁶⁸ Там же, стр. 89.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, стр. 82.

⁷² Там же.

⁷³ А. Джалилов. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. Душанбе, 1961, стр. 40—41.

⁷⁴ В. В. Данилевский, В. Н. Кононов, А. А. Никитин. Исследование растительных остатков из раскопок Согдийского замка VIII века на горе Муг в Таджикистане. Растительность Таджикистана и ее освоение. Тр. Таджикск. базы АН СССР, т. VIII. М.—Л., 1940, стр. 479 и др.

⁷⁵ Извлечение из книги «Пути и страны» Абул-л-Касыма Ибн-Хаукаля. (Перевод Е. К. Бетгер. Тр. САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии, IV, вып. CXI. Ташкент, 1957, стр. 15).

⁷⁶ Там же, стр. 14.

⁷⁷ Там же, стр. 17.

⁷⁸ Там же, стр. 18.

⁷⁹ Там же, стр. 20.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

- ⁸² Там же, стр. 25—26.
- ⁸³ Там же, стр. 23—24.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, стр. 21.
- ⁸⁶ Там же, стр. 18.
- ⁸⁷ Там же, стр. 21.
- ⁸⁸ Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье, стр. 89.
- ⁸⁹ Извлечение из книги «Пути и страны» Ибн-Хаукаля, стр. 24.
- ⁹⁰ В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 72—73.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² А. М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хуттала с древнейших времен до X в. н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР, 15, стр. 121.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 72.
- ⁹⁵ Там же, стр. 153.
- ⁹⁶ Там же, стр. 141—142.
- ⁹⁷ Абурайхан Бируни. Избр. произв., 1. Ташкент, 1957, стр. 256—257.
- ⁹⁸ Там же, стр. 262—263.
- ⁹⁹ А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Матер. по ист. Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, вып. III. Л., 1938, стр. 45—46.
- ¹⁰⁰ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 35.
- ¹⁰¹ М. А. Абдураимов. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов. В сб. Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв. Ташкент, 1960, стр. 22.
- ¹⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI. Госполитиздат, 1929, стр. 494.
- ¹⁰³ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 55.
- ¹⁰⁴ Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура, стр. 213—214.
- ¹⁰⁵ Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. 1, стр. 173.
- ¹⁰⁶ Клавихо. Путешествие, стр. 327.
- ¹⁰⁷ Бабурнаме, стр. 11—12.
- ¹⁰⁸ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 112.
- ¹⁰⁹ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 135.
- ¹¹⁰ Клавихо. Путешествие, стр. 327.
- ¹¹¹ М. А. Абдураимов. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов, стр. 23.
- ¹¹² А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейн мирзы, стр. 77.
- ¹¹³ Иршад аз-зироат. Рук. Ин-та востоковедения АН Уз. ССР, инв. № 565, лл. 25 б, 26 а, б.
- ¹¹⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова-Тяньшанского, т. XIX, Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 442.
- ¹¹⁵ Иршад аз-зироат, л. 296.
- ¹¹⁶ И. П. Петрушевский. Полевые и огородные культуры в Иране XIII—XV вв. Византийский временник, т. IX, 1956, стр. 138—139.
- ¹¹⁷ В. В. Бартольд. Хафизи Абру и его сочинение, стр. 19.
- ¹¹⁸ Бабурнаме, стр. 63.
- ¹¹⁹ Иршад аз-зироат, л. 36 б.
- ¹²⁰ Россия, т. XIX, стр. 478—479.

- 121 В. В. Бартольд. Хафиз Аbru и его сочинение, стр. 24.
- 122 Бабурнаме, стр. 14.
- 123 Там же.
- 124 Там же, стр. 13.
- 125 Там же, стр. 12.
- 126 Там же, стр. 13.
- 127 Там же.
- 128 Шарафиддин Али Назди. Зафарнома, т. II, стр. 14—15.
- 129 С. Н. Кудряшев. Материалы по культурной флоре древнего Термеза XV в. Тр. АН Уз. ССР, сер. 1. История и археология. Термезск. археол. эксп., т. II. Ташкент, 1945, стр. 177.
- 130 В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 55.
- 131 История Туркменской ССР, т. 1. Ашхабад, 1955, стр. 335.
- 132 Иршад аз-зироат, лл. 31а, 36а.
- 133 Клавихо. Путешествие, стр. 219—220.
- 134 С. Н. Кудряшев. Ук. соч., стр. 187.
- 135 Клавихо. Путешествие, стр. 232—233.
- 136 Там же, стр. 325—326.
- 137 В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилоета, стр. 26.
- 138 Бабурнаме, стр. 12.
- 139 Назди. Зафарнома, т. II, стр. 15.
- 140 Бабурнаме, стр. 60.
- 141 А. Н. Болдырев. Зайнадин Васифи. Душанбе, 1957, стр. 297.
- 142 И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., стр. 225.
- 143 Бабурнаме, стр. 63.
- 144 Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXIII. Душанбе, 1960, стр. 101—102.
- 145 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 196.
- 146 Клавихо. Путешествие, стр. 213—214.
- 147 В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 72.
- 148 А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейна, стр. 75.
- 149 Клавихо. Путешествие, стр. 325—326.
- 150 Бабурнаме, стр. 63.
- 151 Там же, стр. 64.
- 152 Там же, стр. 70.
- 153 Там же, стр. 14—15.
- 154 В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 62.
- 155 И. П. Петрушевский. Полевые и огородные культуры в Иране XIII—XV вв., стр. 147.
- 156 «10 арбузов весили 120 гинов—4 пуда, или 64 кг» (см. И. П. Петрушевский. Полевые и огородные культуры, стр. 148).
- 157 В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 46.
- 158 Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, стр. 186.
- 159 Иршад аз-зироат, л. 29 а.
- 160 Там же, л. 41 а.
- 161 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 201.
- 162 История Туркменской ССР, т. 1, стр. 335.
- 163 М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений. Автореф. докт. дисс., стр. 29.
- 164 Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. «Хлопковое дело», № 11, 12, 1924, стр. 16.

- 165 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 196.
- 166 К л а в и х о. Путешествие, стр. 214.
- 167 Т а м ж е, стр. 223.
- 168 Т а м ж е, стр. 232—233.
- 169 Т а м ж е, стр. 232—233.
- 170 В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 72.
- 171 А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейна, стр. 79.
- 172 Россия, т. XIX. Туркестанский край, стр. 460.
- 173 Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, стр. 143.
- 174 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 192.
- 175 А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейна, стр. 77.
- 176 К л а в и х о. Путешествие, стр. 328.
- 177 История Уз. ССР, т. I, кн. I, стр. 196.
- 178 И. П. Петрушевский. Полевые и огородные культуры, стр. 141.
- 179 М. А. Абдураимов. К изучению истории социально-экономической жизни государства Тимуридов, стр. 23.
- 180 К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV. Госполитиздат, 1933, стр. 14.
- 181 И. П. Петрушевский. Земледелие.
- 182 П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.
- 183 А. Ю. Якубовский. История Уз. ССР, т. I, кн. I. Ташкент, 1955.
- 184 Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук, 1(24), 1961.
- 185 О. Д. Чехович. Бухарские поземельные акты XV—XIX вв. Пробл. востоковед., IV, М., 1955.
- 186 Р. Н. Набиев. Некоторые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв. Изв. АН Уз. ССР, сер. общ. наук, 13, 1959.
- 187 В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, т. 3. Госполитиздат, 1946, стр. 158—159.
- 188 История Уз. ССР, т. I, кн. I, стр. 205—206.
- 189 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 234—235.
- 190 К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, перевод И. И. Скворцова-Степанова. Госполитиздат, 1950, стр. 804.
- 191 О. Д. Чехович. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. Ист. зап., 33, стр. 259.
- 192 Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 184.
- 193 А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху. Сов. востоковед., V, 1948, стр. 112.
- 194 О. Д. Чехович. Вакфный документ времени Тимура, стр. 56—57.
- 195 О. Д. Чехович. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара. Ист. зап., 29, стр. 241.
- 196 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 277.
- 197 О. Д. Чехович. Вакфный документ времени Тимура, стр. 56—57.
- 198 Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономических и социальных отношений в Средней Азии XVI в., стр. 37.
- 199 М. А. Абдураимов. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан (XIX—начало XX в.). Сов. этногр., 4, 1959, стр. 43—45.

- 200 Там же, стр. 45.
- 201 Там же, стр. 52.
- 202 К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 630.
- 203 В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, изд-е 4-е. Госполитиздат, 1946, стр. 332.
- 204 Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в. М.—Л., 1962, стр. 120.
- 205 Там же, стр. 120—121.
- 206 Йазди. Зафарнома, т. II, стр. 13—16.
- 207 Бабурнаме, стр. 60.
- 208 Шами. Зафарнома, стр. 167.
- 209 Бабурнаме, стр. 60.
- 210 Там же.
- 211 Там же, стр. 61.
- 212 Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 215.
- 213 Г. А. Пугаченкова. Садово-парковое искусство в эпоху Тимура и Тимуридов. Тр. Среднеаз. гос. ун-та. История, нов. сер., вып. XXIII, Гуманитарные науки, кн. 4. Изд-во САГУ, Ташкент, 1951, стр. 147—148.
- 214 Там же.
- 215 Там же.
- 216 Йазди. Зафарнома, т. II, стр. 18.
- 217 Гийассаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. Перевод с персидск. А. А. Семенова, стр. 186.
- 218 Бабурнаме, стр. 61—62.
- 219 М. А. Орлов. Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма. Археол. и этногр. работы Хорезмск. эксп. 1945—1948 гг. Тр. Хорезмск. археолого-этногр. эксп., т. I. М., 1952, стр. 172.
- 220 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 273.
- 221 Б. Н. Заходер. Империя Тимура. Ист. журн., 6, 1941, стр. 79.
- 222 А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху, стр. 46. В первые годы правления Тимура, согласно словам Натанзи, Одил шах Джалаир на правах икта владел городом Ходжентом. В других источниках времени правления Тимура и Тимуридов мы термин «икта» не встречали. Поэтому определить отличие икта от суюргала мы не могли (см. Мунтахаб ат-таварихи Муни, стр. 414).
- 223 Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 257.
- 224 Шоми. Зафарнома, стр. 95.
- 225 Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 278.
- 226 Там же, стр. 44.
- 227 Шоми. Зафарнома, стр. 157.
- 228 Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 322.
- 229 Там же, стр. 122.
- 230 В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 17. Ибн Арабшах, рассказывая о пожаловании Тимуром Сейиду Барака г. Андхоя, вместо термина «суюргал» употребляет термин «икта» и также утверждает, что Андхой до сего времени находится во владении потомков Сейида Барака.
- 231 Гийассаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию, стр. 176—177.
- 232 Шоми. Зафарнома, стр. 135.
- 233 Там же, стр. 119.
- 234 Йазди. Зафарнома, т. II, стр. 406.
- 235 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. 6, стр. 167.
- 236 Шоми, Зафарнома, стр. 156.

- 237 Там же, стр. 153.
- 238 Там же, стр. 145; И а з д и. Зафарнома, т. I, стр. 469.
- 239 Там же, стр. 88—89.
- 240 Там же, стр. 164.
- 241 И а з д и. Зафарнома, т. I, стр. 550.
- 242 Ха ф и з и А б р у. Пандж рисолаи та'рихи. Прага, 1958, стр. 56.
- 243 А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране, стр. 51.
- 244 Там же, стр. 50.
- 245 Там же.
- 246 Там же.
- 247 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 212. Согласно Кондемиру, Туман-аге был пожалован в суюргал г. Кусуйэ. (Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, стр. 584).
- 248 А б д у р р а з з а к С а м а р к а н д и. Матла'ас са'дайн, т. I. Из Хранилища Лен. отд. Ин-та народов Азии АН СССР, шифр Р $\frac{К}{466}$, стр. 148.
- 249 А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране, стр. 51.
- 250 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 225.
- 251 Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, стр. 614.
- 252 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 244.
- 253 Хондемир. Хабиб-ас-сияр, т. III, стр. 634.
- 254 А б д а р р а з з а к С а м а р к а н д и. Матла'ас са'дайн, т. I, стр. 569.
- 255 Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, стр. 625.
- 256 А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране, стр. 53.
- 257 Там же, стр. 54.
- 258 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 254.
- 259 Там же, стр. 265.
- 260 Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1074.
- 261 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 272.
- 262 Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1082.
- 263 И с ф и з а р и. Роузат ал-джаннат. Рук., принадлежащая ст. научн. сотр. Ин-та ист. АН Тадж. ССР А. К. Писарчик, л. 184а.
- 264 В. Минорский. Суюргал Касим б. Джахангир Ок-Куюнлу (903/1498), стр. 944; V. Minor sky. Soyūrghal of Qasim b. Jahangir Ag-goyunlu (903/1498). Reprinted from the Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London), vol. IX, part. 4.
- 265 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 284.
- 266 С. Азимджанова. Из истории Ферганы второй половины XV в., стр. 16—17.
- 267 Бабурнаме, стр. 16.
- 268 Там же, стр. 21.
- 269 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 66.
- 270 Каждая тангача была равна шести кебекским динарам, находящимся тогда в обращении (Хондемир. Хабиб ас-сияр, IV, стр. 378).
- 271 Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 378.
- 272 А. Н. Болдырев. Зайнадин Восифи, стр. 242.
- 273 Ш о м и. Зафарнома, стр. 123.
- 274 Там же.
- 275 Гийассаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию, стр. 84—85.
- 276 В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 104.

- ²⁷⁷ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 256.
- ²⁷⁸ Я. Г. Гулямов. К изучению эпохи Навои (сб. статей). Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948, стр. 19—20.
- ²⁷⁹ Бабурнаме, стр. 92.
- ²⁸⁰ Там же.
- ²⁸¹ См. Р. Джалилова. К истории аграрных отношений в государстве Шейбанихана в начале XVI века. Обществ. науки в Узбекистане, 9, 1963, стр. 39.
- ²⁸² А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., стр. 52—53. Тимур тоже, когда находился на службе у Хусейна в районе Шахрисябза, на правах мультка владел селением Ниязи (см. Муинаддин Натанзи. Мунтахаб ат-таварихи Муини, стр. 214).
- ²⁸³ В статье «Из истории земельных отношений и налоговой политики Тимуридов» Алика Кукельташ нами ошибочно назван воспитателем Улугбека.
- ²⁸⁴ Абдурраззак Самарканди. Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 746—747.
- ²⁸⁵ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 247.
- ²⁸⁶ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 841.
- ²⁸⁷ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 9.
- ²⁸⁸ Там же, стр. 11. Самаркандский ман по большому весу равнялся 19,2 кг (см. Е. А. Давидович. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XV—первой половине XVIII вв. Докл. АН Уз. ССР, 5, 1952, стр. 54).
- ²⁸⁹ Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в., стр. 37.
- ²⁹⁰ О. Д. Чехович. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара.
- ²⁹¹ Бабурнаме, стр. 74.
- ²⁹² А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои.
- ²⁹³ А. А. Семенов. Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейна мирзы, стр. 238—239.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Бабурнаме, стр. 87.
- ²⁹⁶ Там же, стр. 81.
- ²⁹⁷ Документ Института истории АН Таджикской ССР, без номера.
- ²⁹⁸ О. Д. Чехович. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара, стр. 241.
- ²⁹⁹ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.
- ³⁰⁰ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в., стр. 28—29.
- ³⁰¹ Там же, стр. 30.
- ³⁰² Там же, стр. 29.
- ³⁰³ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 45.
- ³⁰⁴ О. Д. Чехович. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954.
- ³⁰⁵ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 45.
- ³⁰⁶ А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи. Фердовси (сб. статей). Л., 1934.
- ³⁰⁷ И. П. Петрушевский. Земледелие.
- ³⁰⁸ А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи, стр. 60.
- ³⁰⁹ О. Д. Чехович. Вакуфный документ времени Тимура, стр. 56 и далее.
- ³¹⁰ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 123 и далее.
- ³¹¹ О. Д. Чехович. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара, стр. 241.
- ³¹² Там же, стр. 243.

- ³¹³ Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Первая Васика.
- ³¹⁴ Джериб — мера земли, соответствует 60 квадратным гюзам (Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. I, стр. 329).
- ³¹⁵ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. Лен. отд. Ин-та народов Азии, С. 333, лл. 486—506; Г. Р. Ремер. «Шарафнома», стр. 22, л. 326—33а.
- ³¹⁶ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 231.
- ³¹⁷ Абдурраззак Самарканди. Матла'ас са'дайн, т. I, стр. 189.
- ³¹⁸ Там же, стр. 563.
- ³¹⁹ Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, стр. 554.
- ³²⁰ Там же, т. IV, стр. 68.
- ³²¹ Там же, стр. 2.
- ³²² Абдурраззак Самарканди. Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1047—1048.
- ³²³ Там же, стр. 840.
- ³²⁴ Там же, т. I, стр. 568.
- ³²⁵ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 269. Согласно Абдурраззаку, селение Джафора и Кориз-Мухтор (Татла'ас са'дайн, т. II, стр. 1046).
- ³²⁶ Асад-Аллах ал-Галиб — это эпитет Халифа Али. Вокруг мазара Али впоследствии вырос город Мазари-Шериф (подробно об этом см. В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Л., 1928, стр. 137—138).
- ³²⁷ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 32.
- ³²⁸ Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. I, стр. 156.
- ³²⁹ Хондемир. Хабиб-ас-сияр, т. IV, стр. 111.
- ³³⁰ А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимурдах. Л., 1933, стр. 54.
- ³³¹ Исфизари. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 1376.
- ³³² Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 83—84.
- ³³³ Документ Института ист. АН Тадж. ССР, инв. № 2157.
- ³³⁴ Возможно, в эти годы при Улугбеке садром был Насираддин ходжа, так как Пенджикент входил в состав владения Улугбека.
- ³³⁵ Исфизари сообщает, что эмир Тимур во время похода в Хорасан посетил известного шейха мавлоно Абубакра и, уходя, своей бородой подметал порог дома этого шейха, заявив при этом: «Пусть меня считают из числа джорубкашей этого дома» (Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. I, стр. 225). Из этого рассказа видно, что «джорубкаш» букв. значит «метельщик». Возможно, джорубкашами назывались все слуги.
- ³³⁶ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук., с. 333, л. 506.
- ³³⁷ Коризгох — искаженное Корзоргох (место битвы). Коризгох находится в 2 английских милях к северо-востоку от г. Герата (см. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 40).
- ³³⁸ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 32—33.
- ³³⁹ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 249.
- ³⁴⁰ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 101.
- ³⁴¹ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 221.
- ³⁴² Там же, ч. VII, стр. 83.
- ³⁴³ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук., С. 333, лл. 46, 5а; Г. Р. Ремер. «Шарафнома», стр. 2—3, лл. 3а—5а.
- ³⁴⁴ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 84.
- ³⁴⁵ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук., С. 333, л. 296, 336.
- ³⁴⁶ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 85.
- ³⁴⁷ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. Лен. отд. Ин-та народов Азии, В 580, л. 296.

- ³⁴⁸ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. С 333, лл. 486—506; Г. Р. Ремер. «Шарафнома», стр. 22, лл. 326—33а.
- ³⁴⁹ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук., С 333, лл. 10а, б—11а; Г. Р. Ремер. «Шарафнома», стр. 6, лл. 86—96.
- ³⁵⁰ Тарассул, лл. 8а—9б; «Шарафнома» стр. 5—6, лл. 7а—8б.
- ³⁵¹ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 83.
- ³⁵² Мунтахаб ат-таварихи Муини, стр. 279.
- ³⁵³ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 20.
- ³⁵⁴ Йазди. Зафарнома, т. II, стр. 241—242.
- ³⁵⁵ Там же, стр. 265—266.
- ³⁵⁶ А. Ю. Якубовский. Самарканд при Тимуре и Тимуридах, стр. 54.
- ³⁵⁷ Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. I, стр. 143.
- ³⁵⁸ О. Д. Чехович. Новая коллекция документов по истории Узбекистана. Ист. зап., 36, стр. 265.
- ³⁵⁹ О. Д. Чехович. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара, стр. 243.
- ³⁶⁰ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 276.
- ³⁶¹ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1124—1125; Исфизари. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 199а, б—200а.
- ³⁶² Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 383.
- ³⁶³ Там же, стр. 379.
- ³⁶⁴ Р. Г. Мукминова. Некоторые данные о вакфиной грамоте в пользу двух медресе Мухаммед Шейбанихана. Изв. АН. Уз. ССР, сер. общ. наук, 3, 1957, стр. 17—22.
- ³⁶⁵ Там же.
- ³⁶⁶ М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века. Автореф. докт. дисс., стр. 5.
- ³⁶⁷ М. А. Абдураимов. О некоторых категориях феодального землевладения и положении крестьян в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX века. Общ. науки в Узбекистане, 7, 1963.
- ³⁶⁸ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918.
- ³⁶⁹ А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи А. Навои. Родоначальник узбекской литературы. Сб. А. Навои. Ташкент, 1940.
- ³⁷⁰ С. А. Азимджанова. Из истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957; Она же. Экономические взгляды Захириддина Мухаммада Бабура. Сб. ст. Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв. Ташкент, 1961.
- ³⁷¹ Шарафиддин Али Йазди. Зафарнома, т. 2, стр. 560.
- ³⁷² Там же, стр. 569—570. Как известно, Ибн Арабшах враждебно относился к Тимуру, несмотря на это, он также признает, что Тимур после возвращения в Самарканд из упомянутого похода освободил население (вероятно, самаркандцев) от взимания баджа и хараджа, и приказал, чтобы чиновники не допускали притеснения по отношению к подданным (см. Ибн Арабшах. Аджаиб ал-макдур, стр. 210).
- ³⁷³ Низамаддин Шами. Зафарнома, стр. 294—295.
- ³⁷⁴ Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 577—579.
- ³⁷⁵ Там же, т. II, стр. 418.
- ³⁷⁶ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 170.
- ³⁷⁷ Там же.
- ³⁷⁸ Йазди. Зафарнома, т. II, стр. 454—455.
- ³⁷⁹ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (XI—XV вв.). Кр. сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та ист. материальной культуры, XXVIII. М.—Л., 1949, стр. 42—43.
- ³⁸⁰ Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, стр. 601.

- ³⁸¹ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 224.
- ³⁸² «Один харвар равен ста манам табризского веса, а один ман равенся трем килограммам» (см. А. Али-заде. Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Изв. АН Азерб. ССР, № 3, стр. 110).
- ³⁸³ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 347.
- ³⁸⁴ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 758.
- ³⁸⁵ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 106.
- ³⁸⁶ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 278; Исфизарн. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 2036.
- ³⁸⁷ Абдурраззак. Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1174.
- ³⁸⁸ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 282.
- ³⁸⁹ Там же, стр. 288.
- ³⁹⁰ Там же, ч. VII, стр. 227.
- ³⁹¹ Там же.
- ³⁹² А. А. Семенов. Некоторые данные по экономике империи султана Хусейн мирзы.
- ³⁹³ Я. Г. Гулямов. К изучению эпохи Навои, стр. 21. Сб. Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948.
- ³⁹⁴ Там же, стр. 22.
- ³⁹⁵ Бабурнаме, стр. 34—35.
- ³⁹⁶ С. А. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., стр. 41.
- ³⁹⁷ Бабурнаме, стр. 169.
- ³⁹⁸ М. А. Абдураимов. О некоторых категориях феодального землевладения, стр. 39—40.
- ³⁹⁹ Данк—шестая часть чего-либо; здесь, безусловно, речь идет об одной третьей части урожая (см. И а з д и. Зафарнома, т. II, стр. 156).
- ⁴⁰⁰ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1134—1135.
- ⁴⁰¹ С. А. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., стр. 81.
- ⁴⁰² С. А. Азимджанова. Экономические взгляды Захриддина Мухаммада Бабура, стр. 74.
- ⁴⁰³ М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений. Автореф. докт. дисс., стр. 59.
- ⁴⁰⁴ А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, стр. 116.
- ⁴⁰⁵ Е. А. Давидович. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в., стр. 32.
- ⁴⁰⁶ В. Минорский. Цит. раб., стр. 945.
- ⁴⁰⁷ М. А. Абдураимов. О некоторых категориях феодального землевладения, стр. 37.
- ⁴⁰⁸ Абдурраззак. Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1134—1135.
- ⁴⁰⁹ С. А. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., стр. 81.
- ⁴¹⁰ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. библ. Лен. отд. Ин-та народов Азии АН СССР, С. 333; Г. Ремер. «Шарафнома», стр. 11—12, л. 17а—186.
- ⁴¹¹ Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Первая васика.
- ⁴¹² Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук., С 333, илл. 486—506. Г. Ремер. «Шарафнома», стр. 22, л. 326—33а.
- ⁴¹³ А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои.

- ⁴¹⁴ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. С 333, лл. 276—286. и рук. В 580, лл. 246—256; Г. Ремер «Шарафнома», стр. 15, лл. 22а, б.
- ⁴¹⁵ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. С 333, лл. 536—546.
- ⁴¹⁶ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 382.
- ⁴¹⁷ Там же, стр. 387.
- ⁴¹⁸ А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, стр. 118.
- ⁴¹⁹ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 290. Исфизари также называет моли сардарахти (Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 216а).
- ⁴²⁰ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1300—1301; Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 83.
- ⁴²¹ См. сообщение Натанзи о правителе (даруге) Шахрисябза (Мунтахаб ат-таварихи Муини, стр. 219).
- ⁴²² Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 170.
- ⁴²³ Нами выше было отмечено, что в этом году вследствие быстрой перемены власти харадж с крестьян был собран трижды.
- ⁴²⁴ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1144.
- ⁴²⁵ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 37.
- ⁴²⁶ Исфизари. Роузат ал-джаннат, т. I, стр. 135.
- ⁴²⁷ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 38.
- ⁴²⁸ Хафиз и Абру. Зейли Джамии ат-таварих, стр. 231.
- ⁴²⁹ Там же, стр. 243.
- ⁴³⁰ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 38.
- ⁴³¹ Там же, стр. 38.
- ⁴³² А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. Сов. востоковед., V, 1948, стр. 141.
- ⁴³³ Васифи приводит интересный рассказ относительно правления Ёлугбека, где термин «авариджа» применяется в указанном значении (см. Зайнаддин Васифи. Бадаи ал-вакаи, т. I, М., 1961, стр. 474—475).
- ⁴³⁴ А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, стр. 142—143.
- ⁴³⁵ Там же, стр. 152.
- ⁴³⁶ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 38.
- ⁴³⁷ А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, стр. 117—118.
- ⁴³⁸ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 387.
- ⁴³⁹ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1087.
- ⁴⁴⁰ Вероятно. зари лашгар.
- ⁴⁴¹ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1410.
- ⁴⁴² Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX века, стр. 104.
- ⁴⁴³ Там же, стр. 105.
- ⁴⁴⁴ А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, стр. 115—116.
- ⁴⁴⁵ Там же, стр. 116.
- ⁴⁴⁶ А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои, стр. 167.
- ⁴⁴⁷ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1124.

- ⁴⁴⁸ Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 63—64; Исфизари. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, лл. 1996—200а.
- ⁴⁴⁹ Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Первая васика.
- ⁴⁵⁰ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 398; см. также В. Минорский. Цит. раб., стр. 948.
- ⁴⁵¹ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 398.
- ⁴⁵² Шами. Зафарнома, стр. 122—123.
- ⁴⁵³ Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 379—380.
- ⁴⁵⁴ В некоторых сопредельных странах пишкаш применялся в таком же значении (см. В. Минорский. Цит. раб., стр. 950).
- ⁴⁵⁵ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. С 1545, лл. 226—23а.
- ⁴⁵⁶ Там же, рук. С 333, л. 50а, б.
- ⁴⁵⁷ См. нашу статью «О подати кушуни в эпоху Тимуридов». Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, № 1 (32), 1963.
- ⁴⁵⁸ Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде, стр. 219—220.
- ⁴⁵⁹ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1054.
- ⁴⁶⁰ Там же, стр. 1250. Джихад—война за веру, Джихади—подать для ведения войны за веру. Это единственный известный нам случай взимания подати джихади.
- ⁴⁶¹ Там же, стр. 1255—1256.
- ⁴⁶² Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 81. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 214а, б.
- ⁴⁶³ Матла'ас са'дайн, т. II, стр. 1143—1144.
- ⁴⁶⁴ Там же, стр. 1431.
- ⁴⁶⁵ Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VII, стр. 22; Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 152. Исфизари. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 237а.
- ⁴⁶⁶ Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. Зап. Ин-та востоковед. АН СССР, II, 2. Л., 1933, стр. 77.
- ⁴⁶⁷ Там же, стр. 79.
- ⁴⁶⁸ И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 389—390.
- ⁴⁶⁹ Исфизари. Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 211б.
- ⁴⁷⁰ Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Первая васика.
- ⁴⁷¹ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. С 333, л. 50а, б.
- ⁴⁷² Устод Халил Аллах Халили. Ямган. Первая васика.
- ⁴⁷³ Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. Лен. отд. Ин-та городов Азии АН СССР, В 580, лл. 24б, 25а, б. Исфизари сообщает, что в результате освобождения султаном Хусейном от податей крестьян, обрабатывающих пустующие земли, на расстоянии около 30 фарсахов от Мургаба до Мерва и 25 фарсахов от Сарахса до Мерва все пустующие земли (сахрой мавот) были заселены и обработаны (Роузат ал-джаннат. Рук. А. К. Писарчик, л. 237б).
- ⁴⁷⁴ А. Али-Заде. Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв., стр. 108.
- ⁴⁷⁵ Йазди. Зафарнома, т. I, стр. 132. О бигаре см. также В. Минорский. Цит. раб., стр. 950.
- ⁴⁷⁶ Абдурраззак. Матла'ас са'дайн, т. I, стр. 103.
- ⁴⁷⁷ Хафизи Аbru. Пандж рисолаи та'рихи, стр. 60.
- ⁴⁷⁸ Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, стр. 79—80. Об этом см. также М. Абдураимов. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах Эмира Хайдара. Ташкент, 1961, стр. 36.

- 479 К л а в и х о. Дневник путешествия, стр. 210—214.
 480 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 400.
 481 К л а в и х о. Дневник путешествия, стр. 284—285.
 482 Т а м ж е, стр. 343.
 483 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 387—388.
 484 Т а м ж е, стр. 389.
 485 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 142.
 486 Гийассадин Али. Дневник похода Тимура в Индию,
 -стр. 161.
 487 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 386.
 488 Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. III, стр. 546.
 489 В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 106.
 490 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 260.
 491 Т а м ж е, стр. 285.
 492 Р. Н. Набиев. Из истории политико-экономической жизни Ма-
 вераннахра XV в., стр. 38—39.
 493 К л а в и х о. Дневник путешествия, стр. 219—220.
 494 В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 133—134.
 495 П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 31.
 496 Т а м ж е, стр. 32.
 497 О. Д. Чехович. К истории крестьян Бухары XIV в., Изв. АН
 Уз. ССР, сер. общ. наук, 1959, стр. 74.
 498 В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 133.
 499 П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 44.
 500 Т а м ж е, стр. 61.
 501 В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 133.
 502 Т а м ж е.
 503 Относительно нормы ренты со всех категорий земель см. в разделе
 с налогах.
 504 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 326.
 505 Т а м ж е, стр. 327—328.
 506 Т а м ж е.
 507 Т а м ж е, стр. 336.
 508 Абд Аллах Марварид. Тарассул. Рук. С 1545, лл. 226—
 23а. Более подробно об этом документе см. Указ о подати номбардор ку-
 шуни, относящийся к эпохе Тимуридов, гл. III.
 509 Такие же пункты имеются в некоторых других документах XIV—
 XV вв.
 510 В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишратхана, стр. 133.
 511 П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 14.
 512 В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III,
 стр. 159.
 513 М. А. Абдураимов. О некоторых категориях феодального
 землевладения, стр. 39.
 514 А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в
 Иране в Хулагундскую эпоху, стр. 126—127.
 515 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 314.
 516 Мирхонд. Роузат ас-сафа, ч. VI, стр. 74.
 517 Гийассадин Али. Дневник похода Тимура в Индию,
 стр. 124.
 518 Т а м ж е, стр. 159.
 519 И. П. Петрушевский. Земледелие, стр. 315.
 520 И с ф и з а р и. Роузат ал-джаннат, т. I, стр. 23—24.
 521 Хондемир. Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 16.

⁵²² Гийассадин Али. Дневник похода Тимура в Индию, стр. 110.

⁵²³ О. Д. Чехович. К истории крестьян Бухары XIV в., стр. 75—76.

⁵²⁴ В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ишрагхана, стр. 124.

⁵²⁵ Там же, стр. 131.

⁵²⁶ Там же, стр. 127.

⁵²⁷ Е. А. Давидович. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XV—первой половине XVIII вв.

⁵²⁸ По определению В. Л. Вяткина, под зерном трех сортов здесь подразумеваются пшеница, ячмень и просо.

⁵²⁹ О. Д. Чехович. К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара, стр. 242.

⁵³⁰ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 61.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Обзор использованных источников и литературы	5
Глава I. Ирригация, сельскохозяйственные культуры.	11
1. Сведения об оросительных сооружениях эпохи Тимуридов	—
2. Общие сведения о сельскохозяйственных культурах Средней Азии в Тимуридскую эпоху	16
Глава II. Категории феодального землевладения Средней Азии в XIV—XV вв.	33
1. Государственные земли	34
2. Ленное (суюргалы) и тарханное землевладение	39
3. Мульковые земли	48
4. Вакфные земли	55
Глава III. Феодальная рента и налоги при Тимуре и Тимуридах.	70
1. Земельная рента и харадж	—
2. Другие подати и повинности	78
Глава IV. Категории крестьян и посаженные на землю рабы	99
Заключение	106
Примечания	114

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН Таджикской ССР*

Нарзулло МАХМУДОВ
**ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIV—XV вв.**

Редактор Издательства *М. А. Баталова*
Технический редактор *З. П. Маслова.*

КЛ 04173. Подписано к печати 11·XI-1966 г. Формат 60x90^{1/16}
Печ. 8,25 л. Уч.-изд. 8,5 л. Заказ 45. Тираж 900. Цена 68 к.

Типография Издательства «Дониш», Душанбе, ул. Айни, 121.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
17	22 снизу	шкурки	шнурки
57	3 сверху	مستقلان	مستقلات
70	4 снизу	к поданным	к поданным
79	См. табл.	Малади	Мадали
82	22 снизу	Л. Латыпов	Н. Латыпов
105	13 .	вакфы	факты
122	Прим. 325	Татла'ас са'дайн	Матла'асса'дайн

Цена 68 коп.